
Родион Берёзов
Повесть о друге

Родион
БЕРЕЗОВ

ПОВЕСТЬ О ДРУГЕ

Христианский Мост
1997

Издательство
Международной Ассоциации
«Христианский Мост»
(Президент Михаил Моргулис)

Главный редактор
Юрий Мезенко
Редактор
Юрий Быстров
Корректоры:
Светлана Скрипникова
и Владимир Евдаш

Компьютерная верстка и макет
Виктора Матвеюка

Published by Christian Bridge International
(President Mikhail Morgulis)

Editor-in-chief
Yuri Mezenko
Editor
Yuri Bistrov
Proof-reading
Svetlana Skripnikova
and Vladimir Yevdash

Layout
Victor Matveiuk

Вступление издателя

Когда умирал один из самых известных писателей послевоенной эмиграции – Родион Берёзов, он сказал мне: «Мой дорогой, я издал все книги, которые написал, а их более тридцати. Но одну я не издал, о моём друге писателе Сергее Максимове. Видите ли, я человек верующий и, с одной стороны, не хотел вставлять в книгу все подробности, о которых рассказал мне Сергей. С другой стороны, перед его смертью я дал ему слово рассказать абсолютно всё, что он мне поведал. И вот я решил, оставлю рукопись книги вам, а вы, уже после моей смерти, издадите её. Надеюсь, простят и герою, и автору. Тем более, что оба говорят правду в назидание нашим детям».

Действительно, я долго не решался издать эту книгу, так как она называет вещи своими именами, без прикрас, к которым мы привыкли. Но в этом году исполняется сто лет со дня рождения Берёзова. Я уже не юноша, никто не знает, что может случиться со мной. И поэтому, наконец, я решился издать эту последнюю книгу Родиона Михайловича. Её могут воспринять по-разному. Но в одном я уверен – она послужит жизненным назиданием для тысяч российских юношей, ищущих свой путь. Многим из них сегодня кажется, что лучший путь в жизни – это путь успеха, славы и денег. Однако эта книга подтверждает, что лучший путь в жизни – путь Христа, Который действительно есть Путь, Истина и Жизнь.

С молитвой отдаю эту книгу в ваши руки, дорогие читатели. И пусть её выход в свет будет подарком к столетию ушедшего от нас писателя земли российской.

Михаил Моргулис
Москва - Чикаго

Предисловие автора

Эти страницы о моём друге – Сергее Сергеевиче Максимове, хотя в повести он назван Андреем.

В Америке его имя приобрело известность благодаря рассказам о тайге и роману «Денис Бушуев», переведенному на несколько языков. Его книга «Голубое молчание» проникнута одухотворённым лиризмом.

Жизненный путь этого человека весьма краток. Детство и юношеские годы прошли в Москве. Из столицы в семнадцатилетнем возрасте он был сослан на каторгу в Ухто-Печерский лагерь, где пробыл шесть лет. По освобождении короткое время жил в Калуге, а во время войны, зимой 1941 года, оказался в Смоленске, где и началась наша дружба. Там он женился, я был его посажённым отцом. Из Смоленска Андрей вместе с женой перебрался в Германию, где и написал свой знаменитый роман. После войны некоторое время оставался на земле бывшего рейха. При его содействии начал издаваться журнал на русском языке – «Грани».

Переехав в Соединённые Штаты, писатель сразу стал сотрудничать в газете «Новое русское слово». Американская полоса жизни Максимова – самая феерическая и в то же время самая мучительная.

Как бы там ни было, моя «Повесть о друге» написана по его настоятельной просьбе.

Обо всех печальных и страшных моментах жизни он рассказал мне сам. Многое происходило на моих глазах.

Максимов был на редкость талантливым человеком, но наследственный, по его утверждению, алкоголизм, а я бы сказал: гордыня и нежелание смириться перед Богом,– привели его ко многим унизительным компромиссам в жизни, к духовному оскудению, а потом и печальному концу.

Прошу у Бога, чтобы моя книга помогла понять, что, когда мы оставляем Господа, сатана легко калечит нашу жизнь.

ПОВЕСТЬ О ДРУГЕ

Просьба героя

Об умерших или ничего не говорят, или говорят только хорошее. Эту спорную истину утверждают многие, считающие себя добрыми мудрецами.

Если следовать выдуманному ими правилу, тогда надо поставить крест на всём прошлом. История беспристрастна и нелицеприятна. Она не превращает демонов в ангелов, её портреты точны как фотографические снимки. Историческая наука преподносит нам целую галерею персонажей давнего и недавнего прошлого,– таких, например, как Атилла, Тамерлан, Иван Грозный, папа Борджиа, Наполеон, Гитлер, Сталин, Муссолини, Чингисхан, Батый...

Только близким подобных личностей или их духовным наследникам хотелось бы представить эти исчадия ада светилами вселенной, великими созидателями и даже миротворцами. Но история не расшаркивается перед злодеями: чёрное она изображает чёрными красками, сатану не называет Богом. Цель истории – истина, как бы ни была она горька.

Некоторые специалисты в области истории изящных искусств и литературы иногда пытаются кое-что приукрасить, подсластить, идеализировать. Но, к счастью для мировой истории, находятся правдолюбцы, которые лучами беспристрастности освещают события, и они предстают перед нами такими, какими они были в действительности.

Иногда злодеи, чуя приближение своего конца, стараются уничтожить документы, бросающие на них тень. Но, при всём их желании, содеянного скрыть не удаётся. Зло – это шило в мешке: так или иначе оно обнаружит свой острый шип. И тогда «защитники» со смиренным видом оправдываются, спекулируя словами Христа, сказанными фарисеям: «Кто из вас без греха, брось в неё камень...»

Эти «защитники», втуне использующие слова Христа, искажающие их истинный смысл, вероятно, найдут «смягчающие обстоятельства» и для Сталина, и для Гитлера, и для какого-нибудь Феликса Дзержинского. Но такая позиция равносильна оправданию мирового зла. Честная совесть не хочет мириться с этим. Мир должен знать правду не только о живых, но и об умерших злодеях.

Эти вступительные строки я написал потому, что хочу рассказать правду о своем покойном друге, сделавшем так много зла в жизни. Предупреждаю читателей, что я вывожу его не под настоящим именем, а под псевдонимом.

С двенадцати лет он пристрастился к алкоголю. В семнадцать попал на шестилетнюю советскую каторгу. Его жизнь – это цепь моральных падений, с редкими выкарабкиваниями из чёрной бездны в атмосферу человечности и порядочности. Его роман «Денис Бушуев» был издан на четырёх языках: русском, английском, итальянском и немецком, но слава только ожесточила сердце писателя. Незадолго до его конца я дал ему совет:

– Андрей, напишите книгу о всех своих подлостях, низостях, мерзостях, и она будет переведена на все языки мира как необычайная, захватывающая исповедь.

– Не хватит душевного и физического пороха, Михалыч. Вы знаете о моём прошлом из наших сокровенных бесед. Я почти ничего не скрывал от вас. А последние мои годы проходили на ваших глазах. Вы видите моё теперешнее состояние. Я уже не человек. Напишите обо мне, мой друг. Материала у вас более чем достаточно. Не щадите меня. Боже вас упаси от сусальности, лакировки, снисходительности. Ваша стопроцентная правда обо мне будет предостережением для многих. Помните строки Сергея Есенина: "Если черти в душе гнездились, значит ангелы жили в ней"? Из моей души черти вытеснили ангелов. Покажите как это происходило, как я очутился в плену мерзких сил, как я сдружился с ними, как они управляли мною. Я был марионеткой, приводимой в движение черным ненавистником добрых дел и чистых душ, главным «кукловодом» дьявольского вертепа. Имя ему – сатана...».

Как же мне забыть о просьбе друга? Имею ли я право откладывать труд, даже если он будет сопровождаться моими воплями, стонами и сердечными содроганиями, ибо мне снова придётся переживать многое из того, чему я был свидетелем в своё время?! Но ведь покорение вершин всегда сопровождаются не только царапинами, падениями и кровоподтёками, но и зачастую смертельными опасностями, когда жизнь держится даже не на волоске, а на паутинке.

Итак, дорогие читатели, я начинаю этот нелёгкий путь через зияющие бездной пропасти и льдистые перевалы – через то, что называется жизнью друга, со всеми её недосказанными и недописанными страницами. Последуйте по этому маршруту вместе со мною. Поддержите меня своим ободрением и своим сочувствием. Мне почти восемьдесят три года. Эти мои страницы – «Ещё одно последнее сказанье»,– как говорит летописец Пимен в произведении Пушкина «Борис Годунов».

Расправа

У Пасхиных было три сына: Николай, Андрей, Геннадий. Семья жила в Москве, в Денежном переулке, в деревянном двухэтажном доме, неподалёку от Садового кольца. Квартира их, из четырёх комнат, размещалась на втором этаже. Отец был архитектором, мать – домохозяйкой.

Больше всего причинял беспокойства родителям средний сын Андрей – умный, своевольный, неугомонный мальчик. Когда у Пасхиных бывали гости, на столе всегда стояло несколько бутылок с разными винами. Русоголовый Андрей с восторгом смотрел на мужчин, которые ловко опрокидывали в рот водку и с поспешной жадностью закусывали солёным, хрустящим на зубах огурцом. С завистью наблюдая за взрослыми, двенадцатилетний мальчик чувствовал, как рот его наполнялся слюной. И не было рядом никого, кто бы вовремя и доходчиво сумел объяснить мальцу, вспомнив слова из Библии, что «вино – глумливо, сикера – буйна; и всякий, увлекающийся ими, неразумен»...

Когда гости уходили, мать прежде всего торопилась убрать бутылки. Однако, улучив момент, Андрей подбегал к столу, сливал оставшиеся капли спиртных напитков в одну рюмку. Иногда из остатков набирался целый глоток. Мальчик выпивал это в тот момент, когда мать была чем-то занята и не могла его видеть. Выпитое обжигало горло, а голову как будто протыкала стрела, но от этого не было никакой боли, а было что-то похожее на кружение на карусели или на высокие взлёты на качелях в парке на берегу Москва-реки. Вместе с приятным чувством рождалось сожаление: «Мало!»

Иногда старший и младший братья грозились рассказать о его «пьянстве» отцу.

– Какое же это пьянство,– огрызался Андрей,– всего один глоток.

Отец не раз рассказывал, что его дед, бакенщик на Волге, был горьким пьяницей. Таким же был и дед по матери, тоже живший где-то на берегу великой реки.

– Не приведи Господь, чтобы кто-либо из вас был, как они,– говорил отец детям.

Слушая рассказы родителя, Андрей почему-то мечтал (сейчас я думаю, что это дьявол нашёптывал ему):

– А вот я как раз буду таким, какими были мои деды-волгари.

Учился он хорошо, на лету запоминая всё то, что рассказывали учителя. Он любил стихи, много читал и уже в начальной школе пытался сочинять что-то своё. Его хвалили и ставили в пример остальным ученикам. Особенная дружба была у него с Иваном Гудковым, с которым он четыре года сидел за одной партой. Отец Ивана держал трактир у пристани Москва-реки.

Однажды Андрей сказал родителям:

– Я заночую у Ваньки Гудкова.

Затаённым желанием Андрея было собрать как можно больше остатков спиртного и напиться до бесчувствия, как напивались его деды, испытать то, что они испытали. Дьявол продолжал искушать нестойкую душу...

Друзья больше часа провели на кухне, куда половые приносили посуду из главного трактирного зала. Вместе со стаканами на

подносах стояли недопитые бутылки. Мальчишки сливали всё это в одну посудину. Андрей говорил Ивану:

– Захватим закусок и пойдём на Москва-реку, на травяной берег. Погуляем, отведём душу.

Питья набрали половину бутылки. Это была едкая, гремучая смесь водки, вина и пива. На закуску захватили хлеба и колбасы. Стакан взяли один, чтобы пить по очереди.

Время было весеннее. Круглая луна серебрила речную гладь. Мальчики нашли такое место, где их никто не мог заметить.

– Ты пей первым, я на это не охотник,– неожиданно смутившись, сказал Иван.

– Это хорошо, значит, мне достанется больше,– обрадовался Андрей.

Он знал, что когда пьют, то произносят тосты – по возможности, покрасивше да позакрученней. Наполнив стакан, сказал:

– Я пью за то, чтобы когда-нибудь стать знаменитым писателем – таким, как Джек Лондон и Максим Горький!

– Высоко хочешь взлететь! – засмеялся Иван.

Выпив, Андрей набросился на колбасу и хлеб.

– Ванёк, посмотри на луну – она любуется нами и думает: "Из этих хлопцев будет толк". Теперь пей ты!

– Что-то не хочется. Честно говоря, мне очень не нравится, что отец держит трактир. Одни пьяные лица перед глазами, крик, брань...

– Тогда я выпью за тебя. Чего тебе пожелать?

– Чтоб мною были довольны родители.

– Это так скучно! Кем ты мечтаешь стать?

– Капитаном парохода на Волге.

– Это другое дело! Но имей в виду, что все капитаны – пропойцы!

– А я буду исключением – единственным трезвенником на все пароходы.

– Значит, сейчас я выпью за трезвенника – капитана Ивана Гудкова!

Товарищ с удивлением посмотрел на Андрея.

– Да ты пьёшь как извозчики в нашем трактире – даже не морщишься...

– Потому что я уродился в своих дедов-волгарей! Но всё-таки, если ты не выпьешь хоть один раз, это будет нечестно с твоей стороны. Мы же друзья, четыре года вместе...

– Ладно, наливай!

Когда стакан был наполнен, Иван сказал:

– Эй, взгляни на луну – на неё надвигается белое облачко.– Когда Андрей поднял голову, Иван выплеснул питьё в траву и притворно крякнул:

– Ну и гадость!

– Тебе не нравится? А в меня втекает как по маслу!

Воистину всё начинается с малого. И прекрасные цветы, и чертополох пробиваются тонким зелёным стебельком – так сразу и не различишь. Сейчас, в старческом приюте, я описываю детство моего героя и думаю: прав был Соломон, когда предостерегал – «не будь между упивающимися вином». Но иным мало прочитать об этом – нужно, что называется, всё испытать на собственной шкуре, набить свои собственные синяки и шишки, а то и всю жизнь загубить. Дьявол искажает восприятие нами жизни так, что хорошее кажется ничтожно мелким, а плохое – заманчивым, даже геройским. На эту кривую тропинку он старается столкнуть каждого. Андрей уже вовсю шагал по ней. Но, вот ведь беда, даже тех, кто не «отваживается» переступить роковую черту, грех привлекает своим мнимым «романтизмом». Так и Иван, который сам пить не рискнул, сказал однокласснику уважительно, хотя и с некоторым осуждением в голосе:

– Ты всё делаешь как взрослые...

– А чего ж ротозейничать?– разошелся вовсю Андрей.– Да я уже и жениться мог бы! Нет и тут для меня никаких секретов...

– Но ведь в двенадцать лет никто не женится.

– А я бы женился, только родители не позволят.

– И правильно сделают!

Андрей обиделся.

– Правильно, неправильно... Знаешь, что я тебе скажу, Ваня: сидим мы за одной партой четыре года, а люди мы совсем разные. Ты какой-то святой...

– С молока снятой! Разве это плохо?

– Может, и неплохо. Но – скучно!

– А ты, куда ни кинь, чересчур смышлёный во всяком деле.

– Вот и хорошо! Но мы с тобой заболтались. Теперь моя очередь.

– А может быть, хватит?

– Хватит, когда опустеет бутылка. Этот стакан я выпью за удачу в жизни, чтобы всё делалось в ней как по щучьему веленью!

Выпив, он затянул песню о Стеньке Разине, о расписных челнах, выплывающих на простор речной волны, и о том, переднем челне, на котором атаман ушкуйников забавлялся с пленённой персидской княжной.

– Потише, Андрюша, нас могут услышать милиционеры.

– И пусть слушают! Мы же никого не грабим, не хулиганим.

– Но мешаем людям спать.

– Знаешь что, Иван? – неожиданно решил Андрей.– Я, пожалуй, не останусь у тебя ночевать. Проводи-ка меня домой.

– Ты хочешь вернуться к родителям пьяным?

– Ну и что тут такого? Я так и скажу отцу: «Полюбуйся, это я, твой сын!»

– Мне страшно за тебя, давай лучше к нам...

Но Андрей не в меру расхрабрился от выпитого. Покачиваясь, он заводил то одну, то другую песню. А в паузах грозился разбить окна, если отец посмеет тронуть его хоть пальцем.

– Раз не хочешь проводить, я пойду один.

– Хорошо, я провожу, только обопрись на мою руку.

– Ты что, считаешь меня пьяным? А я только в хорошем настроении. Мне даже кувыркаться охота.

Они перешли Крымский мост и зашагали по Садовому кольцу. Андрей, не унимаясь, горланил песни. Когда в Денежном переулке приблизились к родительскому дому, он опять громогласно затянул песню о Стеньке. На верхнем этаже зажёгся свет. Во двор спустился отец в полосатой пижаме.

– Это ты, папаня? А это я – Андрей Пасхин, внук своих славных дедов-волгарей...

Но на родителя эта гордая тирада произвела обратное впечатление.

– Ах ты паршивец! Надрызгался, подлец?!

Отец схватил сына за ухо левой рукой, а правой стал наносить тяжёлые удары пониже спины. Иван наблюдал за расправой издали, у куста сирени возле оградки.

– Не смей! – вопил «внук волгарей». – Я подам на тебя в суд! Ты оскорбляешь будущую знаменитость...

– Я тебе покажу, сукин сын, знаменитость! Становись на колени, проси прощенья и клянись, что больше не выпьешь ни капли!

Но пьяный кураж ещё владел Адреем.

– Извините, папаша, от меня вы этого не дождётесь, злостный истязатель!

– Не дождусь? Так вот же тебе, вот, вот! – Он со всей силой хлестал сына по щекам и трепал его за густые волосы.

Осторожный Иван всё так же стоял в тени, сочувствуя, но боясь заступиться.

Андрею, конечно, приходилось несладко, он протестовал, кричал, но не плакал. Тем временем во двор выбежала мать, братья и жильцы нижнего этажа. Однако, несмотря на все призывы к милосердию, отец был неумолим. Если бы столь же последователен и твёрд он был, когда к ним приходили гости, и не прикладывался бы к рюмке на глазах у сына,– может быть, и не было бы нужды в этих запоздалых побоях. Но все мы, грешные,– и родители и дети,– крепки, как говорится, задним умом...

– Шкуру с него сдеру,– неистовствовал старший Пасхин,– если не поклянётся прекратить пьянки!

– Не дождёшься от меня такой клятвы, палач! – кричал в исступлении сын. Наконец, размахнувшись, отец так сильно ударил Андрея, что тот, отскочив, упал на землю, застонал. Мать метнулась к поверженному и, прижав к груди, стала гладить по волосам.

– Я этого так не оставлю, завтра же отправлюсь к прокурору,– грозился Андрей родителю.

– Куда ты пойдёшь?! – причитала мать.– Да тебе придётся неделю отлёживаться в постели. Ты как сноп, обмолоченный цепами... И кто ж тебя надоумил на такое дело? Небось, плохие товарищи?!

Услышав эти слова, маячивший вдалеке одноклассник почёл за лучшее ретироваться.

– Товарищи тут не при чём, – пробормотал Андрей, – у меня своя голова на плечах.

– Плохо она у тебя привинчена, сынок. Много лютого горя ждёт тебя впереди.

– А у моих дедов было лютое горе?

– Несусветное. Бабки света Божьего не видели, ходили по чужим дворам, наведывались в другие сёла – искали «пропажу». А мужья валялись где-нибудь в грязной канаве – избитые, в крови и в синяках. Когда приходили в себя, давали зарок – не тянуться к рюмке. Но обещаний хватало на день или на два. Ведь водка – это сатанинское зелье. Кто раз напился, его будет тянуть снова и снова.

Отец и мать не сомкнули глаз до утра. Андрея терзала рвота. Мать подставляла ему таз, гладила по голове, плакала и шептала:

– Бедный ты мой!

Отец же, вздыхая, повторял:

– Подлец, гадина, гадючье кодло!

Материнское колебание

Утром Андрей почувствовал жгучий стыд за вчерашнее дебоширство. Но тут же поднялась обида на отца. Тело ломило от побоев. Подошла мать. На глазах у неё были слёзы.

– Где отец?

– В проектном бюро.

– Видишь эти синяки и шишки? Как он мог?! Интеллигентный человек, известный всей Москве архитектор... Неужели он не извинится?

– Он будет ждать твоего извинения. Пойми, мой мальчик, что в двенадцать лет немыслимо творить то, что ты сделал вчера.

– Значит, ты тоже на его стороне?

– Я на стороне порядочности, воспитанности и благоразумия. Для твоего вчерашнего поступка нет никакого оправдания.

– Пусть так, но кто дал ему право столь жестоко истязать собственного сына? Он мог сделать меня инвалидом.

– Каждый отец имеет право наказывать своих детей.

– Но не калечить их. Как я с такими синяками покажусь товарищам и учителям? Я опозорен на всю Москву!

– Пойми, опозорил тебя не отец, а ты сам.

– Я не виноват, что пошёл в своих дедов.

– Пожалуйста, не оправдывайся. Твои братья, твой отец ничего не переняли от этих пьяниц. А ведь ты ещё совсем ребёнок. Что будет с тобою, если ты не забудешь о выпивке?! Погибнешь, преждевременно погибнешь! Ты словно слабый цветок, который может убить это страшное зелье... Хочешь, я принесу тебе таз с водой? Умойся и позавтракай. Братья уже ушли в школу.

– У меня кружится голова, мама. Мне бы опохмелиться...

Мать всплеснула руками.

– Ты разговариваешь как завзятый алкоголик. И это в двенадцать лет! Что с тобой будет, когда ты подрастёшь?

– Всё будет в порядке,– убежденно сказал Андрей.– А сейчас, если ты любишь меня, своего несчастного сына, дай мне рюмочку вина, а лучше всего – водки...

– Я, твоя мать, должна отравлять тебя?!

– Не отравлять, а исцелять! Это сразу прекратит мою головную боль. Неужели ты хочешь, чтобы я мучился? – воскликнул Андрей. Потом, помолчав, сказал тихо и примирительно: – Даю тебе слово, мама, взять себя в руки и не повторять того, что было вчера. А сейчас – пожалей меня.

Мать застонала:

– Что ты делаешь со мною!

В ней боролись два чувства. Она, конечно, знала, что когда люди опохмеляются, им сразу становится лучше. Но в то же время её мучила совесть, что она, мать, будет потворствовать своему дитяти в его пагубной страсти. Женщина повернулась к переднему углу, уставленному иконами.

– Царица Небесная, прости меня! С Твоим Сыном не было этого... Но пойми, я хочу моему мальчику добра!

На сердце стало немного легче. Она подошла к застеклённому буфету и налила рюмку лимонной настойки. Когда несла к кровати, рука её дрожала.

– Только одну! – предупредила строго. – А если будешь требовать другую, я попрошу для себя у Бога смерти – прямо на твоих глазах.

– Не буду, мама!

Сын с жадностью схватил рюмку и опрокинул в рот.

– Ух, как хорошо! Спасибо, родная!

– Никому не говори, что я лечила тебя настойкой. Отец за это назвал бы меня дурой и преступницей.

– А по-моему, ты, мама, святая,– я готов на тебя молиться.

Андрей сказал это искренне, от души. Даже годы спустя, уже в Америке, когда он рассказывал мне об этом эпизоде, в его голосе по-прежнему звучала благодарность матери за проявленное «сочувствие» и «понимание».

Но можно ли назвать святостью неразумное, слепое материнское сострадание? Может, не будь его, изведай Андрей всю муку похмелья, и по-другому пошла бы его жизнь. Много ещё воды утекло, пока на склоне дней не открылось моему герою, что мать не спасла, а подтолкнула его прямо к краю пропасти. Но не будем торопиться обвинять эту ослепшую от горя женщину. Разве была она одинока в своём поступке? Разве и поныне ложная эта сердобольность не ослепляет нас? Но почему так, а не иначе? Почему трезвеннику и не простят и не помогут, а пьянице спишут всё – и грязь, и грубость, и жестокость?! При всей простоте вопроса, нет на него простого и однозначного ответа. Иногда мне кажется, что жалость к пьяному, столь характерная для нашего народа, имеет отнюдь не христианские, а еше языческие корни... Ох, как много языческого ещё остаётся в нас!

Да, всё могло пойти по-другому. Если бы не то и не это, если бы проявили твердость, если бы, если бы... За каждым этим «если бы» – протянутая рука Господа. Протянутая рука истинной помощи. Протянутая – и отвергнутая. «У кого вой? У кого стон? У кого ссоры? У кого горе? У кого раны без причины? У кого

багровые глаза? У тех, которые долго сидят за вином, которые приходят отыскивать вина приправленного. Не смотри на вино, как оно краснеет, как оно искрится в чаше, как оно ухаживается ровно: впоследствии, как змей, оно укусит, и ужалит, как аспид; глаза твои будут смотреть на чужих жен, и сердце твоё заговорит развратное, и ты будешь, как спящий среди моря и как спящий на верху мачты. И скажешь: "били меня, мне не было больно; толкали меня, я не чувствовал. Когда проснусь, опять буду искать того же"». Это записано в Притчах,– имеющий уши да слышит! Но мы не слышим, мы ищем «того же»... Друг мой, друг, не было рядом с тобой того, кто прочитал бы тебе эти слова из Библии!..

Впрочем, тогда до подведения итогов Андрею было далеко. Вся жизнь, казалось, лежала перед ним, словно весеннее поле. Похмелье сошло, а синяки и шишки воспринимались как знаки отличия.

Он встал с постели и подошёл к зеркалу.

– Ого! Здорово разрисовал меня мой интеллигентный папаша! Что у тебя, мама, из еды? Может быть, поджаришь котлетку с яйцом? Постой, у тебя, кажется, припасены пельмени? Что может быть вкусней этого блюда?!

Мать засуетилась, приготовляя завтрак для сына. Тем временем он умылся холодной водой и почувствовал себя совершенно свободным от вчерашнего. После этого, вернувшись к зеркалу, стал запудривать синяки «Лебяжьим пухом». Шишку на лбу постарался прикрыть длинными прядями соломенных, слегка вьющихся волос.

Из кухни донёсся запах кипящих пельменей. Андрей заглянул в кастрюлю, стоявшую на огненном кружке, и залюбовался:

– Как они ныряют, соревнуясь, будто в плавательном бассейне!

Рот наполнялся слюной. Потирая руки, Андрей предвкушал блаженство.

Первая слава

В те годы в Москве издавался, да и сейчас, по-моему, издается, детский журнал «Мурзилка». Всегда много читавший Андрей решил написать для журнала рассказ, который положил бы начало его литературной деятельности. Как ни странно, в этом возрасте его не так прельщала слава, как возможность что-то заработать, чтобы ни от кого не зависеть в материальном положении.

Нужно сказать, архитектор Пасхин не баловал детей деньгами. Направляясь в школу, они брали завтрак с собой, чтобы не тратиться во время обеденного перерыва.

Итак, Андрей взялся за перо. К удивлению окружающих, «первый блин» у него комом не вышел и рассказ вскоре появился на страницах журнала. В этом его первом произведении особенно хорошо была описана осень: манящее сверкание первого льда, музыка подпрыгивающих камешков, ловко бросаемых на ледяную поверхность, треск проломившегося льда, отчаянный крик тонущего мальчика и бесстрашие спасителя. Публикация заканчивалась редакционным нравоучением, призывавшем читателей подражать тому, кто самоотверженно бросился спасать погибающего.

Андрей получил первый гонорар – двадцать рублей. Никогда ещё за свою пятнадцатилетнюю жизнь у него не было в кармане такой суммы. Родителям он не сказал о деньгах ни слова. Поведал об этом только некоторым товарищам по школе, к которым питал доверие.

Решено было «спрыснуть» успех, суливший в недалёком будущем громкую известность. О том, чтобы это сделать в родительском доме, нечего было и думать. Нельзя было это сделать и у других приятелей. Даже самый близкий из них, Иван Гудков, сказал, что у него это устроить трудно. Услуги предложил Михаил Цветков, живший с бабушкой, которая благоговела перед внуком и позволяла ему многие вольности. Когда он сообщил ей, что в кругу друзей решено отпраздновать появление в журнале первого рассказа Андрея Пасхина, бабушка охотно дала согласие и даже пообешала сделать к торжеству плюшки и пирог с мясом.

– Надеюсь, ты, бабушка, ничего не будешь иметь против небольшой выпивки – без озорства и хулиганства.

– Что ж, все вы уже, можно сказать, взрослые. А какое ж это торжество, когда люди не могут чокнуться с друзьями? Вы же будете пить в меру, а не до бесчувствия?

– Конечно, бабушка!

Внук так был растроган согласием, что крепко обнял старушку и осыпал поцелуями её лицо. «Спрыски» решено было устроить вечером в воскресенье. С утра бабушка была занята готовкой. Внук помогал ей: резал лук, пропускал мясо через мясорубку, размельчал варёные яйца. Работая, он всё время сыпал комплиментами:

– Какая ты у меня, бабуся, добрая, человечная. Ты понимаешь молодёжь и любишь её!

– А как же её не любить, когда я сама в своё время была молодой! – польщённо откликалась бабушка. – Недаром какой-то поэт сказал: «В собраньи молодёжи и старики моложе».

– Это, бабушка, сказал поэт Валерий Брюсов.

– Когда вы соберётесь, не побрезгуйте моей компанией. Глядишь, рядом с вами и я себя почувствую моложе.

– Обязательно, бабушка Феня! Мы посадим тебя на почётное место. Ты будешь нашей председательницей!

О предстоящих «спрысках» Андрей не сказал ни братьям, ни родителям. Всё готовилось под величайшим секретом. Восемь посвящённых в тайну друзей ждали этого вечера с сердечным трепетом.

Погода благоприятствовала празднику. Было начало мая. Напротив окна бабушкиной квартиры цвела сирень. Большой букет пахучих цветов в красивой золотистой вазе был поставлен в центре стола, покрытого скатертью, разукрашенной красными петухами, пёстрыми курами и жёлтыми цыплятами. В переднем углу, перед иконами Спасителя и Богородицы, теплилась лампадка в малиновом стаканчике. Забегавший то и дело в столовую внук восторгался:

– Бабушка, какой уют, какая красота! Я чувствую, как у меня за плечами вырастают крылья!

– Все молодые люди крылаты, а вот мои крылья давно ощипаны и подрезаны.

– Душа у тебя, бабушка, по-прежнему молодая, иначе ты бы не приготовила и плюшки!

– Какой ты у меня комплиментщик!

– Это, бабушка, не комплимент, а стопроцентная правда! Ты – редкостная! Таких, как ты, на всю Москву – раз-два и обчёлся!

Запах пирога и плюшек растёкся по парадному, вызывая слюнки у завистливых соседей.

Поближе к шести стали собираться гости. Первым пришёл виновник торжества – автор рассказа «Спасение» Андрей Пасхин. Он был в белой рубашке с голубым бантиком и в голубом костюме. В качестве закуски «внук волгарей» принёс с собой полкило жареной индюшатины, нарезанной тончайшими ломтиками, коробку мармелада для бабушки Фени и бутылку муската. Остальные тоже что-нибудь вручали хозяйке. Иван Гудков принёс горшочек маринованных груздей, чем вызвал у товарищей возгласы одобрения. Все мальчики были аккуратно причёсаны и прилично одеты. Букет сирени вызвал всеобщий восторг. Рядом с букетом с одной стороны красовался накрытый белой салфеткой пирог, с другой – возвышались покатой горкой плюшки, прикрытые такой же узорчатой салфеткой. Бабушка вместе с внуком расставили принесенные закуски.

– А что под этими салфетками? – раздались вопросы.

– Не буду скрывать от вас, друзья, это – подлинное чудо кулинарии, – отвечал Михаил Цветков. – Бабушка, можно снять покрывало?

– Знамо, сними!

Когда бабушкино «произведение искусства» открылось глазам, все просто ахнули: аппетитно пахнущий, обваляный в сухарях румяный пирог был аккуратно разрезан на восемнадцать кусков.

– Это похлеще, чем кулинария Филиппова! А как изящны плюшки – каждая, как влюблённое сердце. А сколько в каждой складочек...

– Это горести и радости влюблённых, – сказала бабушка, одетая в синее батистовое платье с мелкими розовыми цветочками.

Ажурный белый воротничок – под горло – выглядел немного старомодно, но эффектно. Седые, тщательно расчёсанные бабушкины волосы были не покрыты.

– Давайте рассаживаться, – пригласил Миша. – Ты, бабушка, вот здесь, на председательском месте, а рядом с тобой – виновник торжества.

Иван Гудков вынул из кармана бутылку с водкой и поставил её на стол.

– По-моему, это зря, – вздохнула бабушка.

– Не беспокойся, бабуся, нас же девять человек, – успокоил её внук. – Я предлагаю букет поставить на тумбочку, чтоб всем нам было видно друг друга. Итак, с чего начнём торжество? Как по-твоему, бабуся?

– По-моему, сначала надо помолиться, а потом прослушать Андрюшин рассказ, да в исполнении самого автора. А теперь встаньте, я помолюсь.

Все обратились лицами к иконам, и бабушка прочитала «Отче наш».

– Не остыл ли пирог? – забеспокоился вдруг Иван Гудков.

– Он прекрасен при любых градусах, – успокоили его друзья. – Давай, Андрюша.

Все притихли. Голос автора звучал артистично и вместе с тем естественно. По щекам бабушки катились слёзы. «Как хорошо, – шептала она, – какой талант!»

Когда чтение было завершено, загремели аплодисменты.

– Поздравляем тебя, Андрюша, с прекрасным началом! – Все тянулись к нему с рукопожатиями. – Рады выпить за твой успех!

Все потянулись чокаться. Автору рассказа улыбались, дружески хлопали по плечу: «Молодец, писатель! Ура, Андрюша!». Так же были внимательны и к гостеприимной хозяйке:

– Будьте здоровы, бабуся! Спасибо вам за чудный пирог! Он просто тает во рту! А тебе, Ваня, мерси за груздочки! Это же мировая закуска!

Выпитое было, как солома, брошенная в костёр, как спичка, поднесённая к вороху сухого сена. Разожжённое пламя требова-

ло «горючего» ещё и ещё. Когда съели по куску пирога, Андрей снова наполнил рюмки.

– Не гони, Андрей! – запротестовал кто-то из самых робких. – Куда нам спешить? Давайте поговорим!

– После одной рюмки не разговоришься! Словоохотливость появляется только после третьей!

Выпили ещё. Закусывали индюшатиной, колбасой, сальтисоном. После второй рюмки слова попросила бабушка. Все обратились к ней.

– Я рада за тебя, Андрюша, как за родного сына, но очень огорчена, что здесь нет твоих братьев и родителей. Скажи, почему они отсутствуют?

– Эти «спрыски» моего рассказа устроены тайно. Моя семья ничего не знает об этом.

– Но почему? – переспросила бабушка.

– Они боятся, что каждая выпивка, даже по торжественному случаю, толкает меня в болото алкоголизма. Но разве алкоголики способны на творчество?! А у меня в голове и в сердце – сотни потрясающих тем. Мой рассказ «Спасение» – только первая искра творческого пламени. Но у родителей больше страха за меня, чем веры в моё будущее. Вот вам и ответ, почему они не с нами. Но вы-то все верите в мой талант?

– Верим! – дружным хором отвечали товарищи.

– Я тоже верю, – сказала бабушка.

Мальчики пили коньяк и водку, а её угощали душистым мускатом. Веселье разгорелось большим костром. Всех так и подмывало на песню. Наконец герой торжества затянул:

– Ехал на ярмарку ухарь-купец,
ухарь-купец, удалой молодец...

Все подхватили:

– Тра-ля-ля, тра-ля-ля,
ухарь купец, удалой молодец!

Андрей выскочил из-за стола и стал изображать героя песни – гримасами, жестами, приплясыванием.

– Ты, оказывается, не только писатель, но и артист! – удивлялись и радовались товарищи.

После «Ухаря-купца» спели про Стеньку Разина.

Оживление всё нарастало, явно подходя к критической черте. Видя это, бабушка стала уговаривать ребят не торопиться опорожнять бутылки. Потакая детям в их недетских слабостях, она неожиданно ощутила прилив тревоги.

– Сейчас все вы можете петь и плясать, а когда перепьётесь, превратитесь в хрюкающих чушек.

– Послушаем тебя, бабушка! – крикнул Андрей.

– Вот и хорошо. Сейчас я приготовлю чай, для того и плюшек напекла, – облегчённо вздохнула старушка. Но, как только она вышла на кухню, приятели тут же сдвинули рюмки...

– Ребята, мы осилили восьмилетку. До университета нам ещё два года, – сказал Миша Цветков. – Так что сегодня мы отмечаем не только первый рассказ Андрея, но и восемь лет школьных занятий. Кстати, что сказали бы наши учителя, если бы нагрянули сюда?

– Поставили бы тройку за поведение, а может быть, даже исключили бы из школы, – предположил кто-то. Но эта перспектива никого из участников застолья не испугала.

– Слава Богу, что мы обошлись без них! – только и порадовался Иван Гудков.

Расходились по домам в одиннадцатом часу. Андрей остался ночевать у Цветковых. Заснули быстро – дружные, счастливые, как им казалось, одухотворённые. Заснула у себя в комнатке и бабушка. Спала она крепко, без сновидений, даже не подозревая, что своей добротой подтолкнула Андрея к пропасти ещё на один шаг.

Директорское наставление

Пасхиным гордилась вся школа. Молодой учитель русского языка, любимый учениками, ставил его в пример. Рассказ «Спасение», напечатанный в «Мурзилке», поднял авторитет Андрея на высоту, которая казалась недосягаемой.

Тем острее была реакция учителей, когда на следующий день весть о пирушке у Цветковых разнеслась по классам. Директор – партиец с седеющим ёжиком надо лбом и с пронзительными чёрными глазами – пригласил Андрея в свой кабинет.

– Рановато, молодой человек, решили устраивать попойки.

– Мы просто собрались «спрыснуть» мой первый литературный успех.

– Могли бы его «спрыснуть» и чаем с лимоном.

Пасхин не отказал себе в удовольствии пофилософствовать.

– Алексей Романович, неужели вы говорите это всерьёз? Чай пьют, когда одолевает жажда, а когда хочется отметить важное событие, люди прибегают к другой жидкости, которая веселит сердце и душу.

Но директор был настроен серьёзно.

– Пасхин, прошу оставить этот панибратский тон, – сказал он и неприязненно блеснул глазами. – С вами говорит не собутыльник, а директор. Счастье ваше, что до конца учебного года осталась неделя. Если бы подобное произошло посреди четверти, я бы немедленно вынес этот позорный случай на педсовет.

– Алексей Романович, да мы не дебоширили, не безобразничали. Мы только закусывали и пели песни.

– Добавьте: «и пили коньяк и водку»...

– Можно сказать: не пили, а только пригубливали.

– От пригубливания в пляс не пускаются, а вы своим топотом лишили покоя жильцов в соседних квартирах.

– Так это, значит, они наябедничали на нас?

– Вы можете упрекать только себя, Пасхин. Соседи здесь ни при чём. Советскому человеку хочется тишины после трудовой недели, и это его законное право.

– И всё же они могли бы и попридержать свой поганый язык...

Атмосфера накалялась, по всему было видно, что директору стоит больших усилий сдержать себя.

– Пасхин, вы выражаетесь слишком вульгарно, что не подобает человеку, причастному изящной словесности.

– Для каждого явления в жизни – свой стиль, – Андрею, уже видевшему себя классиком, никак не хотелось уступать.

И тогда директор прибег к неотразимому аргументу.

– Я всё же хочу попросить вас, – произнёс он медленно, с расстановкой, – об одной вещи: следите за собой, не спешите бахвалиться своим первым, в сущности мизерным успехом. Учитесь, молодой человек, скромности у нашего великого вождя, Иосифа Виссарионовича Сталина.

Последняя фраза прозвучала как почти неприкрытая угроза, и напускная бравада мгновенно слетела с Андрея. Он ничего не ответил на слова директора, только вдруг покорно, как бы в знак согласия, опустил голову.

Эту перемену в своём подопечном директор почувствовал сразу и одобрительно кивнул. Разумеется, откуда ему было знать, что мысли Андрея продолжали течь в том же, «крамольном» направлении: «Хороша скромность – что ни день печатать свою физиономию в каждой газете». От Пасхина не было скрыто, сколько зла причинил стране узколобый тиран, загнавший в концентрационные лагеря десятую часть населения.

– Надеюсь, что вы запомните всё то, что услышали сегодня, – закончил наставление директор.

– Это будет зарубками на моём сердце! – польстил начальнику подчинённый.

Последняя неделя прошла в испытаниях по всем предметам. Андрей получал отличные отметки, и это ещё выше поднимало его в глазах товарищей.

В день окончания занятий на Воробьёвых горах для восьмого класса было устроено специальное гуляние. Молодёжь угощали прохладительными напитками и бутербродами с колбасой. Под руководством учителя пения пели песни в честь великого Сталина и Красной Армии. На лицах Андрея и его близких друзей было написано: «Что поделаешь, приходится терпеть эту скуку». Отбыв официальную часть, они отправились в Покровское-Стрешнево, захватив, кроме лимонада, ещё и горячительное.

– Давайте изредка встречаться в летние месяцы, – предложил Андрей. Предложение было принято с радостной готовностью.

Летом Пасхин писал новые рассказы и дни напролёт просиживал в библиотеке. Его большой рассказ «Друзья» был напечатан в журнале «Пионер». Увидев автора, редактор удивился:

– Вы, оказывается, ещё отрок?

– Да нет, я уже взрослый, – обиделся Андрей. – Готовлю рассказ для «Молодой Гвардии».

– На какую тему?

– О мечтах молодёжи.

– Тема интересная. Чувствую, у вас большое будущее. Кто ваши родители?

Отец – архитектор, мать окончила гимназию. Главная радость нашей семьи – книги. Я много читаю, как и два моих брата.

– Вы комсомолец?

– Пока нет.

– Напрасно. Такие люди, как вы, принесли бы большую пользу организации, приохотив молодёжь к книге. Не медлите со вступлением в авангард юных строителей коммунизма.

– Постараюсь, – ответил Андрей, а про себя подумал: «Я не баран, чтобы присоединяться к стаду под наблюдением красных пастухов.Что может быть ужаснее, чем превратиться в покорно блеющую овцу?!» В тот момент он был вполне искренен в своём чувстве. Но, конечно, постарался скрыть его.

Размышляя все эти годы над жизнью моего героя, да и всего «советского» поколения, я всё яснее понимаю, что падение человека начинается с раздвоения души. Андрей видел всю пагубу лживого строя, но пытался лжи противопоставить ложь, использовать оружие неправды – где для выживания, а где для своей прямой корысти.

Ложь царила кругом. А значит, рассуждал Андрей, вполне позволительна «ложь во спасение». Но где же правда? «Истина – в вине!» – восклицал он часто, цитируя древних римлян. Однако это была ещё одна ложь. Ложь самому себе.

В квартире партийца

Два года пролетели как два дня. Десятилетка была окончена. За это время Андрей Пасхин напечатал пять рассказов в московских молодёжных журналах. В литературных кругах о нём заговорили как о незаурядном таланте. В «Молодой Гвардии» появилась хвалебная статья, в которой отмечалась оригинальность стиля юного автора. Эту статью читали и перечитывали в семье. Мать и братья радовались за Андрея, но отец вместо восторгов выражал опасения, что у сына от похвал закружится голова и это станет началом больших несчастий.

Однажды он нашёл у Андрея под подушкой пузырёк с кокаином и закричал:

– Что это значит? Тебе недостаточно алкоголя? Ты принялся за наркотики?!

– Это средство от зубной боли, – попытался оправдаться сын.

– С зубной болью обращаются к стоматологу. Никто из нас не слышал, что у тебя болят зубы.

Отец вышел во двор, к мусорному ящику, и там с яростью разбил стеклянный флакон, смешав его содержимое с отбросами.

– Чтобы у меня больше этого не повторялось! – пригрозил он сыну.

Но это повторялось не раз и не два. Как в притче, голос родителя услышан не был...

В течение этих лет друзья частенько собирались у Цветкова и у других товарищей для того, чтобы отметить какое-нибудь радостное событие. Происходило это, главным образом, в связи с появлением в печати очередного нового произведения Андрея. Получая гонорар, автор не скупился, щедро угощая друзей. Эти пирушки, а точнее – попойки, всегда проводились втайне от родителей. Матери Андрей однажды сказал:

– Свой лучший рассказ я посвящу тебе. Ты понимаешь меня, тебе доставляют радость мои успехи, а отец всегда смотрит в мою сторону волком.

– Только потому что он опасается за твою судьбу.

– Что страшного может случиться со мною?

– То, что случается с миллионами молодых людей в нашей стране. Разве ты ничего не слышал о лагерях?

– За что же меня могут сослать?

– За что угодно, сынок... За неосторожное слово, за ошибочный шаг, за неблаговидный поступок, за невинный анекдот.

– Но я уже не маленький, чтобы попасть впросак.

– А разве лагеря заполнены маленькими детьми? Тебе пора думать об университете, а ты почему-то чересчур увлечён словесностью.

– Разве это плохо? Ты же сама радуешься каждой публикации...

– Конечно, милый мой, конечно! Но это, к сожалению, кружит тебе голову, – вот чего так опасается отец.

– Мама, помнишь строки Пушкина: «Она в семье своей родной казалась девочкой чужой»? Так вот – я в своей семье тоже чужой.

– Ошибаешься, сынок. Разве я для тебя чужая? Разве чужие тебе Николай и Геннадий?

– А отец?

– Он желает тебе только хорошего.

– Почему же он так суров по отношению ко мне?

– Потому что он видит твоё будущее. Твоя дальнейшая жизнь представляется ему длинной цепью несчастий. Знаешь ли ты, что он не спит по ночам, то и дело вздыхает? Когда я спрашиваю у него, что с ним, он отвечает: «Тревога за Андрея не даёт мне покоя, у меня самые мрачные предчувствия...».

– Он так и сказал, что у него мрачные предчувствия?

– Так и сказал. Поэтому поберегись, мой мальчик.

Но уговоры матери оказались тщетными.

Окончание десятилетки друзья решили отпраздновать особо, предварительно запасшись обильной выпивкой и всевозможными закусками из Елисеевского гастронома.

– Соберёмся у нас, – предложил сын крупного партийца Сурова.

Сам родитель, узнав об этом намерении, поначалу был против, но после заверений, что всё пройдёт чинно и пристойно, дал согласие, предупредив, что он и мать на вечеринке присутствовать не будут, так как приглашены в гости.

Такой поворот событий был приятелям только на руку, и они, «чтобы не скучать», пригласили девочек-одноклассниц. На восьмерых «кавалеров» было приглашено соответственно восемь «дам», с уговором, что они будут на этом торжестве хозяйками и всю готовку возьмут на себя.

Квартира Суровых размещалась на шестом этаже нового дома по улице Горького, неподалёку от Центрального телеграфа. Из окон гостиной открывался вид на Кремль и Красную площадь. В просторной комнате было два дивана, три мягких кресла и несколько красивых стульев. Одну из стен украшал персидский ковёр. В простенках радовали глаз пейзажи художника Рылова. Среди них особенно выделялась большая картина с названием «Зелёный шум», изображавшая берёзы, клонящиеся под ветром. Однако самое видное место занимал литографированный портрет Сталина – под стеклом, в багетной раме, покрытой золотистой бронзовой краской.

Девочки, входя в гостиную, восторгались роскошной по тем временам обстановкой. Увидев патефон и множество пластинок, они запрыгали от радости:

– Будем танцевать!

Молодёжь для такого праздника принарядилась. Девушки были в ярких вечерних платьях, парни в белых рубашках. Пришли они в пиджаках, но, так как в квартире было очень тепло, попросили у хозяина разрешения «раздеться».

– Могли бы не спрашивать об этом, – отвечал с улыбкой приятель.

Тем временем «дамы» уже вовсю хлопотали над закусками, сервируя большой стол, специально перенесенный на этот вечер из столовой. Приготовления к ужину были шумными, радостными и довольно суетливыми. Девочки иногда начинали спорить, куда что поставить. Так как сирень и ландыши к этому времени отцвели, Ваня Суров с разрешения родителей купил два букета разноцветных роз. Один букет в зелёной вазе стоял на тумбочке возле широкого светлого окна, другой – на шкафчике для патефонных

пластинок. «Дамы» надушились самыми различными духами, но теперь казалось, что это благоухают розы.

– Ну, кажется, всё готово! – громко сказала белокурая девочка по имени Таня.

Рассаживались шумно. Андрей потирал руки от предвкушения выпивки. Все товарищи относились к нему с почтением, как к знаменитости, все гордились дружбой с ним.

– За что выпьем? – спросила Таня.

– За наших очаровательных хозяек, – предложил Ваня Суров.

– Это слишком скучно и шаблонно! – засмеялся Гудков, верный друг Андрея, начиная с самого первого класса. – В такой день, когда мы празднуем окончание школы, когда перед нами раскрыты двери в университет, пить за девчонок – просто неостроумно!

– Придумай что-нибудь поумнее! – обиженным тоном сказала одна из приглашённых.

– К чему эта болтовня? – сердито спросил Андрей. – Выпьем за счастье будущей жизни!

– Согласны! – зашумела вся компания.

– Ух, как она заструилась по жилочкам и суставчикам! – засмеялся Цветков.

– Есть пословица: «Одна ласточка не делает весны», – сказал Суров-младший. – А я к этому добавил бы: одна рюмка не творит радости.

– Кто ж нам мешает творить эту радость? Вон сколько бутылок на столе! – зазвучали в ответ весёлые голоса.

Все были возбуждены, счастливы, бездумно беспечны. Каждый чувствовал себя взрослым, самостоятельным, способным на большие дела. Впереди был целый вечер – с выпивкой, закусками, музыкой, танцами. «Чего глаза не возжелали, я не отказывал им...» – так писал Екклесиаст, повествуя о своих попытках найти утешение в плотских радостях. Воистину всё повторяется в этом мире...

Выпили по второй рюмке – за дружбу и честность.

– Без предательства! – выкрикнул Андрей.

– Что за странное добавление? – удивился Суров. – Я, например, даже не допускаю мысли, что среди нас может оказаться предатель.

– Согласен, друг. Но будем помнить и то, что предателями кишмя кишит современность, – возразил Андрей.

– Мальчики, делаю вам замечание, – крикнула Таня. – Выметайте метлой из нашего праздника всё болезненное, колкое, двусмысленное! Есть много других – прекрасных тем. И одна из таких тем – любовь! Со своей стороны, заявляю, что я никогда не полюблю глупого, хотя бы и богатого красавца. Ум молодого человека, который признается мне в своей любви, – вот что будет для меня магнитом...

– Как по-твоему, Таня, много среди нас глупых? – спросил Цветков.

– Буду честной: дураков в нашей компании нет, а предателей – тем более.

– Браво, Таня! – все шумно зааплодировали.

– Выпьем за умных – только ими держится и движется жизнь! – крикнул Андрей.

Перечитываю сейчас написанное, и опять вспоминаются мне слова Библии: «И увидел я, что преимущество мудрости перед глупостию такое же, как преимущество света перед тьмою. У мудрого глаза его – в голове его, а глупый ходит во тьме» (Еккл. 2:13-14). Увы, если бы молодость знала, если бы старость могла!.. Впрочем, услышать отрезвляющие слова предупреждения никогда не рано. Но героям моего повествования хотелось другого.

Хмель стал кружить молодые головы. Девочки заявили, что они хотят танцевать. Суров завёл пластинку с фокстротом.

– Не спеши! – крикнул Андрей. – Три ласточки тоже не делают весны, три рюмки – это лишь увертюра!

– Не форсируй, Андрюша, – попросил его Цветков.

– Пойми, друг, в моей душе пожар, который мне хочется поскорее затушить.

– Водкой ты разжигаешь его, в таких случаях лучше всего выпить чаю.

– Чай – это профанация! Русь весела, когда она пьёт!

– У нас теперь не Русь, а Эс- Эс- Эс- Эр! – крикнул Андрей. – В эсэсэрии тоже не дураки, чтобы налегать на чай!

– Что это за «эсэсэрия?» – неожиданно придрался к Андрею один из приятелей, с низким лбом и чёрными колючими глазами.

– Тебе невдомёк? Я могу написать – для особо непонятливых.

Андрей вынул из кармана блокнот и размашисто черканул карандашом.

– Читай!

– Это Эс-Эс-Эс-Эр, а не эсэсэрия.

– Разве это не всё равно?

– Да, для меня не всё равно. В моём произношении – уважение и преклонение, а в твоём – издевательство, злостная насмешка!

– Так беги куда следует, – разозлился Андрей, – и поспеши настрочить донос на писателя Пасхина!

– Ребята, ну что вы за бузу затеяли из-за произношения! – почуяв недоброе, вмешался Цветков. – Что тебе не понравилось, Вася? – спросил он у чернявого.

– Я хочу, чтобы наша знаменитость не давала воли языку.

– Но ведь язык – это не мордобой.

– Последний всегда начинается с языка.

– Хотим танцевать! – закричали девочки.

Три пары заскользили по мягкому зелёному ковру. Придравшийся к Андрею из-за «политически неграмотного» слова одноклассник тоже пригласил свою «даму». Что касается молодого писателя, то танцы его не интересовали. Он налил водки в чайный стакан и выпил, не закусывая. Это сразу сделало его смелым и решительным. Вечеринка в квартире ответственного партийца показалась ему неуместной и глупой.

Семеро мальчиков танцевали фокстрот, улыбаясь своим партнёршам. Не танцующими оставались только Андрей и Таня. Девушка сидела в кресле и грустила, что оказалась без кавалера. Она хотела было сама пригласить Андрея, но, заметив, что тот не в меру пьян, побоялась конфуза: он мог не удержаться на ногах во время танца.

С необычным вниманием Андрей разглядывал портрет «вождя мирового пролетариата», как будто изрекавшего со стены: «Запомни навсегда, дорогой: я – хозяин не только бывшей России, но и

каждого из вас, молокососы». Андрею казалось, что лоб вождя всё больше суживается, превращаясь в шнурок, а рот с острыми зубами всё больше раздвигается, чтобы пожрать миллионы невинных, запуганных, беззащитных...

Парень тряхнул головой, но в пьяном сознании галлюцинацию уже было нельзя отделить от реальности. Злобные, прищуренные глаза были устремлены на Андрея, которому показалось, что он слышит тихий, угрожающий голос с характерным акцентом: «Тэбэ, маладой человэк, нэ сдобровать: я пущу тэбя в свою мясорубку – может быть, даже сэгодня».

Андреем овладел ужас. Он решил защититься от злодея. Схватив со стола пустую бутылку, поспешно пробрался, покачиваясь, между танцующими и запустил её прямо в физиономию «лучшего друга советских школьников». Раздался звон разбитого стекла. Рама не удержалась на стене и рухнула. Смятение охватило всех собравшихся. И только патефон продолжал наигрывать нелепо бравурный фокстрот, пока наконец музыка не закончилась и игла не заскользила по кругу, шипя и потрескивая.

– Безумец! – завопил Суров. – Что ты наделал, гадина? Товарищи, вяжите его! Что я скажу отцу?! Я гарантировал ему порядок и приличие... – Первым подскочил к Андрею тот, который придрался к слову «эсэсэрия». Это был сильный парень. Он вытянул из своих брюк ремень и попытался связать нарушителя веселья.

– Прочь, сволота, если хочешь остаться живым! – крикнул Андрей. Вечеринка, начавшаяся так весело и дружно, перешла в драку. Некоторые девочки рыдали. Суров-младший позвонил в ближайшее отделение милиции, прося срочно прислать подмогу. Но милиционеры ещё не успели прибыть, как вернулись из гостей хозяева квартиры. Увидев на полу раздробленное стекло и портрет вождя, хозяйка схватилась за голову. Хозяин был настроен более решительно.

– Ты арестован, негодяй! – крикнул партиец Суров Андрею.

– Не тычь, я тебе не Иван Кузьмич! – огрызнулся Андрей. Хозяин ответил ему увесистой оплеухой.

– Караул! – заорал Андрей.

Ему заткнули рот тряпкой, скрутили. Прибыли два милиционера. Был составлен подробнейший протокол с описанием всего случившегося. В свидетелях недостатка не было. Когда Андрея увели, Цветков подумал: «Бедный Андрюша, сегодня начался твой крестный путь... Где и чем он закончится? Ты не знал меры ни в чём – и вот пришла расплата. Жалко твоих родителей, но больше всего – тебя самого».

Судебное решение

На суде, состоявшемся через неделю, присутствовали отец, мать и оба брата. Был нанят адвокат, который в своей защите делал упор на несовершеннолетие преступника. Но прокурор неумолимо отвергал все «объективные» доводы:

– Подсудимый окончил среднюю школу и собирался поступать в университет. Это не младенец, который ничего не смыслит, а изощрённый алкоголик, забулдыга и развратник. И это тем удивительнее, что его родители – уважаемые обществом люди. Но, как видно, по недосмотру, на доброй почве вырос и расцвёл ядовитый репейник.

Адвокат пытался заступиться за своего подзащитного как за одарённого человека, который мог бы в будущем обогатить отечественную словесность.

– Нет, он бы только развращал молодых литераторов склонностью к безудержному пьянству. Это паршивая овца, а таких овец в стаде не держат, их удаляют прочь. Только строгое наказание может воздействовать на преступника, хотя лично я в этом глубоко сомневаюсь.

Вызванные на суд свидетели нарисовали картину буйства Андрея Пасхина. Слушая их, мать стонала и хваталась за голову. Отец повторял только одно слово: «Достукался». Он не жалел сына и соглашался с прокурором, что только суровое возмездие может выправить искривлённую душу.

Многие в зале не сводили глаз с подсудимого. На его бледном лице, со спадающими на лоб прядями русых волос, не было заметно ни раскаяния, ни сожаления. Во время особо гневных прокурорских тирад он даже улыбался. Неужели это явь? – спрашивал он себя. – Какой материал для потрясающего произведения! Его бы перевели на все языки мира! Удастся ли мне воспользоваться этой фактурой, или кто-то другой напишет обо всём этом? Но как выйти из положения? Что же сказать в заключительном слове?..

Суд продолжался два дня. Свидетельницы-девочки наивно радовались, что Андрей не острижен наголо. Русые кудри делали его похожим на художника или поэта. Они делали ему знаки рукой, выражая своё сочувствие. Он отвечал им улыбками и подмигиванием. В эти минуты Андрей был особенно расположен к Тане, которая – он запомнил это – на вечеринке заявила, что может полюбить только умного человека.

Надеюсь, она не считает меня дураком, думал парень. А то, что я расколотил раму с усатым вождём, она, конечно же, втайне даже одобряет. О, сколько миллионов людей проклинает этого мучителя, но их вопли слышит только небо!

И всё же, когда подсудимому дали последнее слово, он растерялся, несмотря на всю самоуверенность.

– Что я могу сказать в своё оправдание? Я люблю Родину – Россию, люблю русский народ, живущий на просторах огромной страны. Я мечтал прокатиться по Волге, побывать в Киеве, в Одессе, в Крыму, на Кавказе и на Балтике. Теперь, вероятно, мне не удастся осуществить свою мечту. Я ещё не жил полной жизнью. Мне всего семнадцать. Я – словно цветущая яблоня. От цветения она вся белорозовая. Сколько на ней могло бы появиться пахучих сочных плодов! Но я чувствую, что мои судьи покроют это плодоносящее дерево плотным шерстяным войлоком, под которым осыплются цветы с многообещающей завязью... Чего я прошу? Понимания, сочувствия, человеколюбия, а главное – прощения за мой необдуманный поступок, совершённый по вине «русской горькой», которая в изобилии продаётся во всех наших магазинах. А если судьи останутся глухими к моей, такой естественной и по-

нятной просьбе, я покорно готов принять их решение, которое обогатит мою жизнь новым опытом.

В зале суда раздались рыдания. Это не выдержали девочки, бывшие на злополучной вечеринке. Громче всех плакала Таня.

Она даже не удержалась от восклицания:

– Бедный мой мальчик Андрюшенька!

Рыдала и мать. Отец, досадуя, тоже смахивал слёзы. Он сердился на себя за то, что расчувствовался, слушая последнее слово сына, которое ему показалось красивым и прочувствованным.

Судьи удалились на совещание в соседнюю комнату. Возле подсудимого остались двое вооружённых милиционеров.

– Не беспокойтесь, не убегу, – сказал им Андрей.

Совещание не затянулось. Решение вынесено строгое: шесть лет лагерей. Когда приговор был оглашен, мать упала в обморок. Её с трудом привели в чувство.

– Мама, – крикнул Андрей, – молись за меня! Через шесть лет мне исполнится только двадцать три года! Вся жизнь будет впереди!

В дверях он добавил – уже потише:

– Конечно, если удастся сохранить её в лесах Севера, с комарами и всяким гнусом...

Сборы были недолги. Этап в Ухто-Печерский лагерь отбывал через три дня – с Ярославского вокзала. Родителям было разрешено присутствовать при отправлении эшелона. Состав был длинный. Окна теплушек украшали решётки. Вдоль вагонов взад-вперед ходили охранники.

В одном из окошек родители увидели Андрея. Теперь он был острижен под «нулёвку».

– Мама! Папа! Не узнали?

Отец попросил у охранника разрешения просунуть сквозь решётку пирожки с мясом, пару нижнего белья, блокнот, пачку конфет и карандаш.

– Ты ведь не лишён права переписки, – сказала мать, – пиши нам чаще.

– Я желаю тебе одного – набраться в лагере мудрости, – пожелал отец.

Рядом стояли другие провожающие, среди которых было много деревенских жителей. Слышались причитанияя, стоны, вздохи.

После продолжительного заунывного гудка поезд тронулся. Мать уронила голову на грудь отца.

– Успокойся, – не очень уверенно говорил он ей, – это ведь не расстрел, а только трудовая школа.

Но и его сердце давила непомерная тоска, с которой было трудно бороться.

Всё новое

Всё было новым для Андрея Пасхина с момента его ареста: переполненная тюремная камера, озлобленные заключённые, смрад от параши, постоянное чувство голода, потом двухдневный судебный процесс и вот теперь дорога на север, в вагоне с зарешёченными окнами, с незнакомыми людьми, которых везут как дармовую рабочую силу для построения социализма. Всем им будет дана норма: выполнить за день определённую работу, если они хотят получать хлеб и приварок. Сосущий голод будет контролировать всю их жизнь, им будут надоедливо повторять назидание: «Кто не работает, тот не ест».

Андрей надеялся, что его – отощалого и тщедушного – не заставят валить деревья и корчевать пни, а назначат на канцелярскую работу. Ведь в лагерях уделяют какое-то внимание и культурной работе. Он может быть артистом, конферансье, сочинителем весёлых сценок. Подумав об этом, он рассмеялся: веселье в царстве неволи – это всё равно, что танцы в аду!

Как удивительна жизнь, сколько в ней непредвиденностей, провалов в бездны, горьких сюрпризов и поучительных катастроф!

Не отрываясь, Андрей смотрел в окно, за которым открывались луга, рощи, деревни, реки и озёра. Глядя на пасущихся овец, он завидовал им: они свободны, с утра до вечера щипля сочную траву, им незнакомо чувство голода.

Пирожки, принесенные матерью, были съедены в первый же день. Заключённых кормили плохо: порция чёрного хлеба была явно недостаточной. Хотелось его посолить, но соли не давали. Суп был жидкий, со знаменитой в Советском Союзе перловой крупой, которую называют «кондёром».

В отделении, куда попал Андрей, находились заключённые самого разного возраста и социального положения. Одни были наказаны за «злостное хищение государственной собственности», другие – за кровопускание в пьяном виде. Одного интеллигента осудили за контрреволюцию, хотя всё его преступление выражалось в том, что на плакате «Жить стало лучше, жить стало веселей» он к подписи «И. Сталин» добавил одну букву. К слову «Сталин» приписал «у». И выходило, что жить стало лучше и веселее только одному Сталину. Судьи сочли это гнусной клеветой и осудили человека на 6 лет лагерей.

Узнав из разговоров, что Андрей печатался в журналах, спутники предсказывали ему хорошую жизнь в лагере.

– Ты будешь «культурником», а нам не миновать лесоповала !

Сколько же этого леса на севере! Без конца его валят и отправляют за границу, а он как будто тут же вырастает снова, чтобы мучить людей...

Чем ближе подвигались к северу, тем ночи становились всё светлее. Закаты были розовыми. Царила удивительная тишина. Ели вдоль дороги стояли как свечи. Где-то в отдалении полыхал пожар. Пламя протягивало длинные руки, чтобы обхватить стволы сосен.

– Кто поджигает лес? – спрашивали пассажиры арестантского поезда.– Не сам же он начинает пылать в этих краях!

Ответы были уверенные: безо всякого сомнения это делает русский народ, согнутый властью в бараний рог. Поджогами люди мстят злым властителям. В поджогах – единственная возможность насолить новым господам и усладить обиженную душу.

На конечную станцию поезд прибыл на четвёртые сутки, к вечеру. Небо расцвело нежным закатом, превратившись из голубого в розовое. От станции до лагеря было шесть километров. Прибывших ждали грузовики, управляемые сосланными.

Жалко, что я не научился водить до ареста, подумал Андрей. Это, пожалуй, самая лёгкая работа в лагерных условиях.

Каждую машину набили людьми до отказа. Скамеек в кузове не было. Зэки стояли, плотно прижавшись друг к другу. Дорога была разбита – одни сплошные ухабы. При неожиданных рывках заключённых бросало в сторону кабины. В ней, рядом с шофёром, сидел приёмщик новой партии.

Грузовиков было пять. Всех прибывших разместить в них не удалось. Часть арестантов осталась на станции в ожидании второй очереди.

Андрей попал в первую очередь. Прибывших погнали в новый длинный барак, пахнущий сосновой смолой. В нём были двухэтажные нары без постелей и подушек. Окна застеклить не успели.

Слышно было, как противно звенят комары.

Загрызут, подумал Андрей, заматывая голову и шею бельём, которое дала мать. Открытым оставил только лицо. Место он занял на верхнем ярусе, положив в изголовье чемоданчик. Спать не хотелось, и он стал вспоминать свою непутёвую жизнь. Почему-то вспомнилась первая выпивка в двенадцать лет. Тогда ему здорово влетело от строгого отца.

А ведь он был прав, подумал Андрей. Как всегда, раскаяние пришло к нему слишком поздно. Запоздалое, оно лишь на краткий миг всколыхнуло его душу. Всё остальное происходившее с ним казалось Андрею совершенно естественным и нормальным. Так, например, вечеринка у Цветковых по случаю опубликования первого рассказа, вспоминалась как радостное событие. Правда, от последней попойки, когда Андрей разбил раму с портретом Сталина, в душе остался тяжёлый осадок.

Так или иначе, размышлял он, всё это привело меня сюда. Что ж, может быть, это к лучшему? Здесь я почерпну огромный материал, который переплавится в потрясающие книги. А книги дадут мне имя. Только бы уцелеть!

Над головой запищал комар. Через несколько секунд он умудрился впиться Андрею прямо в кончик носа.

Как много ненужного сотворил Бог, если Он действительно есть, подумал парень. Кому нужны эти комары, какая от них поль-

за человеку? А заразные болезни? Ведь они тоже от Бога. Но Творец допустил их после грехопадения Евы и Адама. Бог наказал первых людей. А наказание – это месть. Оказывается, Бог мстительный – это как-то не вяжется с «Божественной добротой», о которой говорят старики. Андрей вспомнил слова матери. Он часто слышал от неё в детстве о том, что Бог любит людей. Но разве любовь совместима с мстительностью?

Не ответив на этот вопрос, он заснул. Это был его первый лагерный сон.

Славные девушки

Разбудили лагерников рано: пусть забудут, как нежились дома. Сюда их пригнали не на курорт, а на труд. На приведение себя в порядок давалось десять минут. В дальнем конце барака было устроено что-то вроде умывальни – многочисленные краны над длинным деревянным корытом. Собравшиеся здесь шумели, обдавая друг друга брызгами. Молодой надсмотрщик покрикивал:

– А ну, кто управится по ударному? На вас пока земля не налипла! Мыльца? Забудьте о нём! Надо было с собой захватить! Отдельное полотенце? Ишь, какие листократы! Вон висят три холста – утирайтесь ими! И сразу же отправляйтесь в столовую. Там получите по миске с ложкой и по ломтю хлеба. Хотя вы ещё не работали, но это вам аванс за будущую старательность!

Молодые управлялись быстро, а старики кряхтели, вздыхали и медлили. Охранники набрасывались на них безо всякого уважения, пуская в ход злорадные насмешки:

– Эй, вы, небритые, здесь за бороды и ревматизм премий не выдают!

– Здесь в почёте только скорость. Равняйтесь по молодым и сообразительным!

В большой, пахнущей сосновой хвоей столовой стояли длинные столы. У широкого окна выстроилась очередь за куском хлеба и ковшиком перловой каши.

– И тут кондёр! – крикнул кто-то с насмешкой и досадой.

– Что? Не нравится? – подскочил надсмотрщик. – Тебе, наверно, захотелось молочной рисовой каши с маслицем, сахарком и вареньем? Здесь не ресторан «Люкс», а школа перековки! Скоро все вы будете как шёлковые! Сразу после еды поторопитесь в канцелярию, где каждому скажут, что он должен делать.

Всё было интересно Андрею. Он вникал в каждую деталь местных порядков, чтобы когда-нибудь описать в своей книге. В канцелярии новоприбывшими занимался молодой человек, спокойный, с интеллигентным лицом. Андрей, дождавшись очереди, поприветствовал его:

– Доброе утро.

– Откуда? – услышал он мягкое слово.

– Из Москвы.

– Студент?

– Писатель.

– Такой молодой?

– Первый мой рассказ напечатан в пятнадцать лет.

– А сколько сейчас?

– Восемнадцатый.

– Ты нам понадобишься для культурной работы. Лесоповал не для твоей комплекции.

– Большое спасибо.

– Через час зайдёшь ко мне, а пока погуляй по зоне, приглядись.

– Здесь есть клуб?

– Конечно. Тут придерживаются установки «Полезное с приятным». Труд – это польза государству, а развлечения – это зарядка для духа.

Стоявшие в очереди за Андреем стали протестовать:

– Почему такая болтология? С каким-то молокососом начальник точит лясы, как будто только он один на всём белом свете !

– Разговорчики! – прикрикнул беседовавший с Андреем. – Итак, через час заглянешь ко мне.

Когда Андрей отходил от окошка, все глядели на него с озлоблением, а он вышел из канцелярии с чувством радости: на него об

ратил внимание один из начальников, как видно, тоже из сосланных, но выдвинувшихся и заслуживших доверие.

Следуя совету своего покровителя, Андрей пошёл бродить по зоне. От комаров обмахивался веткой. Голову покрыл носовым платком, связав края узелками.

Бараков было много. Один за другим они тянулись в четыре ряда. Это был целый город. Удивило Андрея безлюдье этого города. Где же люди? Вероятно, все на принудительных работах, потому что здесь на сто процентов осуществляется заповедь «Кто не работает, тот не ест». Он подошёл к большому дому с голубой вывеской «Делу время, потехе – час». Нетрудно было догадаться, что это клуб.

«Когда-нибудь я выступлю в этом здании как автор, а может быть, и как артист. Надо только всеми способами, хитростями и уловками избегать физической кабалы...»

На берегу большого озера парень увидел сушившиеся на шестах сети. «Дают ли здесь рыбку рабам, или она поджаривается только для начальства?..»

В одном месте на него пахнуло известью и трупным запахом. Андрей понял, что в хмуром бараке – мертвецкая.

На другой стороне лагеря, за почти незаметной колючей изгородью, он увидел девушек, работавших на огороде. Приблизившись к изгороди, стал звать:

– Миленькие, откликнитесь!

К нему подбежали четыре – совсем молодые и симпатичные.

– Здравствуй, хлопец, как тебя зовут?

– Андреем.

– Андрюшенька, а почему ты похож не на мужчину, а на совсем ещё мальчика?

– А почему вы похожи не на девушек, а на девчонок?

– Мы и есть девчонки!

– Как я – мальчишка. За что же вас?

– Наших отцов и матерей расстреляли, а нас отправили сюда, – ответила самая бойкая.

– Скучно вам тут?

– За колючей проволокой о веселье думать некогда – надо работать.

– Но я видел: клуб у вас тут большой. Вы там бываете?

– По большим праздникам, когда устраивают танцы. Тогда мы отводим душу. А за что ты очутился в этом комарнике?

– За то, что бутылкой запустил в Сталина.

– В живого?!

– К сожалению, только в портрет.

– Бедненький, плохо тебе тут будет!

– Думаю, лучше, чем другим.

– Ты, наверное, больно образованный?

– Окончил десятилетку. Пишу рассказы. Печатался в столичных журналах.

– Значит, ты – сочинитель?

– А фамилия-то твоя как?

– Пасхин.

– Фамилия у тебя святая, а натворил ты, похоже, много грешного.

– Девочки, поглядите-ка на живого сочинителя!

– Таких людей зовут писателями, – поправил Андрей.

– А вот и нет. Писатель – это похоже на писаря, а сочинитель придумывает всякие истории.

Спорить Андрей не стал.

– А вас как зовут, девушки?

– Меня Таней.

– Меня Шурой.

– Меня Верой.

– Меня Надей.

– Имена у вас красивые, да и сами вы лицом не подгадили.

– Твоё имя тоже неплохое – Андрюшечка!

– Ну что ж, будем знакомы! Заранее приглашаю вас на танцы. А сейчас, может быть, угостите чем-нибудь с огорода?

– Можем дать зелёного лука и редиски. Надя, беги, нарви для сочинителя.

Разжившись луком и редиской, Андрей заспешил в канцелярию. Встреча с девушками подняла его дух, и он в эти минуты сов-

сем не жалел, что оказался в лагере. «Жить, как видно, можно и за колючей проволокой, конечно, с умом, а не с дуростью, которую я допустил с этим проклятым портретом...»

Медленно шагая, Андрей глядел на небо. Оно казалось ему низким и не ярко-голубым, а как будто полинявшим.

«Государственные» дети

Днём, при ярком солнце, здесь одолевают зеленоглазые слепни. Вечером, и особенно ночью, на людей набрасываются полчища гнуса. От заката и до летнего восхода здесь так светло, что можно читать. Эта белая тишина ощутима, словно лебяжий пух. Она навевает мечты, мысли о миллионах людей, которые могут идти и ехать, куда хотят. В этих краях таких людей почти нет. Только застенчивая луна, медленно плывёт, задевая за верхушки елей...

Ещё недавно север был царством непуганных птиц и зверей. Но власть пренебрегла первозданностью красоты и превратила эти края в место проклятия, изнурения и славословия в честь непосильного труда.

На вырубках, по берегам рек и озёр, возникли длинные бараки, вокруг зоны протянулась в пять рядов колючая проволока, а в дополнение ко всему поднялись наблюдательные вышки, где круглые сутки дежурят зоркие часовые.

Но, надругавшись над правами человека, власть, однако, не в силах подчинить себе законы жизни. В лагере, в этом месте бесконечного унижения, существует непостижимый уму родильный дом. Акушеркой работает Зина Анисимова. Её муж, депутат Второй Государственной Думы, был сослан на двадцать пять лет без права переписки. Зина, всегда стоявшая в стороне от политики и посвятившая себя медицине, в лагерь попала безо всякой вины. Её наказали за то, что она была женой «втородумца».

С огненными пышными волосами, голубоглазая, ласковая, она стала ангелом хранителем для несчастных солагерниц. Беременные женщины освобождались от каторги за два месяца до родов и

прибегали к Зине, чтобы упасть головой к ней на грудь и выплакаться, не жалея слёз.

– Миленькая, золотая Зиночка, вот где привелось мне ожидать наследника!

Матерям разрешали кормить грудью только шесть месяцев, посылая их на относительно лёгкую работу. Потом детей отбирали в собственность государства и увозили в специальную колонию – тоже за проволокой, где находились дети всех возрастов. Фамилию ребёнку давали по слову матери, которая на вопрос: «С кем прижила?» – называла имя отца.

Два месяца до родов и шесть после родов – вот и вся льгота каторжанке. В детских колониях были ясли, детские сады, школы и всякие мастерские. В них воспитывались «государственные дети», которых власть считала круглыми сиротами, хотя у каждого за колючей проволокой были отец и мать.

За «любовные связи» в зоне виновников наказывали лишними нарядами на тяжёлые работы, но, если факт беременности был установлен, аборты строго запрещались. Того, кто должен был родиться за колючей проволокой, берегли как будущую трудовую силу.

Посетители детских колоний – журналисты, писатели и художники – восторгались цветущими личиками «государственных детей», одинаковыми платьицами на девочках и костюмчиками на мальчиках. Их лепет напоминал гудение пчёл на пасеке. Дети были милы, словоохотливы, ласковы. У них не спрашивали, хотят ли они на волю, есть ли у них отец и мать? Слов «папа» и «мама» здесь не было слышно. Чаще всего здесь произносились слова «дядя» и «тётя».

Старшие дети из прочитанных книг узнавали, что есть другой мир, где люди всё делают по своему желанию, где живут семьями и где у детей есть родители. Такие книги нагоняли тоску на юных читателей, и они начинали задумываться над своим положением овец и телят, которыми распоряжаются строгие пастухи. Кое-кого сковывало отчаяние. Было немало попыток бегства из колоний. Беглецов ловили и строго наказывали. На вопрос: «Почему ты убежал?» – чаще всего следовало: «Я хотел найти отца и мать».

Неумные воспитатели в ответ на эти слова разъясняли:

–Твой отец – комсомол, а мать – коммунистическая партия.

– Они не родили меня, – упорствовал возвращённый беглец.

– Но они тебя усыновили.

Рана в душе беглеца не зарубцовывалась, отчаяние его увеличивалось, и порою всё это заканчивалось самоубийством. И тогда одного из «государственных детей» списывали в расход, зная, что ему на смену за колючей проволокой появятся новые рабы мужского и женского пола.

Два Андрея

– Хорошо, что ты вернулся вовремя, – сказал Андрею работник канцелярии. – Ты мне понравился с первого взгляда, видно, что голова у тебя не пустая. Будешь ведать культурной работой. Сейчас она у нас в загоне, и это очень плохо. Надо не только выжимать соки из людей, но и что-то давать им.

– Могут ли что-либо воспринимать замученные работой люди? – спросил Андрей. – Мне кажется, у них всего два желания: досыта поесть и всласть выспаться.

– Но ведь кроме рабочей силы у нас много административного персонала, а у этих людей культурные запросы не на последнем месте. Жить ты будешь не в общем бараке, а в комнате на четверых, где есть стол и табуретки. Стол у окна. Днём, особено в летнее время, работать тебе будет светло, а вечером можешь пользоваться электролампочкой. В твой кондёр будет добавляться сало или постное масло, и он будет погуще.

– «Лесорубы», вероятно, не видят этого?

– Они рады каше и без масла, только бы побольше.

– Попадает ли в лагерь спиртное?

– Ну а как же можно обойтись без подобного снадобья? В праздники нам преподносят этот бальзам, и даже не по рюмке, а в достаточной мере.

– Так это же совсем хорошо! – Андрей потёр руки от удовольствия.

– Я вижу – ты не равнодушен к этому эликсиру?

– Из-за такого эликсира я и очутился здесь.

– Ничего, это пойдёт тебе на пользу. Вперёд, я укажу твоё жильё.

Они вышли.

– Чуешь, какой тут ароматный воздух? Здесь надо бы строить санатории, а власть превратила эти места в каторгу. Но это дело не нашего ума, правительство знает, что надо делать для общей пользы государства. Воздержись, товарищ, от критики. Запомни: «За худые слова слетает голова».

Андрей и его сопровождающий вошли в небольшую пристройку к бараку. Здесь тоже были нары, но аккуратно застеленные и всего на четырёх человек. Над широким окном висел портрет Ленина.

Хорошо, что не моего грузинского «друга», подумал Андрей.

– Занимай верхнее место справа. Остальные три занимают охранники. Откровенничать с ними не советую: это простые люди, из деревни...

– Простите, товарищ, судя по всему, вы тоже не из вольнонаёмных?

– Угадал, я тоже здесь не по своему желанию. Был учителем и однажды на дружеской вечеринке слишком разоткровенничался.

– Так же, как и я, – признался Андрей.

– Значит, мы с тобой как бы коллеги по несчастью...

Помолчав, канцелярист добавил:

– Получишь бумагу, карандаши. При лагере есть небольшая библиотека – классики, политическая литература. Здесь делается и стенгазета под названием «Труженик». Словом, всё как на воле... Моё имя – Михаил Иванович – запомнить легко: как у Калинина. Но ты можешь звать меня Мишей. Думаю, мы сработаемся. Сколько тебе дали? Шесть лет? Они пролетят незаметно. Я получил восемь. Два года уже отбарабанил, так что мы выйдем вместе...

Автор этой повести не собирается описывать день за днем всё шестилетнее пребывание Андрея Пасхина в Ухто-Печерском лагере. Это было бы неинтересно для читателей, потому что лагер-

ная жизнь весьма однообразна, да и немало уже опубликовано свидетельств узников ГУЛАГа.

Шестилетняя ссылка на север стала только увертюрой дальнейшей жизни Андрея – в России, в Европе и в Америке. За колючей проволокой его сдерживали лагерные строгости и дисциплина. Конечно, при попустительстве начальника, он иногда прикладывался к рюмке, но это было в меру. Оберегая себя, покровитель не позволял своему подопечному распускаться и дебоширить так, как это было в Москве.

Пасхин организовывал концерты, танцевальные вечера, вёл музыкальный и хоровой кружки, «крутил» патриотические фильмы.

Чтобы как-то выделяться среди лагерников, одетых в одинаковую форму, он отпустил русые вьющиеся волосы, которые придавали ему ангельский вид. Девушки и женщины из соседнего лагеря были от него без ума. На устраивавшихся время от времени общих «культмероприятиях» он успел объясниться в любви сразу нескольким партнёршам по танцам. Незаметно исчезая из зала, он увлекал очередную возлюбленную в «укромный уголок» – мертвецкую, куда охранники старались не заглядывать не только ночью, но и днём. Кончилось это тем, что одна из его «привязанностей», крепёжница Таня, забеременела. Андрей приготовился было встретить слёзы и упрёки, но неожиданно увидел в глазах у девушки радость.

– Пусть мне поначалу прибавят работы, но зато до родов и после родов я хоть ненадолго почувствую себя человеком, побуду в «привилегированном» положении, отдохну, – буквально выдохнула она.

«Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...» – так, словами знаменитой русской поэтессы, можно было бы описать всю нелепость, ужас и трагизм этой вполне житейской для «зоны» ситуации. Люди, говорят, привыкают ко всему. Это правда. Я сам свидетель такого «привыкания». И моя душа тоже испытывалась на излом и, пока не нашла опору в Господе, подчас не выдерживала безжалостного напряжения. Но всё же – несмышлёное дитя, взошедшее как робкий цветок в гадючьих петлях колючей проволоки, тайна запретного союза, ставшаяся фактом бухгалтерского учёта и гулаговских разнарядок!

Господи, Господи, какому Данте и в каком кошмаре могло бы пригрезиться такое!..

– Кого ты хочешь, Андрюша, дочку или сыночка? – спрашивала Таня у будущего отца в минуты нечастых свиданий.

– Конечно, сына.

– Я назову его в твою честь.

– Но ведь его у тебя отнимут через шесть месяцев и сделают «государственным ребёнком».

– Ну, и что ж? Но всё же я буду знать, что где-то растёт мой сын, отец которого – писатель Андрей Пасхин.

Всё произошло как по «заказу». Действительно родился мальчик, очень похожий на Андрея. И нарекли его тем же славным русским именем. Пасхин гордился:

– У меня – сын, хотя и за колючей проволокой. Может быть, когда-нибудь судьба устроит нашу встречу. Чем чёрт не шутит?! И встретятся два Андрея – отец и сын, похожий на него, увидевший свет за колючей проволокой, зачатый в мертвецкой! Какой это захватывающий сюжет для повести или романа!

В тулупе и валенках

Летом 1941 года началась война с Германией. Я был мобилизован в народное ополчение. В нём было много писателей, артистов, музыкантов, никогда не державших винтовки в руках. К ним присоединили пожилых колхозников. Рядом с шестидесятилетними стариками шагали пятнадцатилетние мальчики. Всем находилось место – глухим, хромым, горбатым. Мы были нужны военному командованию как подсобная сила – для рытья окопов, устройства блиндажей и рубки леса для завалов, с помощью которых надеялись помешать продвижению немецких танков.

Никто не предполагал, что нас бросят в бой, но, увы, мы не избежали общей участи. Краснопресненская ополченская дивизия

почти целиком осталась на поле сражения, уничтоженная всеми видами неприятельского оружия. Я уцелел и попал в плен. Этот мой первый и последний бой начался на рассвете, а к вечеру нас – огромную партию ослабевших, изнурённых, голодных «воинов» – пригнали в лагерь для военнопленных. Совсем недавно его бараки служили летним лагерем для какой-то красноармейской части. Теперь они были битком набиты такими же российскими парнями, но не прибывшими сюда повышать боевую и политическую подготовку, а попавшими в бесславный и страшный плен. Всего в лагерь согнали более семидесяти тысяч пленных.

Мне улыбнулось нежданное счастье: меня взяли работать на лагерной кухне. Поставили на варку баланды – проще говоря, кипятка с разболтанной в нём ржаной мукой. Соли не было. Хлебные пайки были микроскопически малы, да и хлебом назвать это можно было только условно... Баланда, жидкая невкусная болтушка, только на время забивала неутолимое, сводящее с ума чувство голода. Среди пленных множились случаи заболеваний...

Об этом трагическом опыте я уже писал в своей книге «Что было». Трудно излагать это по второму разу, а точнее – невыносимо больно. Мой друг, пастор, узнав, как тяжело я подбираю слова, чтобы рассказать то, о чём уже с мукой в душе рассказывал однажды, посоветовал мне: «Не терзайте себя, брат. Повторите из уже опубликованных мемуаров то, что вам нужно для нынешнего повествования. Не беспокойтесь: читатели поймут правильно, ведь речь идёт не о литературных красотах, а о невыдуманной правде вашей жизни...»

Я решил последовать совету моего друга. В самом деле: что было, то было...

Это было

К шести утра я приходил на кухню, а рядом, в это же время, из бараков выносили голые трупы и укладывали на телеги. Снятую смрадную одежду хранили для тех, кто в ней ещё нуждался. Умирало в лагере ежедневно не менее шестисот человек. К тому времени, как начинало светать, все двадцать телег были заполнены мёртвыми телами. Днём выкапывалась большая яма и туда сваливали ночную убыль.

К уморенным голодом, умершим от ран и от болезней прибавлялись казнённые за каннибализм. Да, было и такое.... Виселица в виде огромной буквы «Г» была поставлена в центре лагеря. На публичную казнь выгоняли всех военнопленных и расставляли их с четырёх сторон. Повешенного для устрашения оставляли в петле на целые сутки.

Водопровод в лагере был испорчен. Воду приходилось доставлять из города на двадцати телегах. На каждую ставились три или четыре кадки. В телегу впрягалось пятнадцать человек. Стояли лютые морозы. Колёса у телег не вертелись. Гремя по замёрзшим кочкам и колдобинам грунтовой дороги, обледенелые телеги наводили жуть на удручённое население города.

Когда к кухне приближалась телега с кадками, вода из которых наполовину расплескалась в дороге, каждый «повар», гремя вёдрами, старался урвать как можно больше для своего котла. Каждый хотел выполнить свою норму – три котла за смену – раньше других, чтобы не попасть под удары своего же, русского надсмотрщика, который не расставался с толстой, почти не гнущейся резиновой дубинкой.

Я был в четвёрке, работавшей у крайнего котла, возле стены. В разбитом окне свистел ветер и залетал снег. Огромное помещение кухни всегда было наполнено дымом и паром. Пронизывали сквозняки. Глаза слезились. Круглые сутки вокруг стоял нестихающий гул: смесь ругани, зубовного скрежета, звона пустых вёдер, плеска разливаемой в кадки баланды, шипения дров, стука колунов во дворе, где дровоколы раздробляли на поленья сырые осиновые чурки. Такие дрова горели плохо. Приходилось то и дело раздувать их. Голова кружилась, глаза мутнели, тошнило.

От начала закипания баланду нужно было варить два часа, как приказывало немецкое начальство, чтобы не вызвать дизентерии у военнопленных. Но выполнять инструкцию не было никакой возможности. Грозный надсмотрщик, размахивая дубинкой, рычал:

– Живей! Быстрей! Пригнали новую партию пленных! Срочно нужно накормить пять тысяч человек!.. Баланда готова?

– Только что закипела.

– Значит готова: горячо – сыро не бывает.

– Да ведь заболеют?

– А тебе жалко?

Спорить, убеждать, доказывать – было бесполезно и небезопасно. И мы разливали сырую баланду, зная, что это – гибель для изголодавшихся, слабых людей.

Принимая участие в преступлении, я оправдывал себя тем, что во всём этом я только пешка, которую двигают по шахматной доске люди, считающие себя игроками. На самом деле они – тоже ничтожные пешки, которыми повелевают стоящие над ними. А над теми, в свою очередь, стоят следующие по значению и рангу... И разорвать эту цепь преступности – не в моих силах...

В первый же день работы на кухне я подружился с певцом, которого все звали Петей. Он родился и вырос в Саратовской губернии, учился в консерватории, любил Волгу, народные песни, страдал за судьбу родины.

В короткие перерывы мы любили помечтать о светлом будущем, когда Россия будет свободной, счастливой, независимой.

Возвращаясь с работы, мы зажигали «мигалку» – стеклянный флакончик, в который была опущена металлическая трубочка, сверху поддерживаемая кружочком. В трубочку был продет фитилёк. Во флакончик наливали бензину, добавляя в него соли.

Кое-кто располагался ближе к свету, чтобы до полночи «сражаться» в карты. Лежавшие на нарах разговаривали. Разговоры были на одну тему – о войне, о хитрости немца, о русской трагедии.

Со двора в щели тянуло холодом. Засыпали, не раздеваясь, в том, в чём работали двенадцать часов. Многие даже не разувались. А те, которые снимали обувь, засовывали её под голову: другого безопасного места не было. Запахи пота, грязи, махорки...

Надо привыкать, внушал я себе.

Из-за нехватки площади все ложились на один бок, уговариваясь, что поворачиваться будут вместе. Убеждали друг друга не ложиться на спину, чтобы не теснить лежащих рядом.

– На спине человек занимает в два раза больше места, чем на боку... Помните об этом, товарищи... На спине человек храпит...

С верхних нар, сквозь щели, сыпался мусор. Немилосердно кусали вши. Лежа на боку, с открытыми глазами, я мысленно путешествовал по всем местам, где удалось побывать до войны. Что стало с моими приятелями и знакомыми? Куда забросила их судьба? Где теперь мои родные и близкие? Догадываются ли они, какую школу жизни я прохожу, какую мудрость постигаю?.. Об одном, как умел, просил я Бога: сохранить мне жизнь в этом аду.

После полуночи я впадал в забытье. Угасал мышиный глазок мигалки. Темнота. Духота. Смрад. Храп. Многие во сне стонали, дико кричали, ругались, плакали как дети, жалобно выкрикивая: «Ма-ма!»...

Однажды, по совету Пети, я вышел понаблюдать за раздачей баланды. От нашего барака шёл барьер длиною метров двадцать. В барьере были устроены специальные проходы. В них ставилась кадка с баландой, к которой подходили по очереди. Три длинных хвоста, извиваясь, тянулись по территории лагеря. Возле каждого прохода стояло по два полицая с деревянными, толстыми дубинками, похожими на скалки. На конце некоторых дубинок были сделаны особые шишаки или зазубрины, чтобы сделать удар больнее. Полицаи шныряли и вдоль очередей – все в тёплых куртках цвета хаки, с серой меховой опушкой. Лица у всех были сытые, красные, глаза злые, как будто они прошли специальные курсы ненависти к своим несчастным собратьям. Удары дубинок сыпались так же часто, как стук вальков на речке, когда бабы полощут белье.

За что били пленных? За всякий пустяк. Вот кто-то крикнул: «Ну, чего вы там зазевались?» И на голову спросившего обрушивается удар. Вот кто-то поскользнулся и разлил часть баланды. Он ложится на землю и слизывает драгоценные капли. Его лупит полицай.

– Не бей по голове, ради Бога, пожалей голову! Где хочешь бей, только не по голове, – умоляет несчастный. А полицаю хочется, чтобы от удара раздался звон. Никакая часть тела не звенит так, как звенит голова, если ударить по ней изо всей силы дере-

вянной дубинкой. Спасаясь бегством, человек падает и разливает то, что осталось.

– А-а... – плачет он как ребёнок.

– Так тебе и надо, балда безмозглая, – ругается полицейский...

Никто не откликается на вопли. Человек пытается встать. Его движения как у сильно пьяного. Он тычется носом в землю, переваливается то на один бок, то на другой. Сколько в нём упорства! А смерть уже отняла у него почти всё. Но всё же, после долгих усилий, он встаёт. Ноги разъезжаются. Тело дрожит. Нужно сделать хотя бы один шаг. Самое трудное – начало, а там уже будет полегче: за первым шагом он сделает второй, потом третий... Но как сдвинуть ноги, как поставить их рядом? Они не хотят слушаться.

К пленному подбегает немецкий солдат и со всего размаха ударяет дубинкой по затылку. Человек без крика падает лицом вниз и лежит неподвижно. Немец убил его...

Насмотревшись на повседневные ужасы лагеря, я решил делать записи в случайно сохранившемся блокноте обо всем, что вижу, слышу, переживаю.

На мою беду, как раз когда я писал, в кухню вошёл главный переводчик – Иван Иванович, – жгучий брюнет с необыкновенно злыми глазами. В длинной новой шинели, с хлыстом в руке. Покосился:

– Это что ещё за литературные упражнения?

Я ничего ему не ответил. Через несколько минут он вернулся с помощником коменданта.

– Вы делаете какие-то записи? – спросил немец. – Надеюсь, в них нет ничего крамольного?

– Я веду дневник, который, думаю, впоследствии послужит мне материалом для книги.

– Кто вы по профессии?

– Писатель.

– Боюсь, ваша книга будет очень печальной... Если бы вам довелось увидеть лагери для военнопленных во Франции, вы бы подумали, что это санатории. Французы, отступая, ничего не уничтожали. А Сталин отдал приказ: «Взрывать строения, сжигать продовольственные склады, ничего не оставлять врагу»... Он думал помешать нашему наступлению, но прежде всего поставил в безвыходное положение своих же русских. Мы никогда не думали, что окажется столько пленных...

Когда Иван Иванович вёл сюда помощника коменданта, он был уверен, что тетрадь у меня будет отобрана, а я – наказан. Ему явно хотелось выслужиться перед начальством. Но победитель проявил себя лучше, чем предатель. Доносчик отходил от меня, как пришибленная собака. Офицер сказал ему:

– Оставьте писателя в покое: он делает записи в свободное время. Сейчас у них полный котёл баланды. Вот раздадут и снова примутся за работу.

– Ну и иуда... – выругался Петя, когда помощник коменданта и переводчик вышли из кухни. – Какое ему дело до того, что вы пишете?! А ещё Иван Иваныч!.. Уж назывался бы прямо – Змей Змеевич!

Теперь этот человек будет искать случая сделать мне гадость, думал я. Но за что?! Неужто только за то, что его намерение сорвалось? А ведь он русский – не Ганс, не Фердинанд, не Леопольд...

На следующий день мы перепели с Петей много народных песен. Под конец он затянул мою любимую – «Горы Воробьёвские». Я подпевал вторым тенором. Работники кухни собрались вокруг. Слушая, грустили, уносясь мыслями в далёкое прошлое. Вдруг в проёме входных дверей мелькнула шинель переводчика, а потом кто-то крикнул:

– Тише!.. Комендант лагеря!

Все разбежались по своим местам. Я мешал кипевшую в котле баланду. Петя тоже работал. Но это не мешало нам петь. Внутренний голос подсказал мне: «Не бойся, песня вырвет тебя из ада»... Я дал понять Пете взглядом: «Будем продолжать». Друг кивнул мне, и в присутствии хозяина лагеря, в руках которого были наши судьбы, мы запели ещё задушевнее. Комендант остановился неподалеку от нас как зачарованный. Снял фуражку. Мы видели, что протяжная русская мелодия захватила этого непонятного, пожилого человека.

Ах, вы горы вы мои, горы Воробьёвские,
Породили вы, горы, один бел-горюч камень.
Из-под камушка бежит, бежит речка быстрая.
Как на этой реке стоял част ракитов куст,
Как на этом на кусту сидел млад ясён сокол...

Когда мы умолкли, комендант подошёл к нам и, достав из кармана портсигар, протянул его нам. Мы взяли по сигаретке для курящих друзей.

– Мне доложили, вы – писатель? Вы заняты здесь не своим делом. На кухне может работать всякий.

– Об этой работе мечтает каждый военнопленный,– сказал я, испугавшись, что меня могут перевести в общий барак.

– Будете обслуживать раненых соотечественников во всех палатах лагерного госпиталя: читать им свои произведения, говорить с ними по душам, петь для них народные песни. Вас зачислят на рацион переводчиков. Спасибо и вам, молодой человек, за песню. В госпитале вас будут ждать завтра утром. Не забудьте. До свидания.

...Я встал вместе с работниками дневной смены. Придя на кухню, побрился. Надо бы приодеться, но смены не было: на мне была та же самая гимнастёрка, в которой я прошёл несколько сот километров от Подмосковья до Смоленщины, в которой был в момент боя и пленения и которую теперь не снимал даже ночью. Она сильно полиняла и казалась очень старой. Те же коричневые ботинки и чёрные обмотки. Только брюки были другие. Выданные в ополчении износились, порвались. Замену я получил уже в лагере: выбрал из вороха обмундирования, которое было снято с трупов и свалено в подвальном помещении под госпиталем. Выбирал я долго, одной рукой зажимая нос, а другой вороша жалкое тряпьё. Найдя брюки покрепче, я несколько раз обдал их кипятком, чтобы удалить трупный запах, но он был стойким и не поддавался действию кипятка. Первые дни я спрашивал у товарищей:

– Чем от меня пахнет?

– Пленом, – отвечали мне.

Теперь этот запах выветрился. Я причесался, отряхнулся, расправил складки на гимнастёрке, тщательно затянул обветшавшие обмотки и, попрощавшись с напарниками и с Петей, направился в госпиталь. Администрация была предупреждена. Меня ожидали. Щеголевато одетый русский помощник коменданта проводил меня в палату, предупредив:

– Говорить можете обо всём. Но, сами понимаете, критиковать немцев в нашем положении не совсем удобно...

Смрад ударил в голову, в глазах потемнело, я испугался, что упаду. Такого ужаса я не ожидал. На двух этажах сплошных, ничем не покрытых нар – слева, справа и спереди,– лежали раненые. Судя по всему, их так и не удосужились обмыть, обтереть спиртом. Люди разлагались заживо.

Сытый, здоровый, нарядный помощник поспешно удалился. Я остался один в этом бездонном омуте страдания. Что я им скажу? Чем утешу? Не покажутся ли кощунством в этом аду мои песни?

Нужно поздороваться, подумал я, но как назвать этих несчастных? В лагере уже многие ввели слово «господа» Но здесь оно прозвучало бы как пощечина. Назвать «товарищами» тоже не решился: ведь так обращаются к друг другу по ту сторону фронта. И я обратился к страдальцам-соотечественникам так, как обращался неоднократно к людям во время своих поездок по городам и сёлам: «Дорогие друзья!»

Многие насторожились. Кое-кто приподнял голову.

– Я пришёл сюда, чтобы разделить вместе с вами постигшую всех нас беду. Знаю, как вам тяжело. Тоска гложет сердце, телесные страдания отгоняют сон... Вы хотите забыться и не можете. Каждая минута вашей безотрадной жизни кажется бесконечной. Но, дорогие друзья, в этом мире нет ничего вечного. Не вечна и наша скорбь... Не будем отчаиваться. Бог послал нас в школу смирения и терпения. Эти два качества хорошо знакомы русскому человеку. Если бы русская душа не была смиренной и терпеливой, она не смогла бы переносить всех мучений, которые так часто выпадают на долю России. Огонь и вода закаляют железо. Страдания обогащают нашу душу.

Меня послали к вам для утешения. Я такой же, как вы, русский человек, переживший немало скорби за свою сорокапятилетнюю жизнь. Мне сказали: «Идите к своим братьям, читайте им рассказы, пойте песни...».

– Не до песен нам, кипяточку бы дали, лежим как чурки, губы пересохли, все внутренности слепились,– простонал раненый на верхних нарах, неподалёку от двери.

– Где он тебе возьмёт кипяточку?.. Ишь ты барин какой, чего захотел...

– Он такой же, как мы, только ходить не разучился...

– Продолжайте, товарищ...

– Пой, браток. Мы уж и забыли, что такое песни.

– Наши песни – стоны, вздохи да слёзы.

Как ни странно, эти сбивчивые восклицания дали мне понять, что я действительно, хоть чем-то, смогу помочь несчастным.

– Сначала я спою вам любимую песню моей покойной матери.

Мне не хотелось кашлять, но я заставил себя сделать это, чтобы прочистить горло и подготовить слушателей к песне. Я начал петь в высоком тоне, с тихой задушевностью:

–Ты, дубравушка зелёная,
Да что ж в тебе дубья много,
А нет одного дуба годного?..

Минорным протяжным напевом песня напоминала плач невесты или похоронное причитание.

– Пойте-пойте,– как пуховой варежкой по сердцу гладите,– послышался тихий голос с верхних нар.

– Один был дубочек зелёненький,
Да и того буря сломила,
Ко сырой земле приклонила...

– Эх, мужики! Деревней запахло... стариной... – раздавались там и сям голоса.

– И некому теперь пошумети
И дубравушку взвеселити...

Я замолчал и склонил голову. В палате зазвучали аплодисменты. В царстве смерти повеяло жизнью.

И тогда я решил спеть раненым деревенские припевки.

– Где мы с миленьким встречались,
Там зелёная трава.
Где навеки расставались,
Там посохли дерева.

Завивались мои кудри
От весны до осени,
Как почуяли разлуку,
Завиваться бросили.

Меня милый провожал,
Под полой гармонь держал,
До крылечка проводил,
Заиграл, пошёл один.

Дай, подружка, карандаш,
Напишу, ты передашь,
Если спит, то не тревожь,
А на грудь ему положь.

Матушка родимая,
Свеча неугасимая,
Горела, да растаяла,
Жалела, да оставила.

Из-за леса вылетала,
Пуля торопилася.
В молодую грудь попала –
Там остановилася.

Я от горя – в чисто поле,
Горе катится за мной.
Я от горя в тёмный лес,
Оглянулся – горе здесь.

Стоит белая берёза,
Всем ветрам покорная.
Не бывает мое сердце
Никогда спокойное.

Теперь зааплодировали даже тяжелораненые. Хлопки их были беззвучными, но я видел, что они силились соединять ослабевшие ладони, на их лицах робкими огоньками затеплилась радость.

В этот день я выступил четыре раза, на следующий день – ещё и ещё... Иногда мне казалось, что моя новая работа не легче кухонной, но всё же она давала мне моральное удовлетворение. Слабым лучиком своих усилий я освещал страшный душевный мрак моих соотечественников...

Через полтора месяца моего литературно-вокального служения меня вызвали в Смоленск. Видимо, слухи о том, что я смог внести мир в души пленных, дошли до высокого оккупационного начальства, и оно решило использовать меня, чтобы как-то успокаивать население. Конечно, власти преследовали свои цели, желая ещё и таким способом как-то обезопасить тылы,– это было понятно.

Стояла суровая зима. Я трясся в машине в окружении немецких солдат и мучительно размышлял о своём будущем. Работать с немцами? Этот вопрос стоял перед многими, попавшими в плен. Здесь не было единого ответа и единого решения. Я видел сталинистов, которые судорожно спарывали с рукавов комиссарские звёзды, и видел штрафников, только что возвращённых из сталинских лагерей, которые предпочитали смерть сотрудничеству с оккупационными войсками. Конечно, кого-то вёл фанатизм. Конечно, кого-то толкала месть за «раскулаченную» семью. У кого-то, как говорится, просто не было пути назад. Маятник человеческих поступков раскачивался от слепого секундного героизма до давно

взлелеянного хладнокровного предательства. Но всё же в большинстве случаев, будем откровенны, людьми двигало естественное чувство самосохранения перед лицом смерти...

Что же я? Ни обелять себя, ни оправдываться не хочу. Было мне, как всем вокруг меня в лагере, страшно пропадать ни за грош. Если бы тогда сердце моё было открыто Господу так широко, как открыто оно сейчас, я нашёл бы утешение и силу в смиренной молитве. А тогда... тогда я тоже молился. Но не вера, а страх заставлял губы шептать: «Господи, помилуй...»

И всё же мои просьбы были услышаны. Теперь, с высоты лет, я вижу, как в тот далекий и страшный год Божья рука вела меня к спасению моей души. Но тогда мне открылась возможность спасти себя физически. Ну и конечно, было ещё чувство какого-то морального оправдания, потому что плата за жизнь, которую я должен был заплатить, не представлялась постыдной. Если я смог помочь раненым, может быть, я сумею поддержать других моих соотечественников – словами утешения, покоя и мира?...

Меня направили в русскую газету, редактором которой был Константин Долгоненков. Так как до войны было издано десять моих книг и я был известен как писатель, редактор охотно принял меня на работу и назначил литературным секретарём газеты.

Впрочем, хватит обо мне. Всё, чему я был свидетелем или участником, приводится в этой книге только для того, чтобы читатель лучше почувствовал мрачный колорит трагической эпохи, в которой довелось жить моему герою...

В декабре 1941 года, в лютую метель, в редакцию забрёл человек в кошачьей серой шапке, в старом тулупе и подшитых валенках. Стряхнув с шапки снег, он отрекомендовался:

– Андрей Пасхин, бывший заключённый Ухто-Печерского лагеря, а теперь свободный человек.

Вся редакция заинтересовалась пришельцем. Хотелось послушать его рассказы о пережитом.

– Я был сослан в 1935 году на шесть лет. По отбытии срока получил «минус шесть», иными словами, в шести главных городах России жить мне было нельзя. В Москве я пробыл всего один день – повидался с родителями и братьями. Местом жительства избрал

Калугу. Когда она была занята немцами, я пошёл служить в кинопрокат. Однако немцы в Калуге продержались недолго. Перед отступлением знакомый киномеханик сказал мне: «Идите, куда хотите, но советую обосноваться в Смоленске». Мне удалось раздобыть этот тулуп. Выправил себе удостоверение, что я – работник отдела культуры при новой власти. Большую часть пути шёл пешком, заходя в посёлки, где стояли немецкие части. В крестьянских избах просил разрешения погреться. Сердобольные хозяева поили меня и кормили, а потом приглашали старосту, чтобы он проверил мои документы. Когда всё улаживалось, я рассказывал о своей шестилетней каторге, вызывая у слушателей слёзы. Иногда меня угощали самогоном, а то и шнапсом. Если я ночевал в какой-нибудь избе, то всегда просил, чтобы мне дали место на печи. Кирпичи оставались горячими до самой ночи. Я снимал с себя валенки и носки, прижимался ступнями к шероховатым, излучающим тепло стенам. Не было для меня большего блаженства, чем чувствовать это умиротворяющее, целительное тепло, и я засыпал как у Христа за пазухой.

По утрам меня угощали горячей картошкой «в мундире» и чёрным хлебом. Эта простая еда казалась мне самым изысканным лакомством. Иногда попутные подводы подвозили меня до следующего села, но чаще доводилось двигаться пешкодёром... И вот я в Смоленске, в редакции газеты, среди интеллигентных людей, которые, как мне кажется, исполнены доброты и сочувствия.

– Подтверждение этого сочувствия – наши слёзы,– сказала редакционная машинистка. Она повернулась в сторону, где сидел главный редактор газеты, и молящим голосом попросила: – Константин Акимович, устройте этого несчастного юношу на работу при редакции.

– Вы ведь знаете, я должен всё согласовать с нашим германским куратором. Думаю, он не будет против: такие работники нам очень нужны. Однако прежде всего вам следует устроиться с жильём. Жилищный отдел – буквально через две двери от нас. Пойдите сейчас туда. Мы вам дадим направление от редакции.

Машинистка мигом настучала на бланке просьбу о помощи.

– Когда вас пропишут, загляните к нам,– сказал редактор.

Минут через двадцать Пасхин вернулся с сообщением, что его устроили в семье Спиридоновых, у которых имеется лишняя комната.

– Вам крупно повезло! – засмеялся редактор. – Это милейшая семья – мать и две дочки-невесты. Так что всё складывается великолепно: уверен, скоро все мы будем гулять на вашей свадьбе.

Андрей полушутливо ответил:

– Захочет ли кто-нибудь выйти замуж за такого нищего жениха?

– Не беспокойтесь! Для скорого обогащения у вас все данные – молодость, житейский опыт и талант.

– Но как вы можете судить о таланте, не прочитав ни одной моей строки?

– Ошибаетесь: лет шесть тому назад я читал в «Молодой Гвардии» рассказ за подписью Андрея Пасхина. Помнится, я сказал тогда: «Этот молодой автор скоро будет хватать звёзды с неба».

– Серьёзно?! Вы помните мой рассказ? А ведь мне тогда было только семнадцать лет.

– Это значит сейчас вам...

– Двадцать четвёртый пошёл.

– Завидую вашей молодости: всё красивое, счастливое, головокружительное у вас впереди. Не забудьте при случае нас, грешных и заурядных.

– Спасибо за комплименты, сочувствие и содействие... – Андрей был растроган. – Поверьте, после шестилетней ссылки в царстве белых ночей, комариного гудения и воющих метелей, где стонам природы вторят своими воплями и проклятиями замученные люди, ваша поддержка для меня важна особо. До скорой встречи! Поспешу туда, где меня ждут две «невесты»...

Последнее слово он произнёс с весёлой и неожиданно беззащитной улыбкой.

Посажёный отец

Обе сестры, Соня и Нина, были трогательно внимательны к своему квартиранту. Соня была круглолицей блондинкой, студенткой медицинского института, брюнетка Нина до войны не успела окончить десятилетки. Старшая сестра была скромной, застенчивой, младшая – развязной, не скупившейся на острые словечки. Потихоньку от матери она иногда курила. Чтобы изо рта не чувствовалось табачного запаха, сосала мятные конфеты.

Шутки шутками, а Андрея и впрямь стал тяготить холостяцкий образ жизни. Поначалу он симпатизировал младшей, Нине, но потом, следуя моему совету, остановил свое внимание на старшей сестре. Советы такого рода давать рискованно, но, видимо, Андрей и сам, без моих рекомендаций, почувствовал, что старшая, Соня, будет преданной и надёжной женой. Конечно, Нина как женский тип была более пикантной и, несмотря на свою юность, более сообразительной в любовных делах... Но так ли уж это важно для той, кого выбираешь в жёны? Женившись на ней, натерпишься горя, думал Андрей. С Ниной хорошо провести вечер, но уже на следующий день она будет утомлять своей неугомонностью и вертлявостью...

Степенной матери-вдове Андрей нравился ласковостью, остроумием, печальным опытом жизни. Когда он рассказывал о шестилетней ссылке, она всегда утирала слёзы. О его пристрастии к алкоголю она не знала, и потому он казался ей ангелом. Породниться с таким страдальцем она ничего не имела против и постоянно внушала дочерям:

– Следите, чтобы он всегда был накормлен и напоен, крахмальте воротнички его рубашек и получше их разглаживайте.

Нина вечера проводила у подружек, Соня домоседничала, следя за порядком. Андрею было приятно общение с этой начитанной, скромной девушкой. Оставаясь вместе с нею и с матерью, он без конца рассказывал о лагерной жизни, об изнурительном труде сосланных туда людей, о красоте летних белых ночей, о зимних метелях, когда бараки заносило снегом почти до крыши, после чего всех выгоняли на утомительную расчистку.

Соня расспрашивала о женском лагере, который был по соседству, о том, были ли там молодые, интересные девушки?

– Были, и немало, – не лукавя, отвечал Андрей.

– Вы, конечно, влюблялись в них?

– Любовь в лагерях строго запрещена. Если начальство замечало, что какой-то зэк «крутит» любовь с зэчкой, ему прибавляли срок.

– Но разве нельзя было укрыться от зорких глаз начальства?! Ведь влюблённые во все века и во всех странах славились изобретательностью, ухищрениями и ловкостью!

– Да, разумеется, были ловкачи и в лагерных условиях.

– Вы, вероятно, были в их числе?

– Вы плохо обо мне думаете, Соня. Чтобы скорее истёк срок заключения, я старался быть тише воды, ниже травы.

Он утаил от Сони, что у него в лагере родился сын, названный Андреем, – будущий Андрей Андреич.

Дни шли за днями, и хозяйка стала намекать всё прозрачнее, что каждый человек должен обзавестись семьёй своевременно – пока молодость цветёт пышным цветом. Она не раз повторяла народную поговорку: «Старое мясо не уваришь, старого жениха – не уженишь».

У Спиридоновых, что в тяжёлое военное время было редкостью, уцелел патефон со множеством хороших пластинок. Однажды вечером, когда на улице свистела метель, осыпая окна белой пылью, Соня поставила пластинку с «Лебединым озером». В комнате было тепло и уютно. В переднем углу теплилась лампадка: малиновый свет озарял иконы и располагал к воспоминаниям детства. Андрей сидел на диване, облокотившись на красивую бархатную подушку с белыми лилиями. И сама Соня в эти минуты казалась ему нежным, ароматным цветком.

– Посидите, Соня, со мною, – попросил Андрей с необычной нежностью в голосе.

У неё тоже было хорошее настроение, хотелось приласкать и пожалеть человека, перенесшего столько страданий. Она села рядом.

– Боитесь меня? – спросил Андрей, привлекая её к себе. – Напрасно. Вы очень славная девушка.

После этого короткого предисловия он стал осыпать её поцелуями. Соня растерялась на миг, смутилась, но тут же, следуя велению сердца, прильнула к своему избраннику.

– Андрюшенька, страдалец мой, пусть никогда не возвращается прошлое!

Пасхин ликовал. Ему чудилось, что он – на вершине блаженства.

– С тобою вместе оно никогда не вернётся! Ты – моя белая лилия!

Под завывающую метель и нежную музыку Чайковского они объяснились в любви. Андрей сделал предложение Соне, и девушка приняла его с трепетом и благодарностью.

В тот же вечер они объявили матери, что решили сыграть гражданскую свадьбу, без священника. Мать, благословляя их, расплакалась. Свадебный пир решено было устроить в ближайшее воскресенье. Угощение надумали приготовить для военного времени необычное – пельмени. Это было любимое блюдо Андрея. Стали подсчитывать, кого позвать на свадебный пир. Вместе с редакционными работниками и друзьями Спиридоновых насчитали шестнадцать душ, да своих было четверо. Итого, нужно было заготовить не менее тысячи пельменей – из расчёта по пятьдесят штук на каждого. При содействии редактора раздобыли белой муки и хорошего мяса. Лук был заготовлен с осени. Перец тоже нашёлся. Как авторитетного «специалиста» в этой области делать пельмени пригласили меня. Зимой это блюдо очень удобно, пельмени можно заморозить.

Андрей исхитрился достать пять бутылок шнапса, который настояли на сушёной вишне.

Но не всё было так просто. Младшая сестра, Нина, никак не могла смириться с тем, что выбор пал не на неё. Несколько раз, глядя в глаза Андрею, она с упрёком произносила:

– Эх ты!

В этом восклицании была обида и укор, что предложение сделано не той, которая достойна его более всего.

К свадебному торжеству мать сшила для Сони платье из белого шифона. Отрез хранился на дне сундука несколько лет. Редактор помог достать Андрею голубой костюм, белую рубашку и голубой галстук.

В отделе записи гражданских актов молодые зарегистрировались в субботу. В тот же день состоялась небольшая вечеринка для работников редакции и членов семьи невесты. Я как посажёный отец жениха отдавал распоряжения насчёт угощений. Андрею очень хотелось, чтоб пельмени были не только завтра, в день свадьбы, но и сегодня.

Бульон на костях был приготовлен заранее. Пельмени варились в большой кастрюле на кухонной плите. Когда они были готовы, я предложил всем сесть за стол. Стаканчики до краёв наполнились вишнёвой настойкой. (Напомню моим дорогим читателям, что в ту пору, не зная Божьего страха, я и сам грешил – прикладывался к рюмке, благо повод для того, чтобы оправдать себя, находился всегда... Мне казалось, что, поступая так, я просто подчиняюсь обстоятельствам, а не потворствую собственной слабости. Это уже потом прочитал я в Притчах: «Сын мой! если будут склонять тебя грешники, не соглашайся...» И ещё, там же: «Обдумай стезю для ноги своей, и все пути твои да будут тверды. Не уклоняйся ни направо ни налево, удали ногу твою от зла...».)

Чем силен сатана, так это своими искушениями, соблазнами. Вот – главное его оружие! Слаб человек, и поесть ему хочется вкусно, а дьвол тут как тут: да что ж это, мол, за трапеза без возлияния! Дескать, и Иисус на свадьбе в Кане Галилейской воду превращал не в ситро... Люди жизнь решили связать вместе – как тут не выпить?! Эх... Не устоял я, а честно сказать, не особо и сопротивлялся. Ну а Андрей – он и не терзался такими мыслями. Голова его шла кругом – и от значительности момента, и от предвкушения выпивки, – трудно даже сказать, от чего больше...

Перед каждым была поставлена глубокая тарелка с ароматными пельменями. От кушанья струился лёгкий пар.

– Выпьем за счастье молодых – моего названного сына Андрюши и моей дорогой невестки Сонечки! – провозгласил я торжественно.

Гости заволновались, закричали сначала вразнобой, а потом все вместе:

– Горько!

Молодые троекратно расцеловались.

– Да, «горькая» сразу стала сладкой! – заулыбался редактор.

Попробовав пельменей, Андрей воскликнул:

– Есть ли в мире блюдо, более вкусное, чем это?! Спасибо вам, дорогой отец Михалыч, за все ваши заботы! Сердечная благодарность нашему редактору за все сокровища, которые очутились в этом доме благодаря его старанию!

– Ура! – крикнули собравшиеся.

В стаканы снова была налита настойка, тарелки снова наполнились пельменями.

После этого Андрей обратился к гостям:

– Друзья мои, скажите – явь это или сновидение?

– Красивая сказка! – ответил я.

– Думал ли я в течение шести лет, прожитых за колючей проволокой, о возможности такого счастья? Спасибо вам, бесценные други, за то, что вы устроили этот необыкновенный праздник воскресшей жизни!

– А настойка опять стала горькой! – улыбнулся редактор.

– Горько! Горько! – зашумели остальные.

И улыбающиеся, счастливые молодожёны снова троекратно расцеловались – как на Пасху.

Пир до полуночи

С утра на другой день я был озабочен необходимостью восстановить запас пельменей. Андрея же волновало, как пополнить ряды бутылок. Как известно, когда сильно чего-нибудь хочешь, всё существо человека переполняется энергией. Всё появляется, откуда ни возьмись, – как будто в сказке: «По щучьему велению, по моему прошению». Появляется, растёт на глазах, радуя осуществлением всего столь желаемого и срочно необходимого... Задумывался ли кто в такие минуты, откуда оно приходит, что стоит за этим и чем придётся расплачиваться?! Не платим ли мы потом дьяволу?!

Итак, я раздобыл мяса и сделал ещё две сотни с лишним пельменей. Из неведомых кладовых вынырнуло на свет несколько непочатых бутылок самогона.

Мать Сони была встревожена нехваткой посуды. Пришлось обратиться к знакомой и за это пригласить её на свадебный пир. В подвальном помещении отыскались два невзрачных стола. Их выскоблили, помыли горячей водой и внесли в гостиную. Скатертями и салфетками обошлись своими. К полудню гостиная была готова к приёму гостей.

Начало пира было назначено на пять часов вечера. Но неожиданно повалил густой, пушистый снег, заслонивший улицы сплошной белой пеленой. Поздно проснувшиеся молодые были встревожены непогодой.

– Неужели это кого-нибудь испугает? – спрашивала Соня.

– Не беспокойся: ради пельменей и выпивки люди осилят даже адские преграды, – успокоил её Андрей.

Увидев меня, он очень обрадовался:

– Вы уже здесь, Михалыч?

– Я тут с семи утра: надо было пополнить пельменный запас.

– Сколько же вы смастерили?

– Больше двухсот.

– Вы – маг и волшебник!

Отозвав Андрея в сторону, я шутливо спросил, как прошла первая свадебная ночь.

– Михалыч, Сонечка – святая девушка!

– Так что святость вступила в союз с греховностью?

– Ничего не попишешь, Михалыч: что допустимо для мужчин, строго запрещено женскому полу.

– Короче говоря, вы довольны и счастливы?

– Сверх меры, Михалыч! А вас, за вашу пельменную доблесть, я когда-нибудь опишу в одном из своих романов как удивительно чуткого, доброжелательного друга. Без вас мы бы пропали!

– Вы лучше старайтесь, хоть иногда, прислушиваться к моим советам...

– Дети мои, вам пора одеваться к торжеству, – сказала ласково мать.

Она была в голубом шерстяном платье с гипюровым воротничком и в белом фартуке, чтобы обезопасить свой наряд от кухонных брызг. Водка, вино и рюмки были расставлены на столах, салфетки разложены возле тарелок.

В одном из простенков висела картина «Богатыри» в золочёной раме. Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович... Эти знакомые образы уносили мысли в далёкое прошлое, такое милое сердцу, в детские годы, когда былинные богатыри представали перед нами как воплощение всепобеждающего добра и справедливости.

Проснувшаяся позже всех Нина, вбежав в гостиную, воскликнула:

– Вот это да! Какая красота!

– Скажи спасибо за эту красоту Родиону Михайловичу,– отозвалась мать. – Он не только помог накрыть столы, но и как волшебник восстановил наши запасы.

Нина, подскочив, поцеловала меня.

– О как я хотела бы, чтобы и на моей свадьбе вы были посажёным отцом и тоже заведовали бы пельменным творчеством! Я не говорю «производством», потому что в производстве участвует бездушная машина, а вы во всякое дело вкладываете душу.

– Спасибо вам, Ниночка, за сердечность. Вы – славная девушка, и я предсказываю вам большое семейное счастье.

– А мне кажется, я останусь старой девой.

– Бриллианты всегда сверкают в коронах, а вы – драгоценный бриллиант, отшлифованный родителями.

– Ну, я пойду переоденусь...

Через несколько минут она вышла в шёлковом сиреневом платье, украшенном золотой брошью в виде полумесяца. Её тёмные волосы рассыпались по плечам. В больших чёрных глазах сверкало лукавство, соединённое с невинностью.

Сравнивая внешность сестёр, я отдавал предпочтение младшей. Соня привлекала душевной простотой, а в сердце Нины таилось много неузнанного ни матерью, ни сестрой. Кому позволит она открыть этот «ларец»? – думал я иногда.

Густой, непрекращавшийся снег не испугал приглашённых. Они собрались без опоздания – к двум часам. Входя в прихожую, со смехом отряхивались от снежного пуха. Я помогал сметать снег метёлкой. В передней была вешалка, а внизу – клетки для калош, но калоши в то время были редкостью. Гостям предлагалось вытирать ноги большой фланелевой тряпкой. В гостиной входивших встречали молодые.

– Да вы, батенька, свежи, как первый огурчик с грядки,– сказал редактор, обнимая Андрея. Жена нашего редакционного начальника преподнесла мясной пирог на противне, покрытый белой салфеткой и завёрнутый в бумагу для сохранения тепла.

– Это вам на счастье, – сказала она молодым. Её расцеловали и Андрей и Соня. Кто-то принёс бутылку красного вина. Одна из женщин подарила вышитые салфетки, другая – скатерть с изображёнными на ней голубями. Корректорша преподнесла два стакана в старинных серебряных подстаканниках. Вручение подарков сопровождалось восклицаниями гостей, поклонами молодой, умилением матери, то и дело ронявшей прозрачные счастливые слезинки. Андрей, конечно, тоже был польщён знаками внимания, но настоящий прилив восторга вызвали у него не подарки, а появление на столе четырёх «незапланированных» бутылок водки.

Некоторые женщины помогали матери на кухне. Плита дышала жаром. В огромной кастрюле уже дымился янтарный ароматный бульон. С мороза из сеней было принесено несколько противней с затвердевшими пельменями.

– Дорогие гости, можете садиться за столы, – попросил я собравшихся, – пельмени вот-вот закипят!

Рассаживались с шумом, смехом, шутками. И трудно было поверить, что всё это происходит в Смоленске – разрушенном на три четверти немецкими и советскими бомбами и выгоревшем от зажигательных снарядов. Мы плыли по страшному морю войны, но не хотели смотреть вокруг. Боялись!

Молодых усадили в центре, на виду у всех. Когда пельмени были готовы, кастрюлю внесли в гостиную и стали наполнять глубо-

кие тарелки. Подавать кушанье помогали я и Нина. Когда всё было готово, я сказал:

– Дорогие друзья, в мире сейчас горе и слёзы. Но здесь, в этой уютной гостиной, царят радость, довольство, счастье, взаимная любовь. Виновники этого торжества – наши молодые – Андрюша и Соня. Поздравим же их с этим великим днём!

– Ура! – грянули все дружно и радостно. Душистый пар прозрачной вуалью колебался над тарелками.

– Кто смастерил это чудо? – стали раздаваться вопросы. Мне пришлось признаться:

– Хвалиться не скромно, и я не хвалюсь, а с полным смирением отвечаю: это делал я. Почему пельмени вкусные? Потому что я делал их с душой и любовью!

– Ура! – снова зашумели все вместе.

– Так выпьем за кудесника! – предложил редактор. – Но почему вы, мастер, стоите? Мамаша, наполните ему тарелку.

– Не беспокойтесь, друзья, голодным я не останусь. Так мне виднее всех вас, – успокоил я гостей. – Я как бы распорядитель пира, а где ж это видано, чтобы распорядитель сидел? Я как дирижёр оркестра: все музыканты сидят, один он стоит за дирижёрским пультом. На плите кипит вторая кастрюля, сейчас снова запустим в неё эти кулинарные «миниатюрки».

Все гости зашумели:

– Горько! Горько! Горько!

Молодые поднялись со своих мест и троекратно расцеловались.

– Удивительное дело: сразу стала как мёд, – повторил заученную шутку редактор. Его, что называется, понесло. – А вот и волшебная кастрюля! Посмотрите, какой над ней клубится пар, как будто это не кастрюля, а исландский гейзер! Честь и слава всем поварам, всем мясным лавкам, всем кухонным плитам, берёзовым дровам и огню!

– Забыли, Акимыч, воздать славу муке, луку, перцу, соли и воде! – добавил громко Андрей. – Но самая большая честь девушкам, которые остаются святыми до замужества, таким, как моя ненаглядная Сонечка!

Безудержное веселье овладело собравшимися. Никто не глядел на окна, за которыми валил снег, никто не думал о том, как будет добираться домой. Всем казалось, что этому счастью нет конца. Опрокинув очередную стопку, Андрей запел:

– Понависли над степью туманы,
В чистом поле белым-то бело.
Ах, куда ж вы ушли, атаманы?
Шалым ветром ваш след замело.

Последнюю строку подхватили все гости.

Тем временем на стол был подан пирог. Оболочка у него была сдобная, тонкая, румяная, мясной фарш, перекрученный вместе с луком и яйцами, был сочным, не менее удивительным, чем пельмени.

Нину попросили завести пластинку с народными песнями хора имени Пятницкого. Первая песня была о пареньке, который моргает, вздыхает, да никак не может признаться в своей любви. Хору девушек на пластинке стали подпевать все гости – с чувством, с задушевностью, с пониманием этого несмелого юноши. Все знали, что эту песню, как и многие другие, написал крестьянский поэт из Смоленской области Михаил Исаковский. Вспомнили и другого земляка – Александра Твардовского, написавшего поэму «Страна Муравия».

Я знал это произведение наизусть, и меня попросили прочесть некоторые главы. Удивительное дело: стихи захватили всех этих сильно подвыпивших людей.

– Господи Боже, что может сделать слово с человеком! – сказала со всхлипыванием хозяйка. – Как я рада, что мой зять Андрюша – писатель! Опиши, дорогой сынок, страдания русских людей, и тебе, как Пушкину, поставят памятник в Москве, откуда ты родом!

– Мамаша, уж очень многого вы хотите: Пушкин – один на весь мир! А кто я? Советский каторжник!

– В наше время всех умных Сталин ссылает на каторгу.

– Не будем копаться в политике, – посоветовал редактор. – Поэт Максимилиан Волошин сказал: «Политика – есть дело гряз-

ное». Зачем же нам копошиться в этой грязи? Лучше будем пить и петь!

– Но пить все-таки так, чтобы добраться до дому на своих ногах, – добавил кто-то из женщин.

Веселье продолжалось до полуночи. Расставались, обнимаясь и клянясь в любви, ступали с крыльца – и растворялись без следа в ночном декабрьском снегопаде.

Пьеса «Волк»

В редакции к Андрею относились с предупредительностью и вниманием как к пострадавшему от советской власти. Хотя он женился, его все считали юношей, почти мальчиком. На работу он приходил, когда ему хотелось. Придя, много времени проводил в рассказах о лагерной жизни. Чувство ответственности ему было чуждо. Особенностью его характера было легкомыслие.

Ставшее явным пристрастие писателя к водке огорчало и жену и тёщу. Только Нина злорадствовала:

– Так им и надо! Разве они не видели до свадьбы, что это за тип?! – И всё же она заигрывала с Андреем и склоняла его к измене.

Смоленский драматический театр сильно пострадал во время войны. Уцелели только его наружные стены, а все декорации и меблировка сгорели. Оставшаяся в городе часть труппы нашла небольшое помещение, где стала ставить пьесы, не требующие сложных декораций. Репертуар возобновлённого театра был ограничен, и дирекция обратилась ко мне с просьбой – написать пьесу для постановки. У меня уже был некоторый драматургический опыт: в 1927 году Всеволодом Мейерхольдом была поставлена моя пьеса-обозрение «Окно в деревню». Кроме этого, мои пьесы шли в детских театрах.

Я предложил Андрею Пасхину стать моим соавтором. Он охотно дал согласие. Кстати сказать, начав работать в газете, он взял себе литературный псевдоним – Широков. Мы решили написать пьесу из народной жизни. Назвали её коротко, но ёмко –

«Волк». Сюжет набросал Андрей. Диалоги пьесы придумывал главным образом я. Действие пьесы происходило в деревне, персонажами были крестьяне, народная речь давалась мне легко. В пьесу были вставлены песни – лирические, хоровые. Когда мы прочитали пьесу актёрскому составу, все были в восторге. Работа над постановкой началась с большим воодушевлением.

Но вскоре после начала репетиций случилось ЧП. Гестапо арестовало Андрея за дебоширство в пьяном виде, когда он выкрикивал проклятия по адресу немецких захватчиков. Андрею была противна любая тоталитарная власть – будь то советская или немецкая. Свобода, пусть дикая, непричёсанная, бурлила в нём и толкала к схватке с любым насилием. И это, несмотря на многочисленные его грехи, привлекало к нему, вызывало симпатию.

Конечно, результаты дебоша могли бы быть для Андрея самыми плачевными, если бы редактор, используя все свои связи, не постарался убедить оккупационные власти, что с политической точки зрения нецелесообразно наказывать человека, жестоко пострадавшего от Сталина.

Доводы редактора возымели действие: мой арестованный соавтор был освобождён за пятнадцать минут до открытия театрального занавеса. Зная, что его близкие будут на спектакле, он помчался прямо в театр. Вбежав в зрительный зал, крикнул:

– Слава Богу, не опоздал!

К нему, осунувшемуся, небритому, поспешили Соня, тёща и Нина. Начались объятия и поцелуи. Публика устроила освобождённому овацию: все знали, что он был арестован немцами. Актёры, выглядывая из-за кулис, присоединялись к этим аплодисментам. Подойдя к Андрею, я сказал, обнимая его:

– Бог услышал мои молитвы. Теперь сядем рядом и будем созерцать наше детище.

Раздался третий звонок. Занавес раздвинулся. В деревенской избе бабушка с внучкой пели песню «Горы Воробьёвские». В пьесе было занято двенадцать человек. Исполнителями были не любители, а профессионалы театрального искусства. Наши герои пели у костра под гармонь:

– Эх, доля-неволя,
Глухая тюрьма...
Долина,осина,
Могила темна!

Каждое слово доходило до сердец зрителей. Кое-кто из публики плакал. Ведь песня рассказывала о жизни многих из нас. После закрытия занавеса театр задрожал от аплодисментов. Участников вызывали несмолкающей овацией. Мы с моим соавтором пошли за кулисы, чтобы поблагодарить участников. Все обнимали Андрея, поздравляя с освобождением.

– Простите меня за эту рыжую немецкую бороду, – смеялся Андрей, – не успел побриться!

Мы вышли вместе к публике, расцеловали друг друга и стали раскланиваться. Многие из зала вбегали на сцену, чтобы пожать нам руки.

– Молодцы, ребята, не подвели!

– Гордимся вашими талантами!

Публика долго не расходилась из театра. Артистка, игравшая бабушку, позвала всех участников к себе.

– А может быть, соберёмся у нас? – предложил Андрей. – Думаю, у нас просторнее.

– Но вы, вероятно, не успели приготовить того, что полагается для банкета. А мы об этом позаботились заранее...

Больше всех ликовал в этот вечер Андрей. Пир после спектакля затянулся до трёх часов утра. На столе было много угощений и выпивки. Собравшиеся были одной семьёй – радостной, весёлой, счастливой. Мы с Андреем пели дуэтом:

– Эх, доля-неволя,
Глухая тюрьма...
Долина, осина,
Могила темна!

Кто из нас мог знать, что мы пели о его будущем...

На новом месте

О наших с Андреем драматургических успехах в смоленском театре я рассказываю не случайно. Дело в том, что скромная эта премьера в полуразрушенном городе имела для моего друга самое неожиданное продолжение. Так получилось, что редактор пригласил на спектакль высокого гостя, прибывшего по делам из Берлина, более или менее нейтрального человека, – образованного, прекрасно говорящего по-русски. Ему понравилась наша пьеса, понравился Андрей. Немец был человеком пожилым, его сын – военный лётчик – был сбит в небе Франции в первые дни войны, – может быть, поэтому гость испытывал к молодому, симпатичному русскому, к тому же пострадавшему от Сталина и чем-то напоминающему потерянного сына, особое расположение. Время от времени офицер заглядывал в редакцию – на огонёк – и подолгу беседовал с Андреем об истории русской словесности, которую этот прусский аристократ, к нашему удивлению, знал много лучше, чем некоторые мои собратья по Союзу советских писателей.

Однажды за чашкой чая он сказал Андрею:

– Судя по всему, надвигаются тяжёлые времена. Война затягивается, ожесточение нарастает с двух сторон. Я должен верить в победу, но знаю, что она будет стоить страшной крови. Почему я говорю это? Потому что вы – человек непрактичный, легко поддаетесь эмоциям. Слава Богу, ваш редактор поручился за вас. Но ещё несколько месяцев этой нескончаемой войны, ещё несколько партизанских терактов, – и никто в гестапо не станет разбираться в психологической подоплёке ваших пьяных выходок.

Вам нужно поберечь свой талант. Да и на что он здесь?! Музы молчат, пока говорят пушки... Так что лучшее в вашем положении – уехать подальше от этого бедлама, возможно, подальше от смерти. Я придумал для вас интересное дело. Начните писать книгу о советской каторге. Не дешёвую агитку, а правду, истинную правду. С учётом исторического момента, такую книгу не только издадут на русском, но и наверняка переведут на другие языки. А значит мы сможем оформить вас в качестве служащего отдела куль-

туры и определить на довольствие. Немец аккуратно отпил глоток чаю, сделал паузу.

– Говоря откровенно, Андрей, я уже посоветовался с моим начальством. Оно не возражает против этой идеи. Но, чтобы работа над книгой была успешной, вам необходимо переехать в Германию и поселиться там не в городе, а в каком-нибудь тихом местечке, на лоне природы. Скажем, где-нибудь неподалёку от Мюнхена. Насколько я знаю, ваша юная супруга уже овладела немецким, и это поможет вам во время пребывания в Германии. Как вы смотрите на всё это? Поверьте, я исхожу прежде всего из исторической важности такого проекта. Конечно, от этого зависят и ваши дальнейшие успехи, благополучие, слава.

Редактор и я жалели, что Андрей уезжает, но в то же время и радовались за него. Расставаясь со своим сотрудником, мы пожелали ему успехов, а также дали совет, которому он, разумеется, не внял, – не увлекаться алкоголем и быть более серёзным.

В Германии Широковы поселились в чудной горной местности, на берегу небольшого, очаровательного озера. Из окна их квартиры открывался красивый вид на заросшие соснами склоны гор, отражавшиеся в прозрачной воде. Обстановка располагала к вдохновенной работе.

Соня быстро завела дружбу с соседками, у которых покупала яйца, масло, сметану. Некоторые продукты выдавались по карточкам в деревенском магазинчике.

Молодая женщина делала красивые салфетки, вышивая их разноцветным шёлком. На них был большой спрос у местых селянок, которые расплачивались ветчиной, колбасой и сыром.

Питанием Широковы были обеспечены, война громыхала где-то вдали. И всё же иногда Андрей тоскливо вздыхал:

– Хорошо здесь, и красоты хоть отбавляй, но уж очень скучно, не с кем отвести душу.

– Скажи: «Не с кем выпить»! Но это на пользу твоей работе, – утешала Андрея жена. Писал он, однако, не о лагерной мучительной шестилетней жизни, а роман с любовной интригой. Произведение называлось «Денис Бушуев» – по имени главного героя, писателя и поэта, похождения которого взялся описывать Андрей. Действие некоторых глав романа происходило на Волге. С большим мастерством была описана буря на этой великой русской реке.

Автор не терял надежды когда-нибудь перебраться в Америку, где его произведение будет переведено на английский язык и даст ему деньги и славу.

В победу Германии он не верил.

– Разве можно было включать в свою социальную доктрину борьбу с евреями – государственный антисемитизм?! Это погубит немцев, – с уверенностью говорил он Соне. – Разве можно победить Америку, воюющую в содружестве с Советским Союзом, где такие колоссальные человеческие ресурсы? Сталин не пожалеет половины населения, чтобы добиться победы. А у Америки – неисчерпаемый запас денег и техники.

Некоторые главы романа Андрей прочитал Соне. Она пришла в неописуемый восторг и в своих похвалах мужу не знала предела:

– Ты не уступаешь талантом Тургеневу, Толстому, Достоевскому! Ты будешь таким же знаменитым, какими были они.

Андрей приосанился... Но жена решила высказать не только свои восторги, но и опасения.

– Открыть тебе то, чего я больше всего боюсь? Когда ты достигнешь вершины славы, у тебя закружится голова от успехов и ты бросишь меня ради какой-нибудь особы, которая позарится на твои гонорары.

– Ты не знаешь меня, Соня, – возражал муж.

– Нет, я очень хорошо изучила твой характер. Тебя будут манить мишура, блеск, фальшивые комплименты, притворные объяснения в любви. Всё это рано или поздно погубит тебя, ты окажешься в пропасти или будешь валяться под забором – никому ненужный, раздавленный колёсами жизни.

– Какое мрачное, убийственное пророчество! – смеялся Андрей. – Может быть, мне поставить крест на своём романе, уничтожить написанное и заняться вместе с тобою изготовлением салфеток?

– Каждый должен делать то, к чему он призван. Твоя сфера – художественное слово, но если бы ты был чуть-чуть сильней в моральных принципах, если бы руководствовался христианским долгом – помнить о тех, кто посвятил тебе свою жизнь, свою душу и все свои помыслы.

– Дорогая Сонечка, я же не подлец, не сволочь. Если я могу писать то, от чего ты в восторге, значит, в моей душе есть таки Божья искра.

– Вот именно – искра, а не пламя! А искра может угаснуть от малейшего ветерка манящих соблазнов. Ты изменишь мне с первой же вертихвосткой, которую встретишь на своём пути, особенно, если она будет какой-либо знаменитостью. Алкоголь – твой злейший враг. О, как я трепещу за тебя, мой дорогой Андрюша!

Больше года Широковы прожили в немецкой деревне. Это было самое благодатное время для Андрея: никогда до этого он не работал так усиленно над художественным словом. Но отгородиться от политики, от войны, сотрясавшей мир, было нельзя и здесь. Поражение немецкой армии под Сталинградом дало ясно понять, что для Германии и её союзников это начало неизбежного конца и что надо поскорее перебираться за океан.

После поражения

После поражения Германии многие русские люди, оказавшиеся на чужбине, не захотели возвращаться на родину. Некоторые страны согласились принять их на постоянное жительство. Среди этих стран были Аргентина, Австралия, Бразилия, Новая Зеландия, Венесуэла. Больше всего желающих было поехать в Америку. Однако Соединённые Штаты открывать свои двери для беженцев не торопились. И всё же дальновидные люди понимали, что рано или поздно такое решение будет принято, и старались задержаться в лагерях для перемещённых лиц, где выдавалось бесплатное питание, главным образом хлеб и гороховый суп. Жили по несколько человек в одной клетушке. Одна семья от другой отгораживалась одеялами. Кто располагал средствами, снимал частную квартиру в городе. О таких говорили: «Они живут на привате».

В каждом лагере были всевозможные мастерские и непременно – своя церковь, свой театр, свой хор. Организовывались различные курсы, чтобы обогатить людей знаниями и новой профессией.

Тем временем из Берлина, куда меня занесло к концу войны, я переехал в Зальцбург. На окраине этого города был устроен большой лагерь для беженцев под не слишком благозвучным для русского уха названием «Парш». Среди обитателей «Парша» оказалось много артистов, певцов, музыкантов, танцоров. Объединившись, они организовали театр с режиссёром Комаровым во главе. Для театра был отведен большой барак с вместительной сценой. Меня включили в труппу в качестве декламатора и конферансье. Я также читал лекции на литературные темы. Организовался в лагере и рукописный журнал под редакцией Орема.

Утром в воскресенье многие шли в церковь, на вечер запасались билетом в театр. Мой конферанс на концертах всегда был в стихах. Балерина Машенька Павлова была любимицей публики. Помнится, на одном из концертов, объявляя её, я сказал:

– Радуйтесь, папашеньки,
Радуйтесь, мамашеньки:
«Русская боярская»
В исполненьи Машеньки!

С большим успехом были прочитаны мною лекции о Сергее Есенине и Демьяне Бедном.

На поварских курсах я был старостой. Преподавал нам бывщий повар Зимнего дворца – австриец, говоривший на четырёх языках: немецком, русском, английском и французском. На выпускном экзамене присутствовали американцы. Им очень понравилось моё блюдо – «Беляши», и они предсказали мне большие доходы в Америке, если я открою там свой ресторан.

Андрей Широков очутился в Новом Свете раньше других. Там он снова поменял свой псевдоним. Теперь под своими рассказами

он ставил подпись «Андрей Максутов». Поселившись в Нью-Йорке, он сразу направился в редакцию «Нового русского слова» и очаровал редактора Марка Ефимовича Вейнбаума и его заместителя Андрея Седых. Ни одна его рукопись не была забракована. Можно сказать, что он стал «премьером» в газете. Его роман «Денис Бушуев» был закончен ещё в Германии. В Америке Андрей купил пишущую машинку. Соня перепечатала рукопись в трёх экземплярах. Отрывки из романа публиковались в газете.

У новой «звезды» появилось множество друзей и доброжелателей. В их числе были Александр Фёдорович Керенский и Владимир Михайлович Зензинов. При их содействии писатель стал хлопотать о переводе своего романа на английский язык. Видные работники одного из нью-йоркских издательств обнадёжили его возможностью издания книги на английском. Это вскружило голову экспансивному Андрею, всегда тянувшемуся к алкоголю. В надежде на скорый успех теперь он не пропускал ни одного дня без выпивки. Для этого нужно было прибегать к займам. Соня признавалась своим друзьям:

– Мы в долгах, как овечий хвост в репьях.

Через полгода после приезда в Нью-Йорк Андрея, там же очутился и я. Вызов мне прислал поэт Вениамин Михайлович Левин. Он поселил меня у себя. Я стал выполнять случайную работу по уборке квартир. Платили мне доллар в час. Из заработков отдавал Левину за квартиру и питание. Приготовление пищи я взял на себя.

Однажды вечером я навестил Андрея и Соню. Они жили в Манхэттене, на Амстердам-авеню. Встреча была радостной. На столе появились водка и закуска. Мы говорили, перебивая друг друга, мечтали. Водка туманила сознание, создавала у нас иллюзию уверенности в своих силах. Всё казалось возможным, и эта уверенность, а точнее – греховная самоуверенность росла с каждой опрокинутой рюмкой. Думали ли мы тогда, что пить – грех? Нет. Весь этот алкогольный «ритуал» выполнялся нами почти автоматически. Хотя скажи тогда кто-нибудь об этом, и возмущению нашему не было бы предела. Мол, мы столько настрадались! Мы такое прошли... Так свиньи не замечают грязи, в которой они живут. Ослеплённые пьяной гордыней, мы и были этими свиньями. Прозрение пришло ко мне позже, а к Андрею, увы, слишком поздно. А в тот вечер мой друг хвалился тем, как быстро движется перевод его книги. Хмель быстро ударил ему в голову, и, опьянев, он запел любимую:

– Что-то солнышко не светит,
Над головушкой туман.
То ли пуля в сердце метит,
То ли близко трибунал?

Припев он пел громче, с чувством, с надрывом, со слезой:

– Эх, доля, неволя,
Глухая тюрьма!
Долина, осина,
Могила темна...

Подтягивай, Михалыч, у тебя голос сильнее моего!
Уже в два голоса мы продолжили эту щемящую песню:

– Поведут нас всех под стражей,
Комиссар взведёт курок,
На тропинке, на овражьей,
Укокошат под шумок...

Не к лицу нам покаянье,
Не пугает нас огонь!
Мы бессмертны, до свиданья,
Трупом пахнет самогон!

Последние слова Андрей пропел как прорыдал. Когда водка была выпита, он стал требовать у Сони денег для продолжения кутежа.

– Я не могу дать тебе ни цента! Нам как-то нужно протянуть до конца недели.

– Не спорь, жена, давай, что есть, или сейчас устрою тарарам!

Я уговаривал друга успокоиться, остановиться, но не тут-то было. Андрей разошёлся не на шутку.

– Вы не знаете меня, Михалыч. Да если бы сейчас архангелы спустились с неба и стали меня уговаривать, я и то не послушал бы и их! Моим желаниям не должно быть никаких преград!

– А если бы тебя стали уговаривать отец и мать?

– Не помогло бы! Если бы они даже заслонили своими телами дорогу в винную лавку, я бы оттолкнул их, но прошёл. А что?! Такой мой нрав, такая у меня натура!

У меня, который пил меньше других, а точнее, только пригубливал, проснулась совесть. Я ругал себя, что, зная замашки Андрея, позволил событиям зайти так далеко. Попытался было воззвать к разуму:

– Чем вы хвастаетесь? Ваша натура – дура! Постыдились бы!

– Не вам меня стыдить, Михалыч! Я прошёл огонь, воду и медные трубы!

Он схватил с комода золотые Сонины часики и выбежал на улицу, чтобы сбыть за бесценок эту вещь первому встречному и купить вина в ночном магазине. Когда дверь за Андреем захлопнулась, я спросил, уже наперёд зная ответ:

– Неужели это повторяется часто?

– Почти каждый день, – заплакала Соня.

– Бедная девочка.

Я сел с ней рядом на диван и стал гладить её по голове.

– Радости у меня, Родион Михайлович, почти не осталось. Лучше всего нам было в деревне, неподалёку от Мюнхена, когда Андрей писал роман. Пил он и тогда, но без буйства, в меру. В Америке он стал просто бешеным. То, что его роман издадут на английском языке, свело его с ума. Он считает себя светилом. Уговоры Зензинова и Керенского на него не действуют. Его лютый враг – он сам.

– Может быть, в его жизни появилась другая женщина?

– Я даже боюсь думать об этом. Он не перестаёт вспоминать мою сестру, «пикантную» Нину, а меня называет деревенской ба-

бой. От будущего я не жду ничего хорошего. Если роман выйдет на английском, будет ещё хуже.

Через час Андрей вернулся с бутылкой в руках. Сонины часики демонстративно положил на комод.

– Неужели вам отпускают спиртное в долг? – спросил я.

– Нет, это Бог пожалел меня, – победно усмехнулся Андрей. – За часы мне давали только два доллара, но я не дурак – сбывать их за такую цену. Вышел на бульвар, иду и думаю: «Что делать-то?» Навстречу два здоровенных негра, остановили меня: «Руки вверх, то есть, хэндс ап!» – В ответ я дико расхохотался. Мой смех привёл их в полное недоумение.

– Почему ты хохочешь как дьявол?

– Потому что вот только что думал: «Кого бы ограбить, чтоб разжиться хотя бы двумя долларами?».

– У, придурок, только смущаешь честных людей. Вот тебе два доллара...

Представляете?! Хорошо, что они не догадались обыскать меня, иначе бы мне не сдобровать. Ну разве это не чудо? И часы на комоде, и вино на столе! В жизни, Михалыч, не одно горе, много и радостей.

– С этим я вполне согласен.

– Какие у вас планы, Михалыч?

– Собираюсь в штат Коннектикут, в Чураевку, к писателю Георгию Дмитриевичу Гребенщикову. Он приглашал меня к себе, когда я был в лагере для перемещённых.

– Надо же! И мы туда же нацелились. Нас с Соней пригласил в Чураевку знакомый казак. Значит, увидимся. Я навещу вас у Гребенщикова.

Расстался я с друзьями в двенадцать часов ночи.

В гостях у Гребенщикова

Георгий Дмитриевич Гребенщиков по рождению сибиряк. Как писатель прославился ещё в царское время своей эпопеей «Братья Чураевы». Во время гражданской войны ему удалось выехать за

границу. Попав в Соединённые Штаты, он поселился в штате Коннектикут, на реке Помпераг, купив огромный участок земли. Им владела идея заселить эту землю выходцами из России. Живописной местности он дал название «Чураевка». В эмигрантских газетах Нью-Йорка стали печататься его восторженные статьи о чудесном уголке Америки. Автор статей приглашал людей в эту сказку, убеждая всех, что здесь они обретут покой для души и тела.

Желающих построиться нашлось немало, и вскоре образовался целый русский посёлок. Себе Гребенщиков построил двухэтажную комфортабельную виллу, а неподалёку от своего жилья, на пригорке, поставил часовню в честь Сергия Радонежского, которая была знаменита образом святого, написанным художником Рерихом.

Чтобы иметь дополнительный доход, Гребенщиков организовал издательство «Алатас», где печатал в первую очередь свои прозаические и стихотворные книги. Его жена Татьяна, культурная, образованная женщина, была деятельной помощницей во всех начинаниях писателя.

Большая дружба связывала хозяина Чураевки с авиаконструктором Игорем Сикорским, который одолжил ему большую сумму для покупки земли, постройки виллы и организации издательства.

Ещё живя в лагере под Зальцбургом, я авиапочтой (что тогда стоило недёшево) послал Гребенщикову большое письмо с самыми восторженными оценками его литературных трудов. Он ответил мне обычным письмом, которое шло из Америки три недели. Переписка наша продолжалась в течении двух лет. Все свои письма я посылал авиапочтой, а Георгий Дмитриевич неизменно отвечал мне простыми. В одном из писем он пригласил меня погостить, когда я окажусь в Америке.

И вот, в один из летних дней, вспомнив об этом приглашении, я решил навестить этого интересного человека. До Чураевки добирался автобусом, что было и интересно, и необременительно для кошелька. В доме я застал приятельницу хозяев, сказавшую, что Гребенщиковы поехали за продуктами и скоро вернутся. Ожидание моё не затянулось. К крыльцу подкатила красивая новая машина голубого цвета. Из неё вышли миловидная блондинка с непокрытой головой и господин высокого роста, похожий на Дон Кихота – рыжеватый, с впалыми щеками.

Я назвал себя. Хозяин, не выразив на лице никакой радости, после холодного рукопожатия спросил:

– На сколько деньков пожаловали?

– Этот вопрос резанул меня по сердцу, особенно слово «деньков». Если «деньков», то это, конечно, меньше недели.

– Если разрешите, денька на четыре.

Он поднял вверх лицо, как будто что-то соображая и высчитывая. После длительной паузы произнёс:

– На четыре? Очень хорошо.Чувствуйте себя как дома.

Но такого чувства у меня не было в продолжение всего гостеванья. Жена Гребенщикова проявила ко мне больше внимания. Она расспрашивала, как я устроился в Америке, как чувствую себя в новой стране? А потом, позвав на второй этаж, провела в определённую мне комнату.

– Отсюда открывается красивый вид на окрестности, а это для писателя самое главное, – ласково сказала хозяйка.

Её слова и приятный голос согрели моё сердце и смягчили впечатление первых минут знакомства. Когда я спустился вниз, Гребенщиков повёл меня к часовне Сергия Радонежского. По дороге он как бы между прочим сказал:

– Имейте в виду, здесь меня никто не любит. Мало этого: меня все презирают.

– Но вас, вероятно, уважают как большого писателя?

Он рассмеялся.

– Большого?! Меня здесь никто не считает даже маленьким писателем. Знаете, как меня называют в этом посёлке? «Шкуродёром»! А всё за то, что я будто бы слишком дорого продал землю для их усадеб. Люди, наверное, хотели бы, чтобы я одаривал их. Гости у меня бывают, но главным образом из больших городов. А большинство «чураевцев» даже не кланяется мне. Живя здесь, я убедился в истине: «Чтобы не нажить себе врагов, не делай им добра». Я наделил их землёй в райском уголке, но за это они возненавидели меня.

Исповедь писателя заставила меня призадуматься над многим. И, хотя в словах Гребенщикова был свой резон, почему-то мне показалось, что эта неприязнь окружающих объясняется ещё и чертами его характера.

Гребенщиков показал мне типографию и библиотеку, подчеркнув, что наборщиком, корректором и печатником работает преданная ему жена и друг Татьяна.

Полки книжного склада были заполнены томами сочинений писателя. Указывая на них, он сказал:

– Выберите себе одну из этих книг, я подарю вам её со своим автографом. Если же захотите получить остальные, вам придётся за них уплатить. Подчёркивание об уплате снова резануло меня по сердцу несправедливой обидой.

Перед обедом появился Андрей, бывший когда-то Пасхиным, потом Широковым, а теперь называвший себя Максутовым. Меня порадовала необычная трезвость моего друга. Гребенщиков стал расспрашивать о сталинских лагерях. Его интерес подогревался тем, что очерки Андрея о каторге как раз публиковало «Новое русское слово».

Стол был накрыт на пять персон в просторной столовой, украшенной картинами Рериха. Хозяин достал из застеклённого буфета бутылку с лёгким вином. На закуску была поставлена баклажанная икра. Перед сменой блюд хозяин наполнил бокалы на высоких тонких ножках. Вино было слегка розоватого цвета. После хозяйского тоста: «За ваше преуспеяние в Америке, молодые писатели!» – все чокнулись. Андрей мгновенно опорожнил содержимое бокала, крякнул:

– Чудное вино!

– Французское, получил неделю тому назад в подарок из Парижа,– похвалился хозяин.

На второе была жареная курица с рисом. Андрей ждал, когда бокалы будут наполнены снова, но так и не дождался. В конце концов он толкнул меня ногой под столом. Зная своего друга, я прекрасно понимал, какого рода недоумение и нетерпение гложет его душу. Глазами я дал ему понять, чтобы он не спешил. Но ждать ему было невтерпёж, и, через весь стол протянув руку к бутылке,

Андрей добавил вина в бокалы сидящим за столом, а потом налил полный себе.

От такого нахальства хозяина дома буквально передёрнуло. Он вскочил как ужаленный, схватил бутылку, быстро подбежал к буфету и спрятал её, повернув два раза ключом в замке. Спрятав вино, Гребенщиков вернулся к столу хмурым, мечущим искры. Моё сердце сжалось от стыда и неловкости за хозяина. Смутились гостья и Татьяна. Однако Андрей как ни в чём ни бывало допил вино, потом поднялся со стула и сказал:

– Вижу, что я здесь нежеланный гость. Два бокала парижского вина постараюсь компенсировать.

Не сказав «до свиданья», он удалился. Когда его шаги затихли за дверью, хозяин разразился бранью:

– Какой неотёсанный субъект! Каторга, как видно, искалечила его морально, наложив глубокую печать на все его поступки. Впервые вижу такую бесстыдную бесцеремонность.

Честно говоря, больше всего мне было стыдно не за Андрея, а за чудовищную скаредность хозяина. Еда после этого просто не лезла в горло. Позже, уединившись в своей комнате, я с горечью спрашивал себя: куда я попал? И это – известный писатель? Почему же он лишён благородства, чуткости и простоты?

К вечеру наехало много гостей из разных городов. Я был представлен как народный писатель, фольклорист. Хозяин попросил меня что-нибудь рассказать и спеть. Собравшиеся были в восторге. Все усердно аплодировали. Хозяин, держа в руках поднос с бокалами, угощал гостей тем же самым вином, которое было упрятано от Андрея. В разгар веселья мой непутевый друг неожиданно появился вновь – едва держащийся на ногах. В руке у него была бутылка с вином.

– Это – компенсация за выпитое у вас, господин писатель. Теперь мне понятно, почему вас здесь все ненавидят. Вы не человек, а выжига!

Гребенщиков метнулся к Андрею.

– Хотите испробовать мои приёмы джиу-джитсу? К вашим услугам!

Мы едва разняли их, и я вежливо попросил Андрея удалиться от греха подальше.

– Дорогой Михалыч, сочувствую вам, – крикнул он с порога, – вы гостите не у писателя, а у крокодила!

Все почувствовали неловкость.Чтобы рассеять её, хозяин попросил меня спеть какие-нибудь весёлые частушки. На сердце скребли кошки, но я переборол себя и переключился на юмор. Искусственно или искренне гости смеялись, забыв на время о неприятном случае. Когда они разъехались, хозяин сказал:

– Вы везде и всегда будете пользоваться успехом. А знаете, что бывает на моих лекциях? Когда я начинаю выступление, в зале присутствует человек триста, но к концу остаётся не более тридцати. Я разгоняю публику своей скукой. Завидую вам.

Вершина славы

Керенский, Зензинов и Вейнбаум считали Андрея восходящей звездой. Как я уже упоминал, у них были давние связи с американскими издателями. Благодаря их содействию роман «Денис Бушуев» был издан на английском языке. На суперобложке красовался портрет автора. Книга получила прекрасную прессу. Эти восторженные отзывы превратили Андрея в знаменитость. Ежедневно он получал множество писем на английском языке от поклонников. Почта приходила в адрес издательства, а затем пересылалась на квартиру автора. Старые русские писатели завидовали новой звезде, неожиданно взошедшей на небосклоне Северной Америки. Вскоре роман Андрея был переведен на немецкий и итальянский языки. Если поклонницы просили у него на память карточку, он обычно отвечал:

– Купите мой роман на английском и вырежьте портрет из суперобложки.

Многие так и делали. Эта полоса жизни бывшего каторжника была самой благополучной в материальном отношении. У автора кружилась голова от успехов. Падкий на женщин, он влюбился в

красавицу-артистку, которая в первый же день их романа заявила:

– Я буду с тобой до тех пор, пока у тебя будут деньги. Бедности, а тем более нищеты, я не потерплю.

– Будем надеяться, что мой денежный источник теперь не иссякнет, – успокаивал красотку Андрей.

Свои интимные приключения он тщательно скрывал от Сони. И всё же его частые отлучки по вечерам беспокоили её. Иногда он вообще не ночевал дома. На вопрос жены: «Где ты пропадал?» – Андрей отвечал всегда одинаково: «У друзей».

Любовница не была уверена в его дальнейшем материальном успехе.

– Не будь самоуверенным, – повторяла она ему, – самые страшные падения бывают с вершин благополучия.

Когда Пасхин получил письмо из Мадрида с предложением крупного издательства напечатать его роман на испанском языке, Соня сказала:

– Давай созовём друзей и знакомых и отпразднуем это событие. Кстати, через две недели, день твоего рождения. Знаешь, сколько тебе стукнет?

– К сожалению, тридцать, – вздохнул Андрей и сокрушенно покачал головой.

– Почему «к сожалению?»

– Старею, Сонечка.

– Стыдись! Славы в тридцать лет достигает не всякий. К тридцати пяти годам тебя переведут ещё на десяток языков. Мне будет трудно справляться с потоком писем и газетных вырезок. Придётся нанять секретаря.

– Тогда уж лучше секретаршу!

– И, конечно, по твоему вкусу: жгучую брюнетку с осиной талией. Ах, Андрюша, Андрюша, ты неисправим. Анонимные письма бесят меня и скоро доведут до сумасшествия. Мои многочисленные «доброжелатели» уверяют, что у тебя роман с какой- то невиданной по красоте светской «львицей»...

– Надеюсь, ты не придаёшь значение этим грязным писулькам, на которые так падки русские эмигранты?

– Не хотелось бы думать об этом, но письма так убедительны! Ты, как мне пишут, не стесняешься появляться с ней в общественных местах, а многим представляешь её как своего лучшего друга.

– Лучший мой друг, моя труженица и помощница – ты! Разве я когда-нибудь забуду твоё подвижничество в Германии? Я сидел и писал роман, а ты ездила на велосипеде по бауэрам, меняя на продукты свои вышитые салфеточки и кружевные сумочки, над которыми трудилась до двух, а то и до трёх часов ночи... Разве без твоего безропотного терпения, без твоей удивительной изобретательности я мог бы что-нибудь создать?

– Старая хлеб-соль забывается быстро, – вздохнула Соня. – Ты прекрасно знаешь об этом из литературы и житейского опыта. Нужно быть морально непоколебимым, чтобы удержаться от соблазнов, окружающих знаменитого человека. Но с моральными устоями у тебя, к сожалению, весьма неблагополучно. Не обижайся, но ты, Андрюша, редко бываешь верен данному слову. Ты не помнишь о сделанных долгах. Ты считаешь, что все должны рассплаваться перед тобою в низкопоклонстве и комплиментах. Ты, как Хлестаков, стремишься выдать воображаемое за действительность, не останавливаясь перед самыми неправдоподобными преувеличениями. Тебе ничего не стоит очернить друга, наговорить о нём всяких небылиц, – причём, не по злобе, а просто из желания блеснуть остроумием... Прости, Андрюшенька, что я говорю тебе об этом сейчас, когда получено приятное письмо из Мадрида. Но, знаешь, что я заметила? По мере того, как увеличиваются тиражи твоих книг, катастрофически растут и твои минусы, пороки, изъяны, грехи.

– Ах, Соня... Эти упрёки приносят мне боль, и, если честно, в них много правды... – сокрушенно сказал Андрей. Но, вроде бы соглашаясь с женой, он тут же дал волю привычному безудержному словоблудию, подправленному ядом иронии: – Слушай, давай покончим с литературой, порвём с друзьями и знакомыми, поселимся в дремучем лесу, сделаем убогий шалаш и превратимся в первобытных людей. Я отращу себе длинную бороду, буду охотиться, а ты варить пищу на костре, в чугунном, прокопченном котелке. Вместо шёлка, нейлона, кашемира и маркизета ты будешь шить себе платья из звериных шкур, волосы твои сваляются в сплошной войлок, под ногтями будет жирный чернозём, наша кожа будет шелушиться от грязи, от нашего логова будет тянуть за версту запахами идиллической первобытности... Не правда ли – миленькая картинка супружеского счастья Андрея и Софии Пасхиных?

Но Соня, не воспринимая сарказма, стояла на своём.

– Зачем эти крайности? Слава Льва Толстого при жизни была несравнима с твоей, но это не мешало ему оставаться человеком во всех отношениях. С каждым днём его дух становился всё более могучим... У тебя же наоборот: ты считаешь, что тебе как знаменитости всё позволено. На каком основании? Только на том, что твоя книга, пока единственная, вызвала шум в литературе.

Почему я говорю тебе об этом? Потому что люблю тебя, как не может любить ни одна «львица», «тигрица» или «пантера» Нью-Йорка. Кто из них согласился бы пережить всё то, что пережила я, терпя часто голод, холод и страх за будущее? Твоих поклонниц привлекает не твоя реальная личность, а твой образ популярного писателя, им важен шум вокруг тебя, они нацеливаются на твои гонорары... А если ты заболеешь, поскользнёшься, скатишься с вершины в пропасть? Если удача изменит тебе, останутся ли они с тобой? О нет, им не нужен калека – слабый, беспомощный, потерпевший житейское кораблекрушение!

В глазах у жены дрожали слёзы, но Андрей, словно кто-то невидимый подталкивал его, продолжал юродствовать:

– Сонечка, дорогая, как ты прекрасно говоришь, это же монологи первокласной драмы!

– Спасибо за комплимент, но сейчас скажи мне честно, если только в твоей душе осталась крупица порядочности, есть ли у тебя другая, так сказать, «параллельная» спутница жизни, другой дом, куда тебя неудержимо влечёт, другая семья, где тебе дышится легче, чем в моём обществе?.. Поклянись мне, не бегая глазами, смотри прямо и мужественно в мои. Если ты меня обманешь, пеняй на себя. Я верю в Божье возмездие...

На мгновение Соня замолчала, острый спазм сжал её горло.

– Мне страшно за тебя, Андрюша: без меня ты превратишься в прах, в пыль, в ничто, в нищего с протянутой рукой, в противную слизь... Да, я люблю тебя. Но, повторяю, моё терпение не бесконечно. Я устала от твоего детского легкомыслия, от бездумного порхания по цветам жизни, от твоей преступной безответственности... Итак, я слушаю тебя!

Андрей ответил не сразу. Казалось, взволнованные, идущие от сердца слова жены разбередили его душу, пробудили чистые ответные чувства.

– Сонечка... – начал он, и голос его дрогнул. – Я был твоим, я – твой теперь и буду твоим до гроба, как принято выражаться в этом пошлом мире.

– Честно и свято?

– Стопроцентно!

Он произнёс это слово со всей искренностью, на которую был способен, и всё-таки что-то в нотках его голоса насторожило Соню.

– Неужели ты, известный писатель, не мог найти другого слова, кроме этого противного, статистического, советского «стопроцентно?» – горько спросила она. – Уже одно это казённое, вульгарное слово наводит на подозрения.

– Ты стала в последнее время чересчур придирчивой к словам, – обиделся Андрей.

– А кто в этом виноват? Ты и только ты!

– Сонечка, милая, единственная, дорогая, забудем всё мрачное и грустное... – На этот раз в голосе мужа Соня услышала только любовь и раскаяние, и сердце её опять открылось ему.

– Значит, ты только мой?

– Да, да, да, да, да!

– Попробую поверить...

– Верь без всякой «пробы».

– Хорошо, верю.

– Когда же мы созовём друзей?

– Давай сделаем это в день твоего тридцатилетия, через две недели. За это время получше подготовимся: пошлём пригласительные письма, а кое-кого пригласим по телефону.

Предательская телеграмма

Накануне праздника Соня решила навести порядок в квартире: повесить чистые шторы, поставить цветы в вазы, смахнуть пыль с картин и портретов. Убирая лишние вещи с письменного стола, раскрыла папку с фотокарточками. На одной из них был Андрей – худой, болезненный, измождённый. Снимок был сделан в Германии, когда создавался роман «Денис Бушуев». О, как памятна эта тяжкая и в то же время прекрасная пора! Соня перевернула карточку. «Источнику моих вдохновений – моей единственной неповторимой Гогосе – Андрей», – прочитала она. Гогося... Так назвал её муж в первую брачную ночь.

От друга грузина, сидевшего с ним в лагере, он знал, что «гого» по-грузински означает солнце. Ласкательное «гогося» – соответственно – переводится как «солнышко». Слово понравилось Андрею, запало в память.

– Так я не называл никого и не назову до конца своей жизни, – клялся он молодой жене. – «Гогося» у меня только ты, только ты греешь меня и ласкаешь светом своего сердца. Если когда-нибудь мой язык назовёт так другую женщину, ты можешь покинуть меня как изменника, подлеца и предателя.

Прошло семь лет с тех пор, как они поженились во время войны, в Смоленске. Он был увлечён младшей, легкомысленной Ниной, но я посоветовал ему жениться на старшей сестре.

Нелады у молодых начались в первые же дни после свадьбы. Андрей не мог избавиться от пристрастия к алкоголю. Выпив рюмку, он терял самообладание, ему хотелось ещё и ещё... В хмелю он становился бесцеремонным и необузданным, на него не действовали ни ласковые уговоры, ни строгие вразумления. В поисках спиртного он мог постучаться в любую дверь, даже среди ночи. Если ему открывали, он не просил, но требовал водки, грозя, в случае отказа, разбить окна или поджечь дом.

Соня знала, что муж талантлив и может написать много хороших книг. Его алкоголизм она воспринимала как тяжёлый крест, посланный ей Богом, который она должна нести до могилы. Без меня он пропадёт, закоченеет где-нибудь под забором или захлебнётся в сточной канаве, думала она, всеми силами стараясь отвлечь мужа от наследственного порока.

Знакомые и друзья уговаривали её оставить мужа, которого уже ничто не могло исправить.

– Вы молоды, у вас вся жизнь впереди, зачем же изнемогать под этим непосильным бременем? – говорили ей.

– Вы забыли о подвиге, о самоотверженности, – возражала она. – В уходе нет не только героизма, но даже обыкновенной порядочности. Уйти не трудно, это сделала бы всякая на моём месте, но я не хочу быть как все. Андрей – хороший, талантливый, но больной... Разве сиделка покидает тяжелобольного? Я буду для него нянькой, покуда он сохранит хоть капельку честности и человечности. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы он создал хотя бы одну книгу, которая была бы принята всем культурным миром.

Теперь муж получил предложение издать книгу и на испанском языке. Соня искренне радовалась его успеху.

Стол был накрыт в зале с окнами на шумную нью-йоркскую улицу. Гости стали собираться к половине восьмого. Поднимаясь лифтом на пятый этаж, встречались у дверей с именинником, нарядно одетым, улыбающимся, трезвым. Соня к этому дню приготовила гладкое шерстяное платье кремового цвета. Безо всяких украшений, только с изящными золотистыми пуговицами на груди, – оно красиво облегало её стройную фигуру. Коротко подстриженные волосы делали её похожей на изящную девочку-подростка. Какая она очаровательная, думали о ней мужчины, а женщины втайне завидовали её молодости, обворожительной простоте и естественности в обращении с людьми.

Андрей был в голубом костюме и в белой рубашке с голубым бантом. Выражение лица именинника свидетельствовало о счастье и даже некотором самодовольстве. Душа его была сосудом, наполненным до краёв. На дворе стояла осень, опавшие листья мокли в

лужах, а на лице Андрея цвела весна надежд. Впрочем, в движениях его чувствовалась некоторая напряжённость. К хорошему настроению примешивалась лёгкая тревога, причины которой он не мог понять. Но, как бы там ни было, чувство радости перевешивало всё остальное...

Ещё недавно пределом его желаний была материальная обеспеченность – хотя бы на неделю вперёд. Теперь на его текущем счету в банке лежало несколько тысяч, квартира была обставлена со вкусом, жене уже не нужно было думать о завтрашнем дне, восторженные читатели с нетерпением ждали его новых произведений.

Мужчины, входя, шумно поздравляли виновника торжества, обнимали и целовали его, женщины расцеловывались с Соней. Среди приглашённых были писатели, журналисты, художники, профессора, политические деятели.

Все восторгались уютом и красотой обстановки. Женщин интересовало, где куплена та или иная вещь. Мужчины, глядя на батарею бутылок и богато сервированный стол, потирали руки, сопровождая этот жест подмигиванием и сдержанным покряхтыванием. В ожидании запоздавших разгорались жажда, аппетит, нетерпение...

Иконами собравшегося общества были престарелые Александр Фёдорович Керенский и Владимир Михайлович Зензинов, когда-то знаменитые политические деятели, а теперь – обычные эмигранты. Седой ёжик над широким лбом, выразительные жесты – Керенский был почти таким же, как в далёком семнадцатом году, когда он, любимец женщин и кумир молодёжи, оказался в центре разбушевавшейся народной стихии, почему-то названной революцией. Седовласый, стройный Зензинов держался очень скромно, даже слегка застенчиво.

– Ну, что ж, милостивые государыни и государи, – начал с нарочитой напыщенностью хозяин, – будем садиться, чтобы приступить к тому, для чего мы все собрались!

Зал наполнился весёлым шумом, всегда сопровождающим церемонию рассаживания за праздничным столом: позванивают бокалы, шелестят и шуршат платья дам, издают лёгкие вздыхаю-

щие звуки кресла и стулья, с языка срываются шутки, непринуждённые восклицания, комплименты по адресу хозяев и друг друга.

Призывая к тишине, Керенский несколько раз легонько ударил ложечкой о бокал. Воцарилось торжественное, настороженное молчание. На некоторых лицах, однако, можно было прочесть: «Хотите сказать слово? Тогда покороче, пожалуйста!»

– Я понимаю вас, друзья, – начал Керенский, – за столом должно быть меньше слов и больше дела, и посему постараюсь быть предельно кратким. Андрею Сергеевичу, нашему дорогому хозяину, сегодня стукнуло тридцать лет. Он ещё совсем юнец. Впереди у него долгая, плодотворная жизнь. Представитель новой эмиграции, он в свои молодые годы порадовал недюжинным талантом не только всех русских, в рассеянии сущих, но и всемирного читателя. Пусть с таким же успехом появляются на свет его новые страницы, главы, книги! Сердечно приветствуем его очаровательную спутницу и помощницу, Софию Спиридоновну. Предлагаю тост за их долгую, ничем не омрачаемую, полную творческих радостей совместную жизнь!

Музыкально зазвенели бокалы. Многие, прежде чем выпить, высказывали свои пожелания или произносили обычную в таких случаях фразу: «За ваше здоровье, Соня и Андрюша!». Началось то, ради чего собрались все эти люди: еда, питьё, беспорядочные разговоры – свои у каждой рядом сидящей пары. Всё это сливалось в общий гул, напоминающий шум русского толкучего рынка.

Вскоре раздался звонок в передней. Соня побежала открыть дверь.

– Господа, срочная телеграмма! – крикнула она, вернувшись к гостям. – Угадайте, от кого?

Посыпались предположения:

– От «Нового русского слова!»

– От Фордемского университета!

– От общества «Надежда!»

– Не угадали! От писателя Нарокова из Калифорнии! Он желает имениннику творческих успехов и счастья в семейной жизни.

– Выпьем за любовь и верность! – предложила одна из дам.

– Это – мечта каждой женщины, это – идеал, к которому мы стремимся, но, увы, как всякий идеал, он почти недостижим!

– Вся прелесть жизни заключается в стремлении к идеалу, а не в самом достижении, – заметил молодой поэт. – То, что достигнуто, – прочитанная страница. Но только та, которую мы ещё не прочитали, следя с затаённым дыханием за развитием событий, награждает нас неожиданной развязкой. Близость к достижению всегда доставляет волнение и трепет... Пусть же наша жизнь будет захватывающей книгой, каждая следующая страница которой интересней и неожиданней предыдущих!

– Я бы добавила к этому: «и радостнее», – произнесла дама, предложившая тост за любовь и верность.

До десяти вечера было получено шесть телеграмм от разных нью-йоркских эмигрантских обществ, с которыми был связан Андрей. В одиннадцать снова раздался звонок.

– Кто же это так запоздал с поздравлением? – недоумевали уже изрядно захмелевшие гости.

Вернувшись в зал, Соня не торопилась вскрывать телеграмму.

– Кто отгадает, получит бутылку шампанского! – весело сказала она.

– От какой-нибудь поклонницы! – крикнул поэт и подмигнул.

– Вероятнее всего, – в тон ему согласились остальные.

Неожиданно сердце Андрея дрогнуло от страшного предчувствия.

– Вскрываю! – крикнула Соня.

Все затаили дыхание.

Бросив взгляд на подпись, Соня вздрогнула и покачнулась. То, что хотелось ей сказать, застыло на губах, задрожавших словно от простуды. Розовая и счастливая до этого, она сразу угасла, побледнела, сжалась. Первым её желанием было скомкать телеграмму и бросить в лицо мужу, но болезненным усилием воли она удержала себя ради гостей, которых пригласили на торжество, а не на семейную драму. Андрей поспешно подошёл к ней и взял телеграмму. «Предатель... Убийца... Лжец...» – прошептала она еле слышно и выбежала из зала.

– Неурочное сообщение о каком-нибудь несчастье? – спросил Зензинов.

– Приветствие от одной идиотки... – смутился Андрей.

– Надо пойти к Соне, – забеспокоились женщины.

– Лучше оставить её на несколько минут в покое. Она сейчас вернётся.

Хозяин старался держаться непринуждённо, но это ему не удавалось. Теперь уже ничто не могло восстановить нарушенного веселья. Все почувствовали неловкость, разговоры не клеились. Неожиданные реплики казались в эти минуты деланными, фальшивыми.

Андрей вышел на кухню. Жены там не было. На краю стола лежала бумажка с неровно написанными словами: «Не жди. Не ищи. К тебе никогда не вернусь».

– Куда-то отлучилась, – сказал он упавшим голосом, вернувшись в зал. – Может быть, за минеральной водой?

– Всем нам пора дать покой хозяевам, – обратился к собравшимся Зензинов.

Его поддержали нестройно, но дружно:

– Да, да, время откланиваться!

Хозяин не задерживал гостей. Они одевались с неловкой поспешностью, которую не могли скрыть. Прощаясь, благодарили «за чудно проведенный вечер», просили передать привет Соне.

Зензинов на прощание сказал:

– Запомните, Андрей Сергеич, что самым злейшим врагом человека бывает он сам. Не увлекайтесь алкоголем: он может погубить вас и засушить цветы первой удачи. И фанфары славы могут сыграть заупокой...

Вскоре квартира опустела. Ушли все, кроме меня. Андрей бессильно опустился на стул.

– Только послушайте, Михалыч, что пишет в телеграмме эта стерва: «Сегодня я мысленно с тобой, мой ненаглядный. Живу трепетной надеждой – всецело принадлежать тебе, ни с кем не деля своего счастья. Твоя до гроба Гогося».

Негодование заклокотало в голосе моего друга:

– Какая мерзавка, какая ненасытная самка! Да, да самка, эффектная, неотразимая, но только самка – плотоядная и безжалостная... – Андрей говорил это, а пальцы его разрывали телеграмму на мелкие клочки. Уютная квартира сразу показалась ему чужой. Всё вокруг раздражало – пустые бутылки, объедки, пепел, окурки...

– Что делать, Михалыч?! Недаром у меня с утра было тяжёлое предчувствие. Позвонить этой гадине и сказать, чтобы она не показывалась мне на глаза? Или побеспокоить телефонными звонками знакомых? Может быть, Соня скрылась у кого-нибудь из них? Надо во что бы то ни стало вернуть её домой! Боже мой, какая неожиданная катастрофа! Вот то самое возмездие, о котором не раз говорила Соня!

Я не захотел поддерживать напрасные иллюзии и тихо сказал:

– В записке она написала, что не вернётся к вам никогда.

– Это обычная женская истерика!

– Насколько мне известно, Соня не из таких. Она устала от вашего постоянного лавирования между нею и другими женщинами. Милый мой, вам пришла пора задуматься над словами Зензинова о том, что самый злейший враг человека – он сам...

– Поймите, Михалыч, без Сони я погибну. Мои непрочные успехи разлетятся в пух и прах. Её уход я воспринимаю как начало неотвратимых бед. Дьявол толкнул меня с пригорка в пропасть, из которой я не сумею выбраться. Останьтесь у меня ночевать, Михалыч. Я знаю, вы увлекаетесь Евангелием. Прочтите мне что-нибудь из этой Божьей книги. Раскройте её наугад, пусть она предскажет то, что меня ожидает...

Я согласился удовлетворить желание друга. Открылся конец двадцать третьей главы Евангелия от Матфея: «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст».

Эти слова полоснули Андрея прямо по сердцу.

– Почему, Михалыч, именно это открылось мне? Господи, может быть, этой бедою Ты хочешь вразумить меня? Помоги мне

удалить из души многолетнюю нечисть, накопившуюся с детских лет, сделай меня новым человеком – хорошим не только в книгах, но и в жизни! – Слёзы потекли по щекам писателя – первые слёзы за время суетной славы.

– Читатели мои, знаете ли вы, что я горько плачу? Посочувствуйте мне, помолитесь обо мне, вкусившем славы, но таком слабом, ничтожном, искалеченном, всеми покинутом, одиноком! – всхлипывая, Андрей склонился ко мне на грудь. Я гладил его по мягким волосам, молился о нём.

– Всё на свете проходит, – успокаивал я друга. – А несчастья... что ж, подчас это только ступени, ведущие к счастью. Когда-нибудь вы напишете книгу о своих грехах, слабостях, изъянах и подлостях. И я верю: книга эта будет захватывать читателей искренностью, её переведут на все языки мира.

– Нет, Михалыч, – не соглашался Андрей, – моя песня спета, такая книга не под силу сломленному и опустошённому. Может быть, вы напишете обо мне? Да, да, именно вы! Ведь вы всё знаете о моей подлой жизни. Мои детство и юность перед вами как на ладони. А как писатель вы гораздо опытнее меня. Дайте слово, что такая книга будет вами написана!

– Постараюсь, Андрей Сергеич, если Бог продлит мои дни.

Нескончаемый дождь

С похмелья голова у Андрея буквально раскалывалась. Сказывались последствия безудержного загула, которому предавался почти неделю. Он с трудом разлепил глаза. За окном моросил дождь. Захотелось почитать Библию. Протянул к ней руку. Чтение Священного Писания для него стало особым гаданьем: что откроется? Открылась девятая глава Книги Екклесиаста: «Ибо человек не знает своего времени. Как рыбы попадают в пагубную сеть и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них».

Как образно и красиво! Какая правда в этих словах! Воистину Соломон был гениальным поэтом... Андрей прочитал стихи ещё раз. Они, подумал он, написаны обо мне: я попал в «бедственное время», из которого, похоже, не выйти. Деньги тают. Напечатанный в американской газете пасквиль подрезал мне крылья. После этого мадридское издательство испугалось печатать мою книгу и расторгло контракт. Я уже, вероятно, не смогу написать что-либо новое. Друзья отвернулись от меня. Соня бесследно исчезла. Я знал, видел и чувствовал, что она любила меня. Как же у неё повернулась душа оставить меня – тонущим в несчастьях, барахтающимся в трясине бед и напастей? Неужели настоящая любовь может моментально превратиться в жгучую ненависть? Неужели у неё не осталось ко мне и капли жалости?!

Андрей поднялся с кровати. В шкафу нашёл несколько чёрствых ломтиков хлеба, кусок жирной краковской колбасы и набросился на еду с жадностью. В одной из бутылок, на донышке, ещё оставалась водка. Допил её – прямо из горлышка. Голова приятно закружилась, боль затихла. Нашлись и папиросы.

Жить можно! – подумал он. Снова лёг на кровать. Уставясь в белый потолок тесной комнаты, с наслаждением затягивался табаком. Вспоминалась лагерная жизнь, зимние вьюги, постоянное чувство голода. С неожиданной нежностью воскресил в памяти любовную связь, в результате которой появился мальчик – Андрей, как и он. Жив ли его сын, здоров ли? Кем вырастет – бродягой или гениальным человеком?..

Мысли его поменяли течение. Соня... Она хотела, чтобы в день своего тридцатилетия я был похож на херувима, забыв о том, что я – только падший демон... Дождь за окном прекратился. Выглянуло солнце. К стеклу приник оранжевый кленовый листок. Это навело Андрея на новые раздумья: когда-то листок красовался на дереве – зелёный, крепкий, весёлый. Осень лишила его сил, перекрасила и порывом ветра прилепила к чужому окну.

Не похож ли и я на этот листок? В душе зашевелилось что-то грустно-тоскливое, щемящее. Андрей знал это чувство. Он сел за стол, взял лист белой бумаги и карандаш. Строки стали выливать-

ся из сердца, как музыкальные аккорды, хотелось их петь, аккомпанируя тихими слезами:

Падают листья,
как в осени прежние падали...
Новые листья появятся только весной.
Гложут сомнения:
«Стоит ли? Нужно ли? Надо ли?
Что будет завтра иль даже сегодня
со мной?»
Падают листья –
лилово-багряные, красные.
Как неизбежность, –
осенний, сплошной листопад...
Скоро нагрянут, как войско,
дни хмуро-ненастные.
Каждый безвременью этому будет не рад.
Падают листья,
и дни моих лет осыпаются.
Что впереди?
Только вьюги трескучий мороз...
Плачет душа.
За неё херувимы вступаются
и отирают крылами
потоки из слёз.

Когда написал последнюю строчку, вскочил со стула с чувством радости и благодарности Богу за стихотворение. О качестве стихов в эти минуты не думалось. Было удовлетворение, что удалось выразить состояние души.

Если я ещё могу создавать произведения, которые будут приняты многими, значит, мне по силам вырваться из сетей и силков этого мира, значит, я ещё не умер, не погиб. Пока солнце, схожу в банк. Мало там осталось денег. Но и то хорошо... А завтра? Что ждёт меня в будущем? Неужели я обречён на нищенство, я, автор книги на английском языке?

Он перелистал книгу, задумчиво посмотрел на свой портрет, красовавшийся на суперобложке. Портрет был сделан удачно, автор выглядел молодым, одухотворённым.

Одевшись, засунул книгу в карман пиджака. Идя куда-либо, он не расставался с нею, показывая при случае друзьям и случайным знакомым. Переводиться на английский язык удавалось далеко не всем из русских писателей, попавших в Америку. Андрею завидовали многие собратья, но находились и такие, которые с ехидством цедили сквозь зубы:

– Не в коня корм: это лишь ускорит его конец!

Получив в банке деньги, Андрей зашёл в ресторан. Хотелось с кем-нибудь разделить овладевшее им чувство. Но люди за столиками показались неинтересными, и он ел и пил в одиночестве.

Выйдя из ресторана, побрёл на Риверсайд-драйв, где особенно чувствовалась красота осени: разноцветные деревья, тишина, падающие листья, высотные здания, отражающиеся в реке. Андрей присел на бульварную скамейку и сразу почувствовал, что его клонит ко сну.

Что будет, если я прилягу и вздремну? За это, вероятно, меня никто не арестует. Полицейский может только сказать, что здесь спать не разрешается, а это пережить можно...

Как только растянулся в длину скамейки, глаза с удивительной сладостью закрылись и сразу приснилась прежняя, ласковая Соня, не бранящая, не осуждающая, а нежно гладящая по голове. Это были счастливейшие минуты за день. Спящего никто не беспокоил. Он пролежал на скамейке до вечера. На его лицо падали осенние листья, и тогда в сновидении ему казалось, что Соня целует его в щёки, в лоб, в губы и в глаза.

Когда он проснулся, на западе яркими лентами пылала вечерняя заря, но снизу к этим розовым лентам тянулись чёрные щупальцы туч.

– Здорово! – засмеялся Андрей, почувствовав сильную жажду.

Он поспешил, не разбирая пути, рассчитывая перекусить где-нибудь. Почему-то в его душе нарастала тревога, объяснить которой он не мог.

Такое чувство я всегда испытываю перед какой-либо бедой, размышлял Андрей, но что может быть хуже положения, в котором я очутился? Как видно, мне придётся свыкаться с новой долей – человека, покинутого женой и друзьями.

Так, не понимая, куда и зачем он идёт, писатель забрёл в какое-то невзрачное кафе. Посетителей было немного, в основном чёрные. Рядом с молодой красивой негритянкой оказалось свободное место. Андрей попросил разрешения сесть. Увидев белого человека, девушка заулыбалась.

– Буду очень рада.

Усевшись, он привычно положил на столик свой роман на английском языке. Негритянка протянула руку к томику. Раскрыла и сразу отметила сходство портрета в книге со своим случайным собеседником. Не утерпев, спросила:

– Вы – автор этого романа?

– Да.

– Как я счастлива, что сижу рядом с писателем! Я – балерина негритянского театра. Сегодня у меня свободный вечер. Недаром меня тянуло сюда. Сердце подсказывало, что встречусь здесь с кем-то необыкновенным. Завидую вам: писатель – это что-то настоящее, прочное, вечное, не то что мимолетное движение танцора на сцене!

– Не завидуйте этому писателю! Ему в эту ночь негде ночевать, негде преклонить голову... – вздохнул Андрей.

– Так пойдёмте ко мне! – недолго думая предложила балерина.

Оглядев соседку, Андрей решил, что она, пожалуй, красивее многих белых. Он ещё не разу не имел возможности развлекаться с чёрными женщинами.

Надо воспользоваться этим милым приглашением для обогащения своего житейского опыта, решил он. О том, что именно такого рода «опыт» привёл к краху его семейную жизнь, Андрей и не подумал.

– Сначала выпьем и закусим. Как вас зовут, добрая душа?

– Джейн.

– Я вас буду называть по-русски – Женя.

– Это звучит более красиво, чем по-английски, благодарю вас.

Она схватила его руку и прижала к своему сердцу. Андрей заказал два бокала вина. Чокнулись. Выпили. Заказали по двойному гамбургеру. Выпили ещё по бокалу. Когда вышли из кафе, оказалось, что на улице дождь. У Джейн был зонтик. Укрываясь под ним, тесней прижимались друг к другу. Подойдя к дому, где жила балерина, поднялись по крутой лестнице на третий этаж. Джейн отомкнула ключом дверь, зажгла свет. Комната была просторная, уютная с большим зеркалом и коврами по стенам. На столике, перед зеркалом, в застеклённых рамках стояли фотографии, отражающие балетные успехи новой знакомой Андрея.

Джейн куда-то позвонила по телефону. Слушая её речь, гость понял, что она кого-то убеждает не приходить к ней в эту ночь.

– Но-но, – настойчиво повторяла она.

– Ты говорила с любовником?

– С приятелем.

– Он придёт к тебе?

– Не беспокойся, этой ночью я буду принадлежать только тебе...

У Андрея не было причин не доверять её словам. После полуночи оба сладко заснули. Она покоилась у него на груди.

У того, кому звонила Джейн, был ключ от комнаты. Он бесшумно открыл дверь и осветил спящих – свою даму сердца на груди белого человека. Услышав яростное рычание, счастливцы проснулись. У кровати стоял высокий широкоплечий негр с густой шевелюрой. Не утруждая себя упрёками, он схватил раздетого соперника в охапку и спустил по лестнице с третьего этажа. Такого Андрей за свою тридцатилетнюю жизнь не переживал ещё никогда – ни в лагере, ни в Калуге, ни в Смоленске, ни в Германии, ни в Америке. Скатываясь вниз по ступенькам довольно крутой лестницы, он испытывал адскую боль во всём теле. Сердце его сжималось от обиды и позора.

Что я буду делать нагой в эту дождливую ночь?! Какой ловушкой оказалась для меня эта чёрная балерина! Зачем она солгала мне, что нас никто не потревожит? Куда я пойду в таком виде?

Бедное моё сердце, разорвись – прямо сейчас! Господи, пошли мне смерть!

Балерина, однако, проявила милосердие: сжалившись над несчастным, сбросила ему вниз бельё, обувь, костюм, завязанные в один узел. С улицы на лестничную клетку через стекло проникал свет фонаря. Проклиная всё на свете, Андрей стал одеваться. Всё тело ломило, руки дрожали, его лихорадило, по щекам струились слёзы. Однако мысленно он уже «прокручивал» случившееся как писатель: сам, пожалуй, я описывать этого не буду. А вот Михалычу расскажу, и он нарисует моё приключение со всеми красочными деталями. Что будут переживать читатели, глотая эти строки? Вероятней всего, они будут испытывать чувство омерзения и со злорадством повторять: «Так этому негодяю и надо!» Ну и пусть! Кто сам попадал в такое положение, тот посочувствует мне...

С большим трудом одевшись и обувшись, Андрей, к радости своей обнаружил, что вместе с одеждой Джейн швырнула и его заветную книгу на английском языке. Её он сунул за пазуху.

Дождь не прекращался. Писатель вышел из парадного и, хромая, побрёл домой. Холодные дождевые струи стекали по его лицу, но Андрей не замечал этого. Даже о чёрном своём сопернике он думал теперь с некоторой долей признательности: всё же, вместо того, чтобы убить, он только сбросил меня с третьего этажа...

Боль

Ночь казалась бесконечной. Андрей зажёг свет. Осмотрел ноющие места на руках, ногах, на лице. Всё было в синяках, ссадинах, кровоподтёках. К кому обратиться за помощью? Найдя в записной книжке номер Владимира Михайловича Зензинова, подумал: «Это мой искренний доброжелатель, исключительно чуткий, отзывчивый человек. Утром позвоню ему. О, как жаль, что в коридоре темно и нельзя воспользоваться общественным телефоном прямо сейчас! Неужели никогда не настанет рассвет? Неужели вовек не иссякнут эти хлещущие струи дождя за окном? С тоски умереть можно...».

Вспоминалась прежняя жизнь. И чем больше Андрей вспоминал, тем муторней становилось у него на душе. Пьянки, гулянки... Бессмысленное прожигание времени, измена таланту, потеря единственного, любившего его человека... Стыд переполнял писателя. Что же это такое, размышлял он, ворочаясь в постели и не в силах найти позы, в которой бы его тело не чувствовало боли, – неужели вот так, незаметно, я пропил всю свою жизнь?!

Пусть этим меня пугали с детства,
Так что ж из этого? Я мог же, наконец,
Не получить проклятого наследства...

Стихотворение Апухтина, когда-то заученное наизусть, буквально разрывало сердце.

Поэт описал наследственное сумасшествие, а у меня – наследственный алкоголизм, от дедов по матери и отцу. Они были рыбаками, мои деды, а я – жалкий, вечно голодный горожанин. Интересно, от кого у меня умение так ловко складывать слова? Может быть, тоже от них? Отец рассказывал, что оба деда были замечательными сказочниками. Увы, мне сейчас не до сказок. Жизнь поманила меня успехом, и я купился. Я думал, что нашёл золото, а оказалось – это слюда, «обманка». То, что написанный мною роман был переведен на английский язык, польстило моему тщеславию, но не дало полного удовлетворения. Голова закружилась от успеха, я потерял всякую осторожность... И вот – катастрофа. Подлая красотка отняла у меня Соню. Ах, Соня, Соня... Неужели ты никогда не вернёшься ко мне? А если бы вернулась? Тогда я бы поклялся ей каждой каплей крови – не изменять никогда и ни с кем, – даже с такой, которая получила бы первый приз на конкурсе красоты.

Боль во всём теле заслоняла голод и жажду. Шум дождя навевал мрачные мысли. Андрей задремал только под утро. Приснился кошмар: будто голову его развернули затылком вперед. Это сделали те самые люди, которые изуродовали героя романа Виктора Гюго «Человек, который смеётся».

Как теперь будут узнавать меня друзья? – беспокоился спящий. Ведь они не увидят моего лица!

Проснулся он в холодном поту. Дождь не прекратился, но падал теперь тихо и монотонно.

Сказать ли мне всю правду Зензинову или сочинить историю о нечаянном падении со скользкой лестницы?

Вспомнилась симпатичная чёрная балерина.

– Какая она милая, но как трагично закончилась встреча с нею!

Со стоном опустил ноги с кровати. Подумал: «Если описать это всё так, как было, читатели скажут: неправдоподобная выдумка, но ведь это стопроцентная, кошмарная быль! О, каких только происшествий ни выдумывает жизнь! Что было бы, если бы она не бросила мне одежду? Осмелился бы я идти голым под проливным дождём по улицам Нью-Йорка? Но ведь шагал же андерсеновский король голым в окружении огромной толпы! С другой стороны, это лишь выдумка сказочника, а мне, если бы негритянка не пожалела меня, пришлось бы поступить так в действительности. А если бы меня в таком виде увидел редактор «Нового русского слова» Марк Ефимович Вейнбаум, увидела бы Соня или собратья по перу? Вывод их был бы однозначным: «Известный писатель сошёл с ума!» Какие невыносимые боли во всём теле! Буду просить Зензинова устроить меня в антиалкогольный санаторий...»

Надев пижаму, Андрей вышел в коридор. На телефонный звонок долго никто не отвечал. Наконец в трубке послышался знакомый глуховатый голос:

– Кому я понадобился в такую рань?

– Владимир Михайлович, простите ради Бога, это я, Андрей. С добрым утром.

– Случилось что-нибудь катастрофическое?

– Да, очень вас прошу навестить меня. Если не трудно, купите немного белого хлеба, колбасы и молока.

– Только молока и никакого другого напитка?

– О другом напитке я не смею вас просить.

– Сочувствую вам. Я всё же захвачу кое-что, кроме молока.

– Большое спасибо, буду ждать вас как ангела.

Зензинов приехал минут через сорок. Увидев писателя, ужаснулся.

– Что случилось с вами? Ваше лицо в сплошных кровоподтёках. Андрей распахнул пижаму:

– Посмотрите, что на груди и на животе... Штаны спускать стесняюсь... Ноги – чёрные от синяков.

– Кто вас так искалечил?

– Летел по крутой лестнице – с третьего этажа до нижней площадки.

– Случайно или напал кто-нибудь? Расскажите, ничего не утаивая, как на исповеди, об этом никто не будет знать.

– Никому бы другому я не отважился открыть этой истории, а вам расскажу. Но сначала дайте мне выпить. Внутри всё горит.

– Не забудьте закусить. Хлеб уже разрезан, а вот и колбаса...

– Дорогой Владимир Михайлович, есть ли ещё на свете такие добрые люди как вы?

– В первую очередь доброту нужно проявлять по отношению к самому себе, но вы относитесь к собственной персоне как к злодею. Извините за резкость, но я говорю это с полным основанием, наблюдая за вами в течении некоторого времени. Никто так жестоко не обращается с собою, как вы. Вы всё время рубите сук, на котором сидите, а в результате – падения с третьего этажа. Если не пожалеете себя, последнее падение будет в бездонную пропасть, из которой вам уже не выбраться. Подкрепились? Теперь рассказывайте без малейшей утайки...

Андрей начал рассказ с посещения кафе. Он детально описал привлекательность балерины, ласковый разговор с нею, сладкий сон, а после этого цепкие лапы чёрного великана и жестокую расправу.

– Это чудо, что скатываясь по ступенькам с такой высоты, я остался жив. Представляете мои переживания, когда я очутился голым на нижней площадке? Смерть в те минуты была бы для меня счастьем. Но негритянка сжалилась надо мною и бросила мне одежду, обувь и моё детище – книгу на английском языке. С великими мучениями я добрался домой, с великими терзаниями провёл ночь, думая, что она никогда не кончится. Из всех своих многочисленных знакомых и друзей я прежде всего вспомнил о вас и

не ошибся в своих предположениях. Вы по-отечески отнеслись ко мне, вы пожалели меня, как милосердный самарянин израненного на Иерихонской дороге, вы приехали сюда, напоили и накормили меня. Я верю, что вы не откажетесь мне помочь и в дальнейшем. В таком виде я не смею никуда показаться. Когда-то вы говорили об антиалкогольном санатории. Как было бы хорошо, если бы устроиться в этот санаторий. Там бы меня излечили ото всех моих недугов. И тогда, может быть, ко мне вернулась бы моя Соня. Вы были на этом моём празднике вместе с Александром Фёдоровичем Керенским. Телеграмма одной подлой твари погубила наше счастье, и я покатился в пропасть.

Выслушав исповедь, Зензинов тяжело вздохнул.

– Хорошо, что вы ничего не утаили от меня. Я постараюсь сделать для вас всё, что в моих силах и возможностях. Но, дорогой мой друг, я уже говорил вам и скажу снова: главный ваш враг – вы сами. Никакие врачи не смогут исцелить вас, если ваше пристрастие к алкоголю останется прежним. Вы, вероятно, помните слова Льва Толстого: «От ней все качества». От неё – то есть от водки. Вам прежде всего нужно укрепить волю. И, когда врачи будут действовать в этом направлении, вы должны содействовать им своей покорностью и согласием. Сегодня же я буду разговаривать об этом с влиятельными людьми. Уверен, что не позже, чем через два дня, вы будете в санатории. Он расположен в красивой местности под Нью-Йорком. Там вы отдохнёте душой и телом. Марка Ефимовича Вейнбаума я попрошу оплатить путёвку в этот санаторий за счёт Литературного фонда.

Андрей бросился обнимать и целовать Зензинова.

– Я буду стараться, я буду молиться... Я сделаю всё, чтобы вернуться к нормальной жизни.

Встреча с друзьями

Санаторий располагался за городом, на берегу озера, в сосновом лесу. Ароматы хвои пропитывали воздух. Казалось, что в аллеях и на лужайках разлит живительный бальзам.

В первые дни Андрей выбирался на прогулку по дорожкам парка ранним утром или поздним вечером. Он боялся встретиться с кем-нибудь, боялся расспросов об «украшавших» его лицо синяках и шишках.

Опасения его были не случайны. Среди пациентов оказалось несколько соотечественников, читавших рассказы Андрея в «Новом русском слове». Они рассказали американцам, что Максутов – известный писатель, роман которого переведён на английский язык. Многие после этого захотели подружиться с ним. Узнав, что он выбирается на прогулки ни свет ни заря, стали просыпаться пораньше, чтобы встретиться со знаменитостью.

На четвёртый день двое молодых американцев встретили Андрея отдыхающим на скамейке у озера и попросили разрешения присесть рядом.

– Пожалуйста, – отвечал с улыбкой Андрей, уже успевший за эти дни обрести некоторое душевное равновесие.

– Мы слышали, что вы – известный писатель?

– Одна ласточка не делает весны: на английский язык переведена только одна моя книга.

– Талантливые писатели рано или поздно дождутся полного собрания своих сочинений. Давно ли вы в Америке?

– Совсем недавно.

– До этого жили в России?

– В России я не жил, а мучился в лагере.

– За что же вас туда сослали?

– За ненависть к Сталину.

– Почему же вы возненавидели его?

– Потому что он обрёк наш народ на голод и мучения.

– А почему попали в этот санаторий?

– По той же причине, что и вы.

Американцы засмеялись. Один из них сказал:

– По-моему, излечить алкоголика от его пристрастия невозможно ни пилюлями, ни таблетками, ни микстурами, ни душеспасительными беседами с врачами. Алкоголем пропитаны все наши клеточки. Нас здесь держат взаперти, вокруг санатория каменная ограда, у ворот стоит охрана. Для чего? Для того, чтобы ни одна

бутылка виски или водки не могла попасть в эту лечебницу. Не знаю, как вам, господин писатель, а мне всё время хочется утолить жажду червяка, сосущего моё сердце, и я живу мечтой: «Как только выйду из этого заведения, напьюсь вдрызг».

– Сочувствую вам, – сказал Андрей, – об этом же мечтаю и я. А что делать – оба мои деда по отцу и матери были беспробудными пьяницами, а это, знаете, наследство тяжкое...

– Вы, похоже, крепко подрались с кем-то?

Заметив, что Андрею не понравился вопрос, собеседник извиняющимся тоном пояснил:

– На вашем лице отметины как у боксера...

– Они появились в результате ревности, ярость которой вам, наверное, известна.

Собеседники поинтересовались, нет ли у писателя с собой романа, переведенного на английский язык?

– Если вас интересует моё творчество, я дам вам почитать эту книгу, правда, с одним условием – вернуть её.

– Разумеется! Как зовут вас?

– Андрей. А вас?

– Меня зовут Вилли, – ответил сосед справа.

– А меня – Чарли... – второй американец хотел сказать ещё что-то, но в это время раздался мелодичный звон.

– Это звонят на завтрак. Увы, вместо виски нам дадут молоко с творогом, вместо гамбургера – кукурузную лепёшку. Но пока жить можно!

Лечебное заведение, куда определили Андрея, было рассчитано, во избежание скандальных романтических историй, исключительно на мужчин.

Днём проводились электрические и водные процедуры для укрепления нервной системы алкоголиков. Спальни были рассчитаны на троих. Каждая кровать отделялась от другой подвижной занавесью. Укладываясь спать, пациенты разговаривали, вспоминали прошлое и свои семьи.

Все эти дни перед глазами Андрея стояла Соня. Теперь она казалась ему ангелом-хранителем. Однако его старания разыскать её ни к чему не привели. Она даже не захотела забрать свои вещи.

Как она устроилась? – беспокоился Андрей. Где и на что живёт? Возможно, Литфонд поддержал её безвозвратной ссудой, а редакция «Нового русского слова» помогла найти комнату и работу... Вспоминает ли она меня? Ведь нам было так хорошо!..

Через неделю Андрея навестил Зензинов. Вид подопечного его обрадовал:

– Вы посвежели, следы от падения с лестницы сменились здоровым румянцем. Довольны ли санаторием?

– Да, это несравненно лучше, чем Ухто-Печерский лагерь... Одно лишает меня покоя: я не знаю, где Соня?

– Если она не даёт знать о себе, значит ей неплохо.

– Но не эгоистично ли это – выплеснуть из сердца всё прошлое, в котором, кроме ненастья и гроз, были ясные, тихие дни, а вместо крапивы и чертополоха цвели сирень и ландыш?

– Извините, Андрей, за прямоту. Жертвы обычно не желают встречаться со своими палачами. А как раз таким палачом считает вас ваша жена.

– Но ведь я не тронул её и пальцем!

– Вы искалечили её доверчивую душу, а это бывает страшнее телесных пыток. Мне многое непонятно в вашем поведении. Если вы так тоскуете о Соне, зачем было заводить шашни с чёрной?

– Безысходное страдание толкнуло меня на этот шаг, – немного напыщенно ответил Андрей.

– Не будем возвращаться к этому. Я рад, что вам стало лучше. И я и другие ваши друзья от всей души желают вам не возвращаться к прошлому. Я имею в виду вашу тягу к алкоголю. Вы оправдываете себя наследственностью, но это пустые разговоры. Пусть здешние процедуры укрепят ваши нервы, а здоровые нервы – основа крепкой воли. Простите меня за эти наставления, поймите – они подсказаны искренним желанием помочь вам вернуться к нормальной жизни. Есть ли у вас бумага, карандаши, перья?

– Благодарю, всё это предоставляется нам в неограниченном количестве. В нашей читальне есть даже «Новое русское слово». Спасибо, что навестили. Попросите Берёзова не забывать обо мне. Ведь это мой посажённый отец. Когда-нибудь он напишет

книгу обо мне... конечно, после моей смерти, а она не за горами.

– В тридцать лет думать о смерти – грешно,– строго сказал Зензинов. – Запомните изречение: «Кто всегда говорит о смерти, тот наполовину уже умер». До свидания, друг!

Я навестил Андрея вскоре после Зензинова. Трудно описать радость, овладевшую нами. Я сказал, что знаю, где теперь Соня, и дал её адрес, посоветовав написать ей слёзное, покаянное письмо.

– Не попробуете ли, Михалыч, посодействовать её возвращению?

– Об этом не может быть и речи. Когда я заговорил с ней об этом, она сказала: «Могил не раскапывают и похороненных не извлекают из гробов. Он убил мою любовь к нему...» Она желает вам счастья, удачи, литературных успехов, но никогда не вернётся.

Андрей показал мне парк, аллеи, озеро. Мы гуляли, сидели на скамейке, вспоминали Россию, плен, первые дни в Америке...

– Мы жили будущими удачами и успехами, – сказал со вздохом Андрей.– А теперь, когда будущее превратилось в настоящее, оно вместе с радостями доставило нам множество страданий.

– Добавьте: «по собственной вине».

– Но от этого добавления, Михалыч, на душе не легче. Я думаю, что любая из мировых трагедий – всегда по «собственной вине». Если я люблю, а меня не любят, чья это вина? Моя, конечно. Зачем я полюбил, не рассчитывая на взаимность? Если я кого-то убиваю из ревности, чья это вина? Опять моя! Зачем я дал место этому чувству в моей душе, почему не задушил его, когда оно было только в зародыше?

Расставаясь, мы дали слово поддерживать друг друга до конца наших дней.

Через месяц Андрей вышел «на волю» здоровым, посвежевшим, весёлым. На Бродвее он встретил двух друзей.

– Андрюша, откуда?

Писатель рассказал о санатории.

– Это событие надо спрыснуть!

Они повели его в бар, где заказали по бокалу виски, потом ещё и ещё... Месячное лечение пошло насмарку.

Лукавый посредник

Критик, поэт и переводчик Вениамин Завалов сдружился с Андреем ещё в Германии. В Америке их дружба стала ещё крепче. Часто они выпивали за будущие успехи, читали друг другу свои новые произведения, посещали литературные вечера.

Завалов был стройным, красивым, мужественным. Его большие тёмные глаза, опушенные длинными ресницами, притягивали женщин как магнит. Умных людей, любящих литературу, влекла к Завалову его всесторонняя образованность. Он был сведущ в вопросах классической литературы, знал современную словесность – как Старого, так и Нового света. Его ценили все эмигрантские русские газеты и журналы как незаменимого сотрудника.

И вот в этого одарённого и красивого человека влюбилась русская сотрудница американского радио, молодая блондинка по имени Наташа. Не смея признаться в любви, она рассказала о своём чувстве Андрею и, в частности, поинтересовалась, как живёт её возлюбленный, не терпит ли материальных лишений?

Андрей, у которого в последнее время были большие проблемы с доставанием денег на выпивку, встрепенулся. Глаза его блеснули.

– Вы попали в точку, Наташа, – сказал он трагическим голосом. – Вениамин очень нуждается, перебиваясь с воды на хлеб.

Эта выдумка было рассчитана на то, что Наташа передаст для Завалова какую-то сумму. И рассчеты Андрея оправдались. Девушка порылась в сумочке.

– Пожалуйста, не сочтите за труд – передать ему пятьдесят долларов, – попросила она робко. – Скажите, что это подарок от Наташи. Он знает меня.

Максутов взял деньги, но, как нетрудно догадаться, своему другу их не передал, а целиком истратил на себя.

Через неделю, в очередной раз встретив Андрея, Наташа снова заговорила о материальном положении Завалова.

– Бедствует ещё больше, буквально голодает, – с сочувствием сказал Андрей.

– Передайте ему, пожалуйста, ещё сто долларов.

Но и эта сотня была истрачена обманщиком на выпивку. Совесть не терзала его, потому что материальное положение Завалова было вполне благополучным. Андрей даже не задумывался над тем, что, присваивая чужие деньги, он превращается в жулика, в мелкого воришку. Он рассуждал просто: мне нужны деньги, а у моего друга они есть... В том положении, в каком он очутился, деньги Наташи казались ему манной с неба. При следующей встрече Наташа решилась задать вопрос:

– Вы успели передать деньги Вениамину?

– Конечно, Наташа.

– Почему же он молчит об этом?

– Из врождённой застенчивости, – не растерялся мошенник. – Я напомню ему, чтобы он поблагодарил вас.

В конце концов, так и не дождавшись благодарности, Наташа осмелилась спросить у Завалова:

– Простите, Вениамин Клавдиевич, передавал ли вам Андрей деньги?

– Деньги?!

– Ну да, сто пятьдесят долларов. Я просила его об этом.

– Первый раз слышу. Что заставило вас передавать мне эти деньги?

– Андрей сказал, что вы катастрофически бедствуете, питаясь чёрствым хлебом с водой.

Завалов был ошеломлён.

– Какой негодяй... Да он после этого просто подлец и сукин сын! Бедненькая Наташенька, больше никогда не верьте этому аморальному типу! Я тронут вашим вниманием и постараюсь вернуть вам сумму, предназначавшуюся для меня.

– Нет-нет, не делайте этого! Вероятно, только безвыходность заставила Андрея утаить мои деньги. Мне жалко его – ведь он так талантлив...

Завалов махнул рукой: поступайте, как хотите.

– Что касается меня, – сказал он на прощание, – то я не нуждаюсь в поддержке моих доброжелателей...

Этот случай потряс Наташу.

Неужели талантливый писатель может дойти до такого падения? – спрашивала она себя. Как я теперь смогу разговаривать с ним? Мне жалко его и страшно за него. Он превращается в самого заурядного жулика. И это писатель, призывающий своих читателей к честности, порядочности, благородству! Возможно ли это при собственной моральной опустошённости?

Завалов не задавался подобными вопросами. Буквально кипя от ярости, он старался как можно скорее найти Андрея. Но встретились они, как это часто бывает в жизни, неожиданно, на улице. Уже смеркалось. Андрей шёл, покачиваясь, явно после обильного возлияния.

Увидев Завалова, распростёр объятия.

– Веня, как я рад тебя встретить!

– Я тоже рад, – процедил Завалов и предложил: – Слушай, свернём на бульвар, там потише, – мне нужно сообщить тебе важную новость!

– Почему ты не можешь сказать о ней прямо сейчас?

– Здесь людно, а я не хочу, чтобы нас кто-нибудь подслушал: новость весьма конфиденциальная.

Шли они довольно долго.

– Ну вот, здесь ни души вокруг, говори!

– Даже не знаю, с чего начать... Это очень важная новость...

– Говори – я жду! – сгорал от нетерпения Андрей.

– Ждёшь? Так получи! – Завалов, решившись, со всего размаху ударил Андрея кулаком по скуле. – И не думай, что я ограничусь этим, подлец!

Удары посыпались на тщедушного афериста. К удивлению Завалова, тот не оборонялся. Не удержавшись на ногах, упал на влажную землю. Конечно же, Андрей догадывался, за что ему достаётся от друга.

– Когда же будет новость? – прохрипел он.

– А разве это не новость для тебя, бесчестный ты вымогатель?!

– Помоги подняться... У меня из носа хлещет кровь.

– Вот тебе мой платок! – Завалову внезапно стало жалко приятеля. Голос его смягчился. – До чего ты опустился, писатель... В тебе не осталось ничего человеческого!

Отерев кровь с лица Андрея, Завалов повёл его в ночной кабачок, где они выпили за примирение и расцеловались.

Клевета ради развлечения

К сожалению, случай с Заваловым ничему не научил Андрея. Как-то его позвали в гости в уважаемую семью по случаю именин хозяйки. Знакомых и друзей собралось много. Разговор зашёл о русских писателях. Кто-то сказал:

– Мне нравятся рассказы Берёзова – они непосредственны, правдивы, почти всегда с юмором.

И тогда, чтобы развлечь и ошеломить собравшихся, подвыпивший Андрей спросил:

– А знаете ли вы, кем был Берёзов в России и в Германии?

Все насторожились.

– В России он был сотрудником НКВД, а при немцах – агентом гестапо.

Это сообщение подействовало на окружающих, словно взрыв атомной бомбы.

Почти все стали ужасаться, ахать, выносить Берёзову заочное осуждение и клясться не иметь с ним ничего общего. На стороне писателя оказалась только одна супружеская пара. Солидный человек, с мнением которого считалась вся эмиграция, возмущённо заявил:

– Господин сочинитель, я знаю Берёзова так же, как самого себя, и категорически заявляю: это – подлая клевета! Побеспокойтесь лучше о своей репутации. О вас по всему Нью-Йорку распространяются весьма неблаговидные слухи! Где ваша жена? Она сбежала от вас. Где вы недавно провели целый месяц? В лечебнице для алкоголиков, но, увы, этот санаторий не исцелил вас от болезни, которая, как видно, нравится вам.

– Многоуважаемый господин, – ощетинился Андрей. – Что мне нравится, вам понять не дано, ибо вы не видите дальше своего носа. Вы даже не знаете о том, что я спал с вашей женой!

После этого заявления раздался истерический вопль симпатичной женщины, супруги моего защитника:

– Он клевещет на меня! Зачем вы пригласили его сюда? Это не человек, а ядовитая змея!

Муж ринулся к Андрею:

– Пустите меня! Я убью эту смердящую гадину!

Начался всеобщий переполох. Хозяин дома вежливо, но твёрдо вывел писателя за дверь со словами: «Вам лучше всего удалиться отсюда ради спасения своей жизни!»

– Струсили? – язвительно спросил Андрей.

– Нет, глубоко раскаиваюсь, что пригласил вас. Ведь ещё немного – и вы стали бы уверять, что спали со всеми женщинами, которые здесь собрались.

После удаления Андрея спокойствие долго не могло восстановиться. Женщины, качая головами, вздыхали:

– До какого падения дошёл человек, которого ещё недавно превозносили до небес...

Вскоре после этого вечера я повстречал моего защитника, и тот рассказал мне о скандале. Я поблагодарил его и вместе с тем искренне посочувствовал: в самом деле, вынести это было нелегко. С самим клеветником я встретился через неделю. Приехал к нему утром, когда он ещё спал. Пришлось долго ждать у двери. Первыми моими словами были:

– Итак, по вашему утверждению, я – агент НКВД и гестапо? Как у вас повернулся язык сказать эту чудовищную нелепость?

– Милый Михалыч, – смущённо отвёл глаза Андрей, – не придавайте этому никакого значения. Это было сказано в виде шутки, чтобы развеселить публику. Если бы я обвинил в подобном какую-нибудь неизвестную личность, это не произвело бы никакого впечатления. А когда я назвал имя Берёзова, все сразу всполошились.

– Почему бы для развлечения публики не назвать агентом себя? Это было бы ещё более эффектно...

Но Андрей не воспринял моего сарказма и стал объяснять «на полном серьёзе»:

– Понимаете, Михалыч, тогда бы меня в ту же минуту выгнали из дома, где стол был уставлен яствами и всевозможными напитками.

– Значит, только корыстные соображения заставили вас оклеветать друга, который был посажённым отцом на вашей свадьбе? Что с вами творится? Вы катитесь в пропасть – всё глубже и глубже. Вы присвоили деньги, предназначенные для Завалова, а теперь оклеветали меня. Неужели в вашей душе не осталось ничего святого?

– Да, Михалыч, в ней гнездятся только рогатые и хвостатые! – Андрей попытался перевести всё в шутку.

Но я не поддержал его.

– Мне жаль вас, друг. Я утешаюсь только тем, что вам никто не поверил.

На молитвенном собрании

Обстоятельства сложились так, что я должен был переехать в Калифорнию. Буквально перед самым отъездом Андрей попросил разменять ему наличными чек на сто пятьдесят долларов. Деньги у меня в то время были – в Нью-Йорке я зарабатывал литературными выступлениями, которые нравились публике. Я охотно помог другу, но и на этот раз он оказался обманщиком: на его текущем счету в банке не осталось ни одного доллара.

Вскоре в Калифорнию, «по климатическим соображениям», перебрался и Андрей. К его появлению я уже был членом евангельской церкви «Славянский очаг Благовестия» в Голливуде. Меня попросили послужить в ней уборщиком, предоставив при церкви небольшую комнату.

По четвергам верующие собирались на вечернее молитвенное собрание. Узнав об этом, Андрей пришёл на одно из собраний и попросил разрешения послушать проповедь пресвитера Павла Иосифовича Рогозина. Никаких возражений, естественно, не последовало, ведь церковь открыта для всех желающих услышать Слово Божие.

Посреди проповеди Андрей поднялся и сказал:

– Позвольте покинуть вас на минутку.

И поспешно направился в туалетную комнату, откуда очень скоро вернулся, явно повеселевший. Проповедь ещё была не окончена, когда он снова с виноватой улыбочкой произнёс:

– Извините, должен отлучиться...

Когда появился вновь, уже начались молитвы... Но терпения у гостя хватило всего на несколько минут. Пока собравшиеся молились, Андрей удалялся в уборную ещё четыре раза. И каждый раз возвращался всё более и более возбужденным, от него явственно разило алкоголем. Вернувшись в последний раз, он покачнулся, дико осмотрелся по сторонам и крикнул:

– Что вы талдычите свои глупые молитвы! Эй! Не разыгрывайте из себя святых! Вы совершенно не нужны Богу! Все вы – лицемеры и фарисеи!

К нему подошёл сильный и ласковый Иван Григорьевич Калиниченко и, обняв, повёл из церкви.

– Не смейте трогать меня, – кричал пьяный, – я хочу досмотреть вашу молитвенную комедию до конца!

Калиниченко пытался закрыть ему рот ладонью, что ещё более увеличивало ярость Андрея.

От молившихся отделился Сергей Сергеич Абрамов и с трудом уговорил буяна поехать с ним вместе.

– Поеду только в том случае, если угостите меня!

– Будет всё, что вы захотите! – дипломатично сказал Сергей Сергеевич.

Оставшиеся стали возносить к Богу прошение о несчастном, утратившем всё человеческое.

Разумеется, дома у Абрамовых не было никаких спиртных напитков. Ласковыми, добрыми словами пьяница был усмирён, и остался у них ночевать.

Через четыре дня, в полночь, дверь «Славянского очага» сотряслась от яростного стука. Я уже был в постели. Подходя к двери, услышал голос Андрея:

– Михалыч, откройте, приютите на ночь!

Я сжалился, открыл, но Андрей тут же изменил тон и крикнул, как приказал:

– Мне не хватает на бутылку!

– Но ведь теперь ночь.

– Магазины открыты круглосуточно.

– У меня только двадцать четыре цента...

– Не издевайтесь надо мной! Что я могу купить за двадцать четыре цента? Если не дадите денег, сейчас же перебью все окна в вашей церкви! Вы прекрасно знаете, что моим желаниям не смеет противоречить никто! Пора бы вам запомнить это!

– Успокойся, Андрей, – миролюбиво сказал я. – Входи, поговорим...

Он буквально ввалился в церковь, а я подумал: чем и как его усмирить? И вдруг отчаяние подсказало мне образ действий: я схватил обезумевшего друга за шевелюру и, пригнув к полу, стал стучать нечестивца лбом о деревянный настил. К моему удивлению, Андрей не кричал и не протестовал, а когда я отпихнул его со словами: «Каторжник!» – он неожиданно тихим и кротким голосом попросил:

– Михалыч, почитайте мне Слово Божие!

Я уложил его на кушетку, и, усевшись рядом на низенькую табуретку, стал читать главы из Екклесиаста, из Притчей Соломона и из пророка Исаии. Слушая, он умилялся и то и дело выкрикивал:

– Какая поэзия! Какая глубина! Какая красота!

Я читал Библию до трёх часов ночи.

– Ещё... ещё...– без конца повторял Андрей.

Когда я собрался в свою комнату, он стал слёзно умолять:

– Михалыч, дорогой, не уходите! Когда я остаюсь один, изо всех углов выбегают зелёные с копытцами, рожками и хвостами, они обступают мою постель, пищат, показывают красные языки, издеваются и хохочут. Пожалейте меня, не оставляйте на съедение!

– Пытались ли вы когда-нибудь молиться?

– Мой язык не приучен к этому! Из моего рта вылетают только проклятия... Михалыч, на вашем молитвенном собрании мне очень понравилась молитва: «Если ношей утомленный». Я тогда ещё не напился окончательно, я помню эти слова... Спойте мне... Я буду

подпевать вам... Мне почему-то кажется, что эта молитва составлена специально для меня...

Я помедлил с ответом.

– Начинайте, Михалыч!

И тогда я запел:

– Если ношей утомлённый,
ты споткнёшься на пути,
знай:
Спаситель Вознесённый
может бремя понести.

– Споткнёшься на пути... – прервал меня Андрей. – О, сколько раз я спотыкался в жизни! У меня всю жизнь не было ровных шагов, а были только одни спотыкания... Пойте, пойте, Михалыч!

– Только Он, любвеобильный,
может горе усладить,
Только Он Один, всесильный,
может силой наделить.

– О, как мне нужна эта сила, Михалыч! Я ведь превратился в тряпку, в выжатый лимон... У меня осталась только одна сила – одолевать бутылки «смирновки», а после этого мерзкая жидкость одолевает меня и превращает из человека в чудовище... Пойте, пойте, дорогой!

– Только Он, небес Властитель,
может сердце исцелить,
Только Он, твой Искупитель,
может грех тебе простить.

– Может? Даже мой лютый грех? Не один грех, а целый сонм грехов?! Господи, прости меня, чудовищного грешника! Пойте, Михалыч!

– Только Тот, Кто ночь могилы
превратил в поток лучей,
может мир души унылой
воскресить для новых дней !

– Я желаю воскреснуть, Михалыч! Ведь Христос воскрешал других и Сам воскрес! Что Ему стоит воскресить меня? Спасибо вам, Михалыч, за библейскую поэзию и за эту чудную песню – молитву, почаще пойте мне такие песни!

Я помолился о спасении души своего друга и пожелал ему покойного сна, заверив, что ни один зелёненький с рожками, копытцами и хвостиками не появится рядом.

– Спасибо, Михалыч, за всё доброе, за ваше снисхождение ко мне, за вашу человеческую жалость.

У автобусных остановок

В Лос-Анджелесе Андрея приютила сердобольная молодая вдова с тонкими чертами лица, поклонница талантливых литераторов. Она сама писала стихи и надеялась при содействии одарённого сожителя сделать себе имя. Звали её Антониной. Андрей в хорошие минуты называл её Тонечкой, а в скверном настроении – Тонькой, иногда прибавляя эпитет «паршивая». Но Антонина терпела всякую брань, потому что считала Андрея большим талантом, а по характеру – ребёнком. Иногда он прибегал даже к рукоприкладству, но и это она сносила с кротостью и нежностью.

– Что спрашивать с больного? – говорила она себе в утешение.

На выпивку она ему не давала, а выпить Андрею хотелось постоянно. Тогда он изобрёл лёгкий способ добычи денег. Шёл к автобусным остановкам, где в ожидании рейса собирались женщины. Внимательно присматривался к ним, прислушивался к их разговорам. Услышав русскую речь, с радостным лицом спрашивал:

– Русские? Как приятно в Америке встретить своих соотечественниц! Вы, вероятно, слышали о писателе Андрее Максутове?

– Не только слышали, но и читали.

– Так вот – это как раз я!

– Очень рады познакомиться.

Улучив мгновение, он показывал книгу на английском языке со своим портретом на суперобложке и жаловался:

– В настоящее время я терплю большие материальные затруднения. У меня нет даже пятнадцати центов на проезд в автобусе.

Жалобный голос и сиротливое выражение лица размягчали сердца соотечественниц, и все считали долгом помочь несчастному. Таким способом он иногда собирал за один заход до двух долларов. Конечно, это было самое откровенное нищенство, но алкоголик не брезговал ничем.

В следующий раз Андрей шёл к другой автобусной остановке и терпеливо ждал, когда появятся русские женщины. Иногда его ожидания оказывались тщетными. С американками он заговаривать стеснялся, хотя и держал при себе, как талисман, свою книгу на английском языке.

Однажды Андрей наскочил на крупную неприятность: в очереди стояла подруга его сожительницы. Когда он стал жаловаться на свою бедность, подруга не вытерпела:

– Как вам не стыдно побирушничать? Тоня вас и поит, и кормит, и оберегает как птенчика, а вы безо всякого смущения клянчите мелочь! Сегодня же расскажу об этом и уговорю её развязаться с вами!

Андрей попытался воззвать к милосердию:

– Если у вас длинный язык, вы, понятное дело, наябедничаете, но, если в вашем сердце осталась хоть капля сочувствия, вы промолчите.

– Нет уж, узвините, не промолчу!

В тот же день Тоня устроила писателю первый и последний большой скандал и предложила поискать другую дуру, которая согласилась бы нянчиться с нищей знаменитостью, «стреляющей» гроши на людных улицах.

В отчаянии Андрей прибежал ко мне.

– Беда, Михалыч, меня гонят из комнаты – придётся ночевать на бульварных скамейках!

– Ваш старший брат живёт в Монтерее. Почему бы не поехать к нему?

– Его змея-жена не желает меня видеть. Надежда только на вас.

– Не знаю, чем и помочь. Я в ближайшее время еду на ферму Российского объединения. Остановлюсь неподалёку от неё, у баптиста Харитона Шибанова.

– Тогда и я подамся в те края, если найду денег на дорогу, – решил Андрей.

– У кого же вы думаете попросить денег?

– Признаюсь вам, Михалыч, кроме вас, не у кого. На ферме мы могли бы устроить литературный вечер. Вас публика очень любит, а меня вы сумеете представить. У меня ведь тоже есть ударные номера. Мой устный рассказ о советской каторге пользуется неизменным успехом во всех аудиториях. Женщины, слушая, проливают слёзы...

– Хорошо, я вам дам денег на дорогу и на первые дни пребывания там, только умоляю: воздержитесь от «смирновки» в плоских бутылочках, к которым вы неравнодушны.

– Даю вам клятвенное слово.

– Сдержите ли вы хоть одно своё обешание?

– Даже не одно.

– Попробую поверить в последний раз.

Я дал Андрею денег и сказал, что обо мне он может справиться в конторе Российского объединения.

У Шибановых я был через три дня. В своё время этот добрый фермер послал в лагеря для перемещённых лиц немало вызовов. В молодости он был революционером и даже дружил со Сталиным. А потом, словно очнувшись от дурмана, стал человеколюбивым христианином. Перебравшись в Америку, купил землю, стал выращивать овощи. В один прекрасный день решил заняться птицеводством. Птицеферма обогатила его семью.

Будучи человеком щедрым, Шибанов охотно помогал всем нуждающимся. Ко мне он отнёсся как к сыну. Я давно слышал о его доброте, а теперь убедился в ней лично. На другой день он повёз меня в магазин и купил хороший костюм, две верхних рубашки и нижнее бельё. Я попытался было вернуть деньги, но услышал в ответ: «Это – подарок».

По делам ему нужно было заехать на ферму. Подъезжая к хозяйству, мы увидели лежащего посреди дороги человека. Остановив машину, подошли. Человек спал прямо в колее. К моему ужасу, удивлению и огорчению, это был Андрей. Мы растолкали его.

– Что за фокус, уважаемый?

– Я решил так: если люди увидят, то пожалеют и спасут. А если не разглядят, то задавят и тем самым оборвут мою никому не нужную жизнь.

– А где же ваш костюм? Вы лежите в нижней рубашке и кальсонах. В чём же вы будете выступать на литературном вечере?

В ответ Андрей прочитал детское стихотворение:

– Бог и птичку в поле кормит
и кропит росой цветок.
Бесприютную сиротку
не оставит также Бог.

Я отвёл Шибанова в сторону и спросил, надолго ли он задержится на ферме.

– Дела несрочные, могу их и отложить.

– Тогда, Харитон Еремеевич, я попрошу вас вернуться в магазин. Надо обуть и одеть этого человека. Вы не захотели взять у меня деньги, теперь я смогу купить ему всё, что нужно.

– Свои деньги оставьте при себе. Одел вас, одену и его, – это же ваш друг, писатель.

– Садитесь, Андрей, в машину.

Минут через десять мы подъехали к роскошному магазину.

Андрей неожиданно запротестовал:

– В таком жалком виде мне стыдно входить в этот дворец.

– Стыдно? – удивился я. – Неужели в вашей душе всё ещё теплятся искорки стыда?

– Так говорить обо мне, Михалыч, жестоко, но я знаю, что вы жалеете и любите своего несчастного друга. Сколько раз вы спасали меня в самые страшные минуты жизни! Вы – мой ангел-хранитель. Этим ангелом могла бы остаться до конца моих дней Соня, но она не захотела...

В магазине Андрею были куплены ботинки, три пары носков, две пары нижнего белья, два галстука, три носовых платка, серая шляпа и костюм голубого цвета. За всё уплатил добряк Шибанов.

После покупок мы попросили его заехать в правление русской фермы, чтобы договориться о выступлении. Там нам сказали, что вечер можно устроить через неделю.

Восторги публики

В окресностях, где жили русские эмигранты, были расклеены афиши, извещавшие о предстоящем концерте. В этих объявлениях нас называли известными писателями. Афиши обещали публике интересную программу: «И посмеётесь от души, и поплачете от сочувствия к русскому народу, томящемуся в лапах красного дракона».

Гостя у Шибанова, я убеждал Андрея воздержаться от алкоголя.

– Поймите, наш хозяин, Харитон Еремеевич, – евангельский верующий и не терпит употребляющих спиртное. Если вы будете приходить на ночлег пьяным, дело закончится не только вашим, но и моим изгнанием.

– Не отходите от меня Михалыч, будьте со мной, как наседка с цыплёнком, чтобы меня не сцапал злой, когтистый коршун. О, сколько доброго он похитил у меня в те часы и дни, когда я оказывался в одиночестве! Как только я остаюсь один, в ту же минуту является сатана-искуситель и начинает прельщать меня: «Жизнь даётся один раз... – нашёптывает он. – А ты – русский человек, – как же тебе не выпить?! Когда ноги ходят ходуном, когда голоса заливаются соловьями, тогда каждая минута жизни пропитывается радостью! Не верь докторам, талдычащим о страшных последствиях алкоголизма. Доктора – это жалкие пугала! Верь только мне, потому что я желаю всем людям счастья...». Вот на что науськивает меня сатана. Поймите меня, Михалыч, и пожалейте.

– А мне кажется, вы зря обвиняете сатану. Какое ему дело до вас? Это вы сами внушили себе, что радость жизни – в водке да вине. У меня радостей не меньше вашего, хотя я стал совершенно равнодушен к спиртным напиткам. Для меня радость – в чтении Библии, в природе, созданной Богом, в дружбе, в художественном слове, во всех видах искусства. Я люблю радовать людей. Когда зал заливается смехом, слушая меня, я испытываю блаженство, вспоминая русскую пословицу: «Смех для здоровья – лучше, чем масло коровье».

– Вино отрешает меня от забот, оно отрывает меня от земли и уносит в облака, где я слышу нездешние глаголы!

– Всё это, друг, самовнушение. От курения у Шибановых тоже воздержитесь. Больше отдыхайте, чтобы зарубцевались все ваши душевные и телесные раны, подрепетируйте свои поэмы «Двадцать пять» и «Танюша», составьте план рассказа о лагерном заточении.

– А ваш репертуар, Михалыч?

– Обычный: автобиография, сказки. Я буду читать не только свои, но и чужие вещи, проверенные во многих аудиториях.

Мы много гуляли, проводя время в разговорах о литературе, касались вопросов веры. Андрей возрождался духовно и физически. Я, однако, внутренне трепетал за него: «Только бы не сорвался, только бы удержался на уровне порядочности!»

В библиотеке у Шибанова я нашёл старую книгу – «Исповедь» Августина Блаженного. Любопытства ради раскрыл и – не смог оторваться. Особенно меня потрясли покаянные размышления автора о своей легкомысленной юности, о сути греха. Разве это не обо мне? – думал я. Не об Андрее? Не обо всех нас?!

«Страсти кипели во мне, несчастном; увлеченный их бурным потоком, я оставил Тебя, я преступил все законы Твои и не ушел от бича Твоего; а кто из смертных ушел?..

В шестнадцатилетнем возрасте своём, прервав по домашним обстоятельствам школьные занятия, жил я вместе с родителями на досуге, ничего не делая, и колючая чаща похотей моих разрослась выше головы моей; не было руки выкорчевать её...

Горе мне! И я осмеливаюсь говорить, что Ты молчал, Господи, когда я уходил от Тебя! Разве так молчат?! Кому, как не Тебе принадлежали слова, которые через мою мать, верную служанку Твою, твердил Ты мне в уши? Ни одно из них не дошло до сердца моего, ни одного из них я не послушался. Мать моя хотела, что-

бы я не распутничал... Это казалось мне женскими уговорами; мне стыдно было их слушаться. А на самом деле они были Твоими, но я не знал этого и думал, что Ты молчишь, а говорит моя мать. Ты через неё обращался ко мне, и в ней презрел я Тебя, я, её сын, «сын служанки Твоей, раб Твой». Я не знал этого и стремглав катился вниз, ослеплённый настолько, что мне стыдно было перед сверстниками своей малой порочности. Я слушал их хвастовство своими преступлениями; чем они были мерзее, тем больше они хвастались. Мне и распутничать нравилось не только из любви к распутству, но и из тщеславия. Не порок ли заслуживает порицания? А я, боясь порицания, становился порочнее, и если не было проступка, в котором я мог бы сравниваться с другими негодяями, то я сочинял, что мною сделано то, чего я в действительности не делал, лишь бы меня не презирали за мою невинность и не ставили бы ни в грош за моё целомудрие.

Вот с какими товарищами разгуливал я по площади «Вавилона» и валялся в его грязи, словно в кинамоне и драгоценных благоуханиях. И чтобы я крепче завяз в самой трясине его, втаптывал меня туда невидимый враг, не прекращая соблазнов своих...

Есть своя прелесть в красивых предметах, в золоте, серебре и прочем; только взаимная приязнь делает приятным телесное прикосновение; каждому чувству говорят воспринимаемые им особенности предметов. В земных почестях, в праве распоряжаться и стоять во главе есть своя красота; она заставляет и раба жадно стремиться к свободе. Нельзя, однако, в погоне за всем этим отходить от Тебя, Господи, и удаляться от закона Твоего. Жизнь, которой мы живём здесь, имеет своё очарование: в ней есть некое своё благолепие, соответствующее всей земной красоте. Сладостна людская дружба, связывающая милыми узами многих в одно. Ради всего этого человек и позволяет себе грешить и в неумеренной склонности к таким, низшим, благам покидает Лучшее и Наивысшее, Тебя, Господи Боже наш, правду Твою и закон Твой. В этих низших радостях есть своя услада, но не такая, как в Боге моём, Который создал всё, ибо в Нём наслаждается праведник, и Сам Он наслаждение для праведных сердцем.

Вот сердце моё, Господи, вот сердце, над которым Ты сжалился, когда оно было на дне бездны. Пусть скажет Тебе сейчас сердце моё, зачем оно искало быть злым безо всякой цели. Причиной моей испорченности была только моя испорченность. Она была гадка, и я любил её; я любил погибель; я любил падение своё; не то, что побуждало меня к падению; само падение своё любил я, гнусная душа, скатившаяся из крепости Твоей в погибель, ищущая желанного не путем порока, но ищущая самый порок.

И гордость ведь прикидывается высотой души, хотя Ты один возвышаешься над всеми, Господи. Разве честолюбие не ищет почестей и славы? Но Тебя одного надлежит почитать больше всех и славить вовеки. И жестокая власть хочет внушить страх,– но кого следует бояться, кроме одного Бога?

Внутри у меня был голод по духовной пище, по Тебе Самом, Боже мой, но не этим голодом я томился, у меня не было желания нетленной пищи не потому, что я был сыт ею: чем больше я голодал, тем больше ею брезгал...»

Я поспешил прочитать эти строки Андрею и почувствовал, что слова одного из отцов Церкви тоже всколыхнули его душу. Он повторял: «Как сказано... Как будто обо всех нас...» Но благотворное это влияние было, к сожалению, недолгим. Андрей не был бы собой, если бы тут же не перетолковал услышанное на свой лад.

– Слушайте, значит и для меня ещё не всё потеряно... Но главное, Михалыч, какой писательский талант! Вот уж никогда бы не поверил, что в те времена можно было так писать...

Мне осталось только развести руками.

– Друг мой, о литературе думать хорошо. Однако подумайте и о душе...

– Вы, как всегда правы, Михалыч. Но посмотрите: даже у баптиста Шибанова пекутся не только о вечном... Не кажется ли вам, что пора «подзаправиться»?

И в самом деле, наши хозяева проявляли чудеса хлебосольства. Кушанья за завтраком, обедом и ужином были вкусными и разнообразными: курятина, вареники, любимые Андреем пельмени, блинчики, творог, сметана, яичница, пирожки, жареная картошка

с мясом, молочная лапша, – всё, чего только душа пожелает! Андрей, конечно, вздыхал, что такое изобилие «пропадает» без спиртного, но ради мира, покоя и дружбы, скрепя сердце терпел.

Наступил день концерта. Харитон Еремеич сказал, что тоже купит билет на наш вечер, хотя мы уговаривали его не тратиться.

– Подумаешь, трата – один доллар! Кстати, почему вы так дёшево расцениваете себя? Вы же знаменитые писатели, а не жуки на палочке!

– Мы хотим, чтобы пришло побольше людей. За большими заработками не гонимся. Главное, чтобы все были довольны.

Публика собиралась дружно. К половине восьмого было продано четыреста билетов. Ровно в восемь раздался последний звонок. Нас встретили шумными, искренними аплодисментами. Андрея я представил как одарённого писателя и поэта, шесть лет пробывшего в одном из лагерей смерти на крайнем севере.

В этот вечер он выглядел красавцем – в голубом костюме с золотистым галстуком. Соломенного цвета волосы падали на лоб, придавая лицу особо романтическое, «есенинское» выражение.

Девушки, жадно вглядывались в него, таяли от восторга. Сначала он прочитал рассказ «Княжна» – о страданиях в лагере молодой аристократки. Женщины подносили к глазам платочки. Казалось, что аплодисменты после рассказа никогда не смолкнут. Андрей раскланивался направо и налево. Каким прекрасным человеком, артистом и писателем он может быть при некотором усилии воли, думал я.

После рассказа мой друг декламировал поэмы «Двадцать пять» и «Танюша». В первую поэму были вставлены песни, которые он не читал, а пел с большим настроением и чувством. Слышались выкрики «Браво!», «Превосходно!». В заключение первого отделения мы спели вдвоём грустную народную песню, которую я когда-то пел раненым бойцам в немецком концлагере.

Ты – дубравушка кудрявая,
Да что ж в тебе дубья много,
А нет одного дуба годного?
Один был дубочек зелёненький,

Да и того буря сломила,
Ко сырой земле приклонила,
И некому теперь пошумети
И дубравушку взвеселити.

Наши голоса сливались, мы пели по-народному, просто и задушевно, и это всех умиляло. После пения был устроен перерыв. Многие устремились к буфету. Туда же направились и мы. Андрею жали руку, многие обнимали и целовали его. Харитон Шибанов тоже расцеловался с Андреем и угостил его пирожками и шипучим напитком.

Началось второе отделение.

– А теперь моя очередь порадовать вас! – сказал я, выходя на сцену. Все дружно зааплодировали. Я начал со своей автобиографии. Смех зазвучал почти сразу же. Я пропевал народные песни, включенные в рассказ, и это тоже радовало слушателей. Принимали меня не хуже, чем Андрея.

В конце программы мы оба вышли на сцену и поблагодарили собравшихся за внимание и за любовь к художественному слову. Заведующий клубом, поблагодарил нас, сказал, что он не помнит таких успешных вечеров.

– Не помнишь потому, что таких вечеров здесь никогда не было! – раздался голос из зала.

Нам выдали по триста пятьдесят долларов. Расставание с публикой было трогательным, родственным. Шибанов вынужден был поторопить нас.

– Поспешим домой, а то пельмени уже заждались на столе...

Последние дни

Вскоре мы распрощались с Шибановыми и направились автобусом «Грейхаунд» в Нью-Йорк, где остановились у знакомых: Андрей у Завалова, а я – у Баклановых в Бруклине. Автобус пришёл днём, и мы решили посетить редакцию «Нового русского слова». Главный редактор, Марк Ефимович Вейнбаум, принял нас очень охотно. Здороваясь с Андреем, он радостно улыбнулся:

– Вас трудно узнать – вы стали просто красавцем.

– Всё это благодаря друзьям Родиона Михайловича. Ах, какой чудный вечер мы провели на русской ферме !

– Я сегодня получил спешным письмом отзыв о вашем совместном выступлении. Автор статьи пишет, что все были в восторге. Статья уже сдана в набор и появится в завтрашнем номере. Поздравляю вас, Андрей Сергеич, и радуюсь вместе с вами. Хочется верить, что теперь начнётся новая полоса вашей жизни – трезвая, целеустремлённая, с усидчивым трудом.

На прощанье редактор попросил нас написать для газеты по рассказу.

– Помните: читатели очень любят вас обоих. Почаще радуйте ваших поклонников.

Обстоятельства складывались для Андрея благоприятно. Его жизнь могла войти в трудовую трезвую колею. Но в моей душе всё время была тревога за него. Его, как ребёнка, нужно было всё время охранять от чрезмерной резвости и необдуманных поступков, но я не мог для этого полностью пожертвовать своим временем: у меня была работа, намечались планы путешествий в Австралию и Южную Америку. Сони рядом с Андреем не было. А друзья... друзья любили выпить и толкали его в пропасть.

Отзыв о нас в газете назывался «Триумфаторы».

– Ну как, Михалыч, не выпить ли по этому случаю? – ликовал Андрей.

– Дорогой мой! Вы не можете себя сдерживать: каждая рюмка толкает вас в канаву, в ров, в яму, в бездну, в пропасть!

– Сколько страшных слов, Михалыч, а мне в таких случаях рисуется совсем иное: я превращаюсь в жаворонка, который поднимается всё выше и выше в небесную лазурь и разливает свою бисерную трель всё звонче и чаще ! Если вы не хотите разделить компании со мною, придётся порадоваться с Вениамином Заваловым.

– Да, Андрей Сергеич, лучше всего вам отпраздновать свои успехи с ним.

Мы расстались. Я сказал, что дня через два возвращаюсь в Калифорнию.

– Я махну вслед за вами.

На следующий день я узнал, что Андрея нашли в парке – избитого, истерзанного, полуживого. Его подобрала полиция и увезла в специальную больницу, куда направляют всех подобранных на улице. Врачи сказали, что состояние его здоровья безнадёжно: потеряно слишком много крови.

Я навестил моего друга. Всего два дня назад он расцветал на глазах. Теперь это было растоптанное, сломленное ударами судьбы существо. От цветка не осталось ни одного лепестка. Бледный лоб был рассечен. Глаза закрыты. Дыхание было хриплым и прерывистым.

– Андрей... друг, вы слышите меня?

Он с трудом разлепил веки.

– Михалыч? Вот он, финал моей жизни... Четыре негра молотили чем попало... Хотелось бы проститься с Соней... Постарайтесь найти её... Да, Михалыч, у всякого свой конец... Если бы вы были со мной, этого бы не случилось... Но я вас не виню... это даже правильно, что я ухожу... Вот только к кому ухожу, Михалыч? К Богу или к дьяволу? Разбойнику на кресте Христос сказал: «Ныне же будешь со Мною в раю»...

– После слов разбойника: «Помяни меня, Господи, во царствии Твоём»...

Я тоже прошу: «Господи, прости, сотри всё, как написанное мелом на доске... Я никогда не богохульничал... Я только грешил... Спасибо вам... Говорю через силу... Хотелось бы сказать о многом, но... не успею... Буду ждать Соню...

Веки его опустились.

Не теряя ни минуты, я принялся за поиски бывшей жены моего друга. К счастью, найти её удалось быстро. Позвонил, умоляя проститься с умирающим. Соня была поражена известием, но согласилась на последнюю встречу только в моём присутствии.

Мы встретились у станции подземки и отправились в госпиталь. По дороге Соня призналась, что у неё нет обиды на бывшего мужа, но сейчас она просто не знает, что ему сказать.

– На душе тяжело, Родион Михайлович... Ведь наша жизнь

могла сложиться по-иному... Но сатана был сильнее нас... Мне не удалось спасти Андрея.

Когда мы вошли в палату, глаза несчастного по-прежнему были закрыты. На лбу серебрилась испарина.

– Андрюша! – прошептала Соня, наклонившись к уху умирающего. Глаза его приоткрылись. Думая, что это сон, какое-то время молчал.

Потом с удивлением произнес:

– Пришла? Спасибо, пташенька... Прости меня за все гадости... Можешь?

– Могу...

Сонины слёзы упали на его лицо.

– Плачешь?

– Да... плачу... Счастье наше разбито... Но ты успокоишься на небе...

– Да... я не донёс драгоценного нектара в Божьем сосуде до Его престола... Я всё расплескал в своей греховной жизни... Но у меня всегда была тоска по красоте... Боже, будь милостив ко мне грешному... Трудно дышать... умираю... поцелуй меня, Соня...

Она приникла к нему... Тело её била дрожь.

– Поцелуйте меня, друг Михалыч... И напишите обо мне всю правду... Ну вот, успел сказать главное... Прощайте...

Последний его вздох был глубоким и шумным. Грудь опала. Жизнь прекратилась. Я обнял Соню, и оба мы приглушенно зарыдали.

Хоронили Андрея за счёт больницы. На кладбище пришли Марк Ефимович Вейнбаум, я, Соня, Завалов и несколько почитателей его таланта. Венки были от редакции газеты, от Сони, от меня и от брата Андрея. На могиле поставили деревянный крест. На чёрной продолговатой жестянке белой эмалью были написаны две строчки:

Одним цветком земля беднее стала,
Одной звездой богаче небеса.

Вот и вся история жизни человека, которого изломал и погубил грех. Друзья мои, грех бывает разным, но он всегда ломает и губит жизнь. Пусть эта драматическая история заставит нас задуматься о жизни и о Боге. И Господь всегда откликнется, протянет Свою руку, если мы обратимся к Нему: Господи, Ты всё знаешь. Прости меня и будь со мной, грешным. Аминь.

Господь ждёт от нас этой молитвы.

Сентябрь 1978 года

Содержание

Приложение

Многие читатели, зная, что право на издание книг
Родиона Березова («копирайт») принадлежит нам,
предлагают напечатать **Собрание сочинений писателя**.
В настоящее время мы молитвенно
рассматриваем эту возможность.
Желающие подписаться на Собрание сочинений знаменитого
христианского писателя должны прислать
нам свои заявки до 1 сентября 1997 года.
В Собрание сочинений из десяти томов войдут известные
и малоизвестные произведения Родиона Берёзова.
Ориентировочная цена каждого тома - 12 долларов.
Часть тиража будет издана в подарочном варианте,
с золотым тиснением.
50 процентов тиража будет **бесплатно** отправлено на Родину.
Оплата - только после издания каждого тома,
но книги будут высылаться только тем,
кто заблаговременно оформит заказ.

Заказы посылайте по адресу:
CHRISTIAN BRIDGE INTERNATIONAL
380 S.Schmale Rd., Carol Stream, IL 60188

Наш телефон для справок: 630-690 0726

Родя Берёзов,
9 лет. 1905 год.

Мать писателя,
Матрёна
Акулышина.
Снимок сделан
в день её
семидесятилетия.

Молодые поэты Самары, 1923 год.
Крайний справа Родион Берёзов.

Одна из первых книг писателя, выпущенная под его настоящим именем – Родион Акульшин.

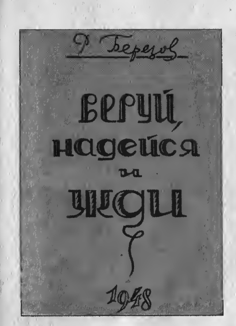
Родион Березов со своим другом, известным поэтом Иосифом Уткиным. Москва, Петровский бульвар, 1925 год.

Р. Берёзов.
Портрет работы
К.Визигиной-Коваленко,
1976 год.

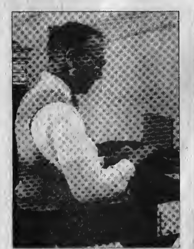

Родион Берёзов в
лагере для
перемещенных лиц.
Портрет работы
Юрия Бобрицкого.
Зальцбург, 1946 год.

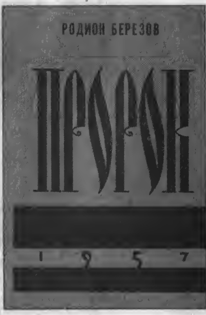

Калифорния,
1954 год.

Родион Берёзов
за работой.
Сан-Франциско, 1960 год.

В библиотеке журнала «Сеятель Истины».

Русскоязычная
пресса печатала
рассказы,
статьи и стихи
Р. М. Берёзова.

Р. М. Берёзов и П. И. Рогозин.

Вспоминая Россию...

Родион Берёзов и Николай Водневский,
1962 год.

Рождение новой книги.

Поэт Геннадий Панин и Родион Берёзов, 1971 год.

Родион Берёзов и Михаил Моргулис
на литературном вечере. Нью-Йорк, 1982 год.

Детский лагерь,
Коннектикут.

Р. Берёзов.
Ашфорд, 1982.

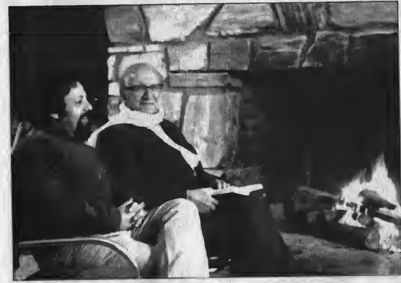
Родион Берёзов
перед воскресным богослужением.
Ашфорд, 1985 год.

Популярный сборник христианской поэзии,
где были опубликованы стихи Р.Берёзова

Ашфордские аллеи. Родион Берёзов
со своим названным внуком Зиновиком,
которому он посвятил книгу
"Лебединая песня", 1980 год.

Обсуждая новую рукопись. Ашфорд, 1980 год.

О времени, о жизни. Мария Силоди и Родион Берёзов.
Ашфорд, 1987.

Писатель в кругу друзей: Мария Силоди, Алексей Леонович, Платон Харчлаа. Ашфорд, 1987 год.

Незадолго до ухода в вечность. 1988 год.

"Жизнь моя, иль ты приснилась мне..."

Ашфордское кладбище, 1996 год.
П. Харчлаа и М. Моргулис.

Напечатайте это
после моей смерти.

Вероятно, я скоро умру —
Незаметно, как дым на ветру.
Одинокую жизнь доживая,
Испарюсь, как вода дождевая
Мало будет у гроба речей.
Скажут: „Высох прозрачный ручей,
Облетели поэзии листья
И в гробу — образец бескорыстья

Р. Березов

ДРУЗЬЯ, ВНЕСИТЕ РАДОСТЬ В ВАШУ ЖИЗНЬ!

Вы можете купить в Амернке любую книгу, любую кассету. Но прнобрестн наши магнитофонные кассеты вы не сможете нигде. Они уникальны. Когда этн программы впервые прозвучалн по радио, Господь особо благословнл их действие на людей. Благодаря нм тысячи неверующих пришли к Господу. Письма от этих людей свидетельствуют о том, что их жнзнь изменилась после того, как они прослушали программы.

На каждой кассете - две программы, общим временем звучания в один час. Их ведут хорошо знакомые радиослушателям Таня и Миша. Программы записаны в студни А. П. Леоновича - человека, известного многнм верующим. Каждая кассета - это час духовного счастья, час замечательной музыки, слёз и радости, час прекрасных песен, молитв и Божней благодати. Пастор Яков Духонченко и пастор Иван Федотов говорнли, что «эти программы благословлены Господом».

По свидетельству авторов писем, когда звучат эти программы, Дух Святой касается сердца слушателя. Но, пожалуйста, помните - с молитвой к Богу о благословении этих программ обращались тысячи людей. В радиостудни, во время записи, над кассетамн былн совершены молитвы особо отмеченных Господом братьев. **Поэтому если вы даете переписывать кассеты, они могут потерять свою духовную силу.** Их нужно слушать только в оригинале. Мы подготовилн для вас 24 лучшнх программы. Они звучат на кассетах более двенадцати часов. Набор из 24 программ стоит всего 69 долларов, включая пересылку.
Все собранные средства пойдут на выпуск новых кассет н изданне христианскнх кннг.

Эти кассеты - прекрасный, удивнтельный подарок на свадьбу, на день рождения, это подарок отцу и матерн, для церкви, в библиотеку, для посылкн на Родину... Это лучший подарок для душн. Заказывайте сегодня, тогда вы их быстрее получите. Эти кассеты приводят людей к Богу, мирят детей с родителямн, возвращают мужей и жен, возвращают любовь.

В серию входят следующие программы:
«До свидаиья, журавли», «Гибель 'Титаника'», «Христос - это весна», «Тихо падает снег», «Что такое счастье?», «История одной жизии», «Распятие Христа с медициисской точки зрения» н другие. Все кассеты выпускаются в подарочном наборе - специальном пластиковом футляре-альбоме с цветной обложкой. Всего будет выпущено 500 альбомов.
Мы ожидаем, что вся подготовительная работа завершится к 1 августа 1997 года.
Чтобы успеть получить кассеты, заказывайте нх заблаговременно.

Чеки, мани-ордера и наличные посылайте по адресу:
CHRISTIAN BRIDGE INTERNATIONAL
380 S.Schmale Rd., Carol Stream, IL 60188

Наш телефон для справок: 630-690 0726

Проповеди Михаила Моргулиса

стали первыми хрнстианскнми программами, трансляция которых по радио и телевнденню иачалась непосредственно нз Москвы, – по всему бывшему СССР. За прошедшие годы в эфире прозвучали сотнн его программ. Мы получили н получаем тысячи пнсем из Россни и Амернкн с благодарнымн откликами слушателей, для которых этн передачи открыли путь к Истине. По многочисленным просьбам наша редакция подготовнла к выпуску книгу нзбранных проповедей Михаила Моргулиса.

В этой красиво оформленной кннге более 300 страниц. Она адресована всем людям, незавнсимо от нх возраста и социального положения, ибо отвечает на нзвечные вопросы жизнн. В книге гармонично сочетаются духовность н назидание, отражена современная жизнь, проповедуются любовь к ближнему н семейные хрнстианские цеииости.

Кннга напнсана живым, увлекательным языком, который всегда отличает творчество Михаила Моргулиса – автора бестселлера «Возвращенне на Красную планету».

Орнентнровочная цена – 12 долларов. Подписка на книгу принимается до 1 октября 1997 года. Оплата – только после издания, но книги будут высылаться только тем, кто заблаговременно оформит заказ. Спешнте послать заявку, так как книга выходит ограниченным тиражом.

Каждая кннга будет послана заказчику со специальиым нмениым автографом автора.

Заказы посылайте по адресу:
CHRISTIAN BRIDGE INTERNATIONAL
380 S.Schmale Rd., Carol Stream, IL 60188

Наш телефои для справок: 630-690 0726

Дорогие друзья!

Мы готовим книгу «Живые голоса России». В этой книги будут собраны пнсьма нз бывшего СССР от людей, переживших боль, потерю близкнх, людей, прошедших через пьянство, наркотики, даже убийства, но в конце трудного пути нашедшнх Бога.

В эту книгу будут также включены свидетельства верующих, прошедших преследования н узы. Вы тоже можете прислать свое свидетельство, н, если оно будет ннтересным, мы его опубликуем в книге. Это изданне может стать памятью н назнданнем для ваших детей.

Еслн вы желаете заказать кннгу «Живые голоса Россин», пришлнте нам заявку с вашим домашннм адресом нли адресом вашей церкви. Оплата книгн после ее выхода.

Примерная цена – 13-14 долларов.

Если ваше свидетельство будет отобрано для публикацин, нужно будет добавить к этой сумме 15 долларов для его редактирования и перепечаткн, о чем мы известнм вас дополнительно.

Текст свидетельства не должен превышать 5 страниц на машннке.

Выйти в свет книга должна в первой половине 1998 года.

Присылайте свои заявки и свои свндетельства!

Пишите нам по адресу:
CHRISTIAN BRIDGE INTERNATIONAL
380 S.Schmale Rd., Carol Stream, IL 60188

Наш телефон для справок: 630-690 0726

Не секрет, что произношение многих библейских имен, а также особых слов в Библии всегда было камнем преткновения для многих верующих. С целью донести Слово Божие в его правильном звучании на русском языке нами, Международной ассоциацией «Христианский Мост», совместно со Славянским Миссионерским Служением и Союзом РУЕХБ Америки и Канады, подготовлен уникальный звуковой альбом - четыре Евангелия. Каждое Евангелие записано отдельным диктором, причем все ударения в этой записи выверены специальной комиссией авторитетных богословов. Особое настроение при слушании кассет создает специально подобранное музыкальное оформление. Красочный альбом включает 10 кассет. Цена этого подарочного издания - 59 долларов, включая пересылку. Торопитесь заказать этот единственный в мире прекрасный звуковой альбом - всего будет выпущено только 500 наборов. Заявки принимаются до 1 августа 1997 года.

Заказы, чеки, мани-ордера и наличные посылайте по адресу:
CHRISTIAN BRIDGE INTERNATIONAL
380 S.Schmale Rd., Carol Stream, IL 60188

Наш телефон для справок: 630-690 0726

От редакции

Дорогие читетели!
Мы получаем много писем, в которых вы спрашиваете, как приобрести кассету с двумя музыкальными радиопрограммами о Р. Березове и записью его декламации и песен. Эта кассета есть у нас. Ваше пожертвование на возмещение затрат по изготовлению кассеты и подготовкку новых радиопрамм составит 12 долларов.

Напоминаем также, что нами была выпущена на русском языке драматическая книга-исповедь американской христианки Валетты Стил-Крамли «Через долину смертной тени». Вы можете получить ее, послав пожертвование в размере 8 долларов.

Посылайте свои пожертвования по адресу:
Christian Bridge International,
380 S.Schmale Rd., Carol Stream, IL 60188

Телефон для справок:
630-690-0726

Родион Березов

Когда умирал один из самых известных писателей послевоенной эмиграции – Родион Берёзов, он сказал мне: «Мой дорогой, я издал все книги, которые написал, а их более тридцати. Но одну я не издал, о моём друге писателе Сергее Максимове. Видите ли, я человек верующий и, с одной стороны, не хотел вставлять в книгу все подробности, о которых рассказал мне Сергей. С другой стороны, перед его смертью я дал ему слово рассказать абсолютно всё, что он мне поведал. И вот я решил, оставлю рукопись книги вам, а вы, уже после моей смерти, издадите её. Надеюсь, простят и герою, и автору. Тем более, что оба говорят правду в назидание нашим детям... Обещайте мне!» Я пообещал и теперь, к 100-летию со дня рождения писателя, исполняю своё слово, публикуя его последнюю книгу. *М. Моргулис*